W 317/868

9с
О 14

№ 317/868

№ 317/868

I-82
Ф 11953

ОБЗОРЪ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАГО

ДВИЖЕНІЯ

ВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1880.

Печатано по распоряженію III Отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО Величества Канцеляріи.

в переплет
Инв. 3638
Пр 55
2007050479
82662-46

Спб. Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

9С
О 14

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Соціально-революціонное движеніе на Западѣ, въ связи съ основаніемъ и развитіемъ международнаго общества рабочихъ; участіе въ немъ русскихъ соціалистовъ.

I. Происхожденіе соціалистическихъ утопій.—Теорія прямаго законодательства Риттингаузена и „Contrat Social“ Руссо въ разборѣ Прудона.—Анархическое ученіе Прудона: разложеніе правительственныхъ функцій въ экономическомъ организмѣ; религіозно-экономическая пропорція; интегральное воспитаніе; мютюэлизмъ; взгляды Прудона на землевладѣніе и наемный трудъ. — Противорѣчія, говорящія въ его пользу. — Практическое осуществленіе его мысли о выкупѣ домовъ и фабрикъ: дѣятельность Дольфуса и Годена Лемера.— Отношеніе Прудона къ суду надъ нимъ общественнаго мнѣнія Франціи. . . 1

II. Выходъ соціализма на практическую почву и образованіе соціалистическихъ обществъ среди рабочихъ.—Германскіе соціаль-демократы: ихъ программа; сношенія Бисмарка съ Лассалемъ; король Вильгельмъ и депутація рабочихъ съ фабрики Рейхенгейма; присоединеніе соціаль-демократовъ къ интернаціоналу.—Наиболѣе анархическія конфедераціи Международнаго Общества Рабочихъ (интернаціонала).—Бельгійская конфедерація: Филиппъ Буонаротти; университетская молодежь Бельгіи; общество „le Peuple“, зачатки интернаціонала (въ 1863 г.); волненія и стачки 1867 и 1868 гг.; превращеніе общества „le Peuple“ въ М. О. Р.; журналъ „La Liberté“.—Катехизисъ бельгійскихъ соціалистовъ въ запискѣ Брюссельской секціи 1874 г.—Основное правило коллективистовъ: „какова система производства, такова и форма собственности“.—Первый генеральный конгрессъ интернаціонала и утвержденіе его основныхъ статутовъ (1866 г.). —Постановленіе Лозаннскаго конгресса 1867 г. и теорія коллективизма де-Пэпа. — Постановленіе Брюссельскаго конгресса 1868 г. и распаденіе на партіи.—Соціалистическая агитація въ романской Швейцаріи: Кульри въ Шо-де-Фонѣ, Гильомъ въ Локлѣ и Беккеръ въ Женевѣ.—Журналъ „Progrès“ и крайнее развитіе ученія коллективистовъ.—Женевская „фабрика“ и строительные работники. Женевскія секціи и Юрская федерація. Журналъ „Egalité“, его редакторы и сотрудники . . 25

Бакунинъ и его итальянскіе друзья.—Alliance de la démocratie so-
мена разрушительнаго соціализма, посѣянныя въ Италіи и Испа-
волюціонная агитація на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.—
ма бакунинскаго союза (alliance).—Нигилистическая программа „славян-
секціи въ Цюрихѣ“.—„Государственность и анархія“, соціалистическія статьи, письма и рѣчи Бакунина: значеніе религіи и причины обожанія Царя русскимъ народомъ; ненависть къ буржуазіи и въ особенности къ аристократіи ума; пути къ освобожденію рабочаго класса; всестороннее, или интегральное образованіе; „экономическое освобожденіе должно быть источникомъ всѣхъ другихъ освобожденій.“—Параллель между Бакунинымъ и Лассалемъ.—Ассоціаціи, „желѣзный законъ“ и программа Лассаля.—„Общій Германскій рабочій союзъ.“—Бебель и Либкнехтъ.—Соціализмъ въ Австріи.—Рабочіе союзы въ Англіи.—Политическая программа дѣйствія англійскихъ и германскихъ соціалистовъ, ихъ организація и численность.—Понятія Бакунина о патріотизмѣ.—„Страшный день правосудія“.—Парижскіе коммунары умѣреннѣе Бакунина.—Подвиги послѣдняго на Базельскомъ конгрессѣ (1869 г.), гдѣ впервые появляются русскіе соціалисты: отзывы о нихъ германскихъ соціаль-демократовъ.—Гаагскій конгрессъ и исключеніе Бакунина изъ интернаціонала.—Распаденіе Международнаго Общества Рабочихъ на централистовъ и федералистовъ.—Отказъ Бакунина отъ публичной дѣятельности и его прощальныя письма (1873 г).—Протестъ противъ „работниковъ мысли“; превращеніе агитаторовъ въ простыхъ работниковъ и движеніе въ народъ 67

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историческое развитіе.

I. Мечтательность и отрицательное направленіе въ литературѣ.—Кружокъ Станкевича.—Ученіе славянофиловъ и его отрицательныя основы.—Критика явленій общественной жизни. — Возрастающее неудовольствіе существующимъ порядкомъ вещей.—Обличительная литература.—Попустительство администраціи и цензуры.—Нигилизмъ.—Принципъ „новыхъ людей“ и его происхожденіе.—Чернышевскій и Писаревъ. — Лондонская программа Герцена и Бакунина въ связи со взглядами на реформы нынѣшняго царствованія либеральной или конституціонной партіи.—Убѣжденіе, что общество и народъ обмануты реформами 4 апрѣля 1866 г.—Первыя прокламаціи и взглядъ Чернышевскаго на крестьянскую реформу. — Послѣдствія примѣненія реформъ. — Успѣхи либерализма, его послѣдствія и отношенія консервативныхъ элементовъ къ правительству. — Вымираніе потомственнаго дворянства.—Пролетаріатъ дворянскій и духовенства—существенный элементъ соціально-революціоннаго движенія 127

II. Чѣмъ долженъ быть трудъ съ точки зрѣнія соціалистовъ? — „Экономическая

дѣятельность и законодательство" Чернышевскаго.—Значеніе среднихъ логическихъ моментовъ по Гегелю.—Границы возможнаго, по мнѣнію Чернышевскаго, и программа дѣйствія.—Понятія Чернышевскаго о законѣ и общинномъ землевладѣніи; основной принципъ шеллинговой философіи.—Мнѣніе Герцена о консерватизмѣ народа.—Разрушительность нигилизма.—Наша революціонная фаланга со словъ Бакунина. — „Мыслящій пролетаріатъ" изъ дѣтей дворянъ и духовенства.—Дореформенное значеніе дворянства.—Вліяніе на молодежь реформъ нынѣшняго царствованія; отрѣшеніе отъ прошлаго, неопредѣленность будущаго. - Совмѣстное вліяніе реформъ и литературы.—Почему Чернышевскимъ отдано предпочтеніе принципу Фурье?—Жизненныя задачи „новыхъ людей" и романъ „Что дѣлать?"—Отзывъ Герцена о нашихъ эмигрантахъ.—Кружковая жизнь, ея вліяніе на молодежь и сила традиціи.—Единственное средство искоренить традицію нигилизма. — Пропаганда. — Пропагандисты и ихъ нравственная испорченность —Дѣятельное участіе женщинъ въ подпольной агитаціи. — Пониженіе образовательнаго уровня въ средѣ революціоннаго пролетаріата. 172

III. Развитіе революціонной агитаціи: женевскій журналъ „Народное дѣло", Нечаевъ и общество „Народной расправы"; прокламаціи и разрушительная программа дѣйствія; списокъ лицъ, подлежавшихъ умерщвленію и истязанію; убійство товарища.—Лавровъ и учитель Ковальскаго.—Послѣдствія устава духовн. семинарій и училищъ 1867 года.—Студенческія учрежденія самопомощи и причины ихъ вызывающія.—Стипендіальный капиталъ.—Программа классическаго образованія усиливаетъ затрудненія.—Взглядъ мыслящаго пролетаріата на правительство и на положеніе народа.—Вліяніе литературы.—Личный составъ ишутинцевъ, нечаевцевъ и подсудимыхъ процесса 193-хъ.—Сближеніе пролетаріата съ людьми состоятельными на почвѣ преступной агитаціи.—Заграничныя поѣздки молодежи и цюрихская колонія.—Женскій вопросъ въ связи съ участіемъ женщинъ въ соціально-революціонномъ движеніи; свободная любовь.—Тлетворное вліяніе матерей-либералокъ.—Бѣдственное положеніе эмигрантовъ—причина поощренія книжной пропаганды.—Рекрутскій наборъ, подушная подать и акцизъ на соль.—Пѣсни—опасное орудіе пропаганды.—Цензурная литература начала текущаго десятилѣтія по рабочему вопросу; статьи Флеровскаго (Берви); отсутствіе сознанія гражданскаго долга у нашихъ публицистовъ.—Цюрихскій типографскій станокъ и происхожденіе журнала „Впередъ"; отзывъ редакціи газеты „Работникъ".—Какъ и зачѣмъ идти въ народъ?—Ненависть Бакунина къ семейной патріархальности; родительская власть—могущественный оплотъ противъ соціально-революціоннаго переворота.—Въ чемъ

состоитъ призваніе соціально-революціонной молодежи?—„Естественные революціонеры", или бунтари изъ народа.—Защитительная рѣчь фабричнаго рабочаго Алексѣева; причины неудовольствія, заслуживающія особеннаго вниманія правительства; своевременность и предметы необходимаго для общаго блага вмѣшательства государственной власти въ отношенія нанимателя-фабриканта къ работнику.—Бакунинскій планъ боевой организаціи и мнѣніе о перманентности бунтовъ въ Россіи; убѣжденія и взгляды солдатскаго сына Мышкина —Организація революціонныхъ кружковъ на началахъ „коллективизма мысли и воли" и кружковой автономіи; прокламація анархистовъ.—Подготовленіе революціи по Лаврову.—Навязываніе революціи и якобинскіе планы Ткачева; соблазнъ народа картинами обжорства и лѣни.—Новый фазисъ революціонной организаціи: централисты; общество „Народнаго освобожденія" и „Набатъ". — Неуспѣхъ пропаганды; его причины и отзывы пропагандистовъ.—Литература разочарованія; „Новь" Тургенева 213

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Современное состояніе соціально-революціоннаго движенія.

I. Наиболѣе оживленный періодъ хожденія въ народъ. — Внѣшнее затишье въ 1877 году; отзывъ журнала „Впередъ".—Дѣла, подлежавшія сужденію Особаго Присутствія Правительствующаго Сената.—Численность причастныхъ къ соціально-революціонному движенію по дѣламъ, оконченнымъ дознаніями къ 1 января 1877 г.—Распредѣленіе по возрастамъ, по званію, по мѣсту образованія, по занятіямъ, по мѣсту рожденія.—Районъ и характеръ соціально-революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ.—Пункты контрабаднаго провоза изъ-заграницы сочиненій преступнаго содержанія. 289

Подпольный бунтъ;

II. Характеръ демонстраціи 6 декабря 1876 г.—Убѣжденіе въ невозможности произвести экономическій переворотъ путемъ пропаганды.—Порицаніе хожденія въ народѣ.—Современный составъ пропагандистовъ на фабрикахъ и заводахъ. — Осѣдлость пропаганды въ деревняхъ. — Замкнутость революціонной среды и ея бо́льшая сплоченность. — Превращеніе кружковъ въ шайки и агитаціи въ заговоры.—Возстановленіе нечаевской программы дѣйствія.— Признанія исполнительнаго комитета.—Ближайшая и конечная цѣли бунтарей.—Цареубійство есть окончательно избранное средство для достиженія политическаго переворота, а вслѣдъ за нимъ и переворота соціальнаго 309

Послѣсловіе 321

ВСТУПЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Соціально-революціонное движеніе на Западѣ, въ связи съ основаніемъ и развитіемъ международнаго общества рабочихъ; участіе въ немъ русскихъ соціалистовъ.

I.

Происхожденіе соціалистическихъ утопій.—Теорія прямаго законодательства Риттингаузена и „Contrat Social“ Руссо въ разборѣ Прудона.—Анархическое ученіе Прудона: разложеніе правительственныхъ функцій въ экономическомъ организмѣ; религіозно-экономическая пропорція; интегральное воспитаніе; мютюэлизмъ; взгляды Прудона на землевладѣніе и наемный трудъ. — Противорѣчія, говорящія въ его пользу. — Практическое осуществленіе его мысли о выкупѣ домовъ и фабрикъ: дѣятельность Дольфуса и Годена Лемера.— Отношеніе Прудона къ суду надъ нимъ общественнаго мнѣнія Франціи.

Франція болѣе другихъ государствъ Европы пережила политическихъ переворотовъ и пережила ихъ въ относительно короткій промежутокъ времени. Проистекавшая отсюда неустойчивость въ политическихъ взглядахъ, вынесенное изъ опыта убѣжденіе въ непрочности формъ государственнаго устройства, происки оставшихся отъ павшихъ правительствъ партій, убѣжденныхъ или въ истинности своихъ тенденцій, или въ законности своихъ правъ, постоянно держали общественное мнѣніе въ возбужденномъ состояніи и, возводя до нѣкоторой степени въ принципъ неудовлетворенность существующимъ порядкомъ вещей, направляли передовые умы на поиски за болѣе устойчивыми, или, что тоже, болѣе истинными формами

общественной и государственной жизни. Въ этихъ изысканіяхъ въ области соціологіи, по невозможности свести разнородныя и враждебныя другъ другу направленія къ сколько нибудь удовлетворительному компромиссу, при невозможности добиться правды времени и мѣста, вслѣдствіе подтасовки фактовъ и освѣщенія ихъ различными партіями по своему усмотрѣнію, историческій методъ естественно уступалъ мѣсто гипотетическому. Настоящаго не знали, прошлое игнорировали. При такихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ такого духа времени, всякая погрѣшность въ соціальномъ устройствѣ не представляется обыкновенно исторически справедливымъ, а потому и естественнымъ результатомъ прошлаго, который путемъ медленнаго прогресса непремѣнно видоизмѣнится въ будущемъ и непремѣнно къ лучшему, если только вѣра въ прогрессъ не есть ни на чемъ неосновавная мечта оптимистовъ, чего, впрочемъ, никто и не думалъ; всякая такая погрѣшность не вызывала въ передовыхъ умахъ полувѣковой эпохи революціи, привыкшихъ къ пересозданію формъ общежитія, строго научнаго изслѣдованія ея причинъ и мѣръ, необходимыхъ къ ея устраненію наличными средствами, а побуждала къ требованію соціальнаго переустройства во имя справедливости.

Отсюда происхожденіе соціальныхъ утопій, возникшихъ во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія и достигшихъ своего крайняго развитія послѣ февральской революціи, когда стремленіе къ соціальному переустройству подъ перомъ Прудона дошло до полнаго отрицанія не только существующихъ, но и сколько нибудь мыслимыхъ формъ государственнаго бытія.

Конечно, непосредственныя историческія событія клали на эти утопіи неизгладимую печать времени.

И анархическое ученіе Прудона носитъ на себѣ отпечатокъ того именно момента, когда, подъ живымъ впечатлѣніемъ катастрофы, постигшей въ іюньскіе дни рабочее населеніе Парижа, для утратившихъ власть демагоговъ наступила пора горькаго разочарованія и сомнѣнія въ цѣлесообразности для народнаго дѣла политическихъ революцій вообще.

Тогда въ средѣ народныхъ публицистовъ возникъ вопросъ: стоитъ ли разрушать абсолютную монархію и провозглашать верховную власть народа изъ-за того только, чтобы монархическій произволъ замѣнить насиліемъ депутатскаго большинства (виновника іюньской катастрофы)? Не консерваторы, не умѣренные либералы, а люди, считавшіе себя крайними демократами, поборники всеобщаго братства и равенства, стали находить, что народные выборы не могутъ служить искреннимъ выраженіемъ народной воли не только вслѣдствіе экономической подчиненности большинства избирателей, но и по многимъ другимъ причинамъ. Какимъ образомъ, напр., можетъ народъ удостовѣриться въ способности тѣхъ лицъ, которыхъ ему приходится уполномочивать? Если бы въ рабочей ассоціаціи приходилось рѣшить вопросъ, кто изъ членовъ наиболѣе способенъ выполнить извѣстную промышленную должность, избиратели-работники не рисковали бы ошибиться въ выборѣ, такъ какъ имъ приходилось бы судить о вопросѣ, не выходящемъ изъ предѣловъ ихъ спеціальныхъ ремесленныхъ свѣдѣній; но и при этомъ всякій согласенъ, что сапожникъ некомпетентенъ въ выборѣ лучшаго гравера, граверъ въ оцѣнкѣ способностей каменьщика: въ силу какихъ же соображеній сапожники, граверы, каменьщики, признаваемые даже въ экономическихъ вопросахъ некомпетентными вѣ

своихъ спеціальностей, могутъ явиться въ вопросѣ политическомъ одаренными, какимъ-то чудомъ, даромъ оцѣнивать способности и сознательно дѣлать выборъ? По этому поводу Прудонъ, съ свойственной ему рѣзкостью, говоритъ, вспоминая выдающіеся фазисы революціи 1848 года: «народъ, къ которому въ февралѣ не посмѣли бы обратиться за его мнѣніемъ о республикѣ; народъ, который 16 апрѣля и послѣ польскихъ дней огромнымъ большинствомъ высказался противъ соціализма: народъ, избравшій Луи Бонапарта изъ благоговѣнія къ императору: народъ, назначившій, увы! Учредительное Собраніе, а потомъ Законодательное, да!—народъ, не вставшій 17 іюня, не ликовавшій 31 мая: народъ, подписывавшій адресы и за и противъ пересмотра конституціи—этотъ-то народъ предполагается осѣненнымъ свыше знаніемъ и пониманіемъ, чтобы выбирать между гражданами добродѣтельнѣйшихъ и способнѣйшихъ и уполномочивать ихъ организовать трудъ, кредитъ, собственность, власть. И его выборные, вдохновленные его премудростію, предполагаются непогрѣшимыми! Полноте, будемъ-те откровенны! Общее избирательное право, условное полномочіе [1]), отвѣтственность представителей—все это пустяки, я имъ не довѣрю моего труда, моего спокойствія, моего состоянія; для защиты ихъ я не рискну ни однимъ волосомъ съ моей головы [2])».

По поводу введенной въ 1848 году нѣмцемъ Риттингаузеномъ въ моду теоріи прямаго законодатель-

---

[1]) Т. е. въ такой степени зависимое отъ избирателей, что послѣдніе могутъ взять свое полномочіе обратно во всякое время, коль скоро замѣтятъ, что избранный ими депутатъ уклоняется отъ заявленной имъ программы дѣйствія.

[2]) Idées générales de la révolution au XIX siècle. Introduction. Это сочиненіе писано Прудономъ въ тюрьмѣ Консьержери въ 1851 году.

ства, этого послѣдняго слова демократическаго nec plus ultra, тотъ же Прудонъ говоритъ: «не буду повторять относительно примѣненія общаго избирательнаго права къ вопросамъ законодательнымъ старыхъ возраженій противъ рѣшеній, исходящихъ изъ совѣщательныхъ собраній, напр., то, что въ нихъ одного голоса достаточно для составленія большинства и что, слѣдовательно, этотъ одинъ голосъ дѣлалъ бы законъ: перейдетъ этотъ голосъ на право, законодатель говоритъ: да: перейдетъ онъ на лѣво, законодатель говоритъ: нѣтъ. Эта парламентская нелѣпость, составляющая главное орудіе политическаго мошенничества, будучи перенесена на поприще народныхъ выборовъ, вызвала бы послѣ безчисленныхъ скандаловъ страшныя столкновенія. Народъ законодатель скоро опротивилъ бы самъ себѣ. Пропуская эти возраженія, я остановлюсь только на коренной ошибкѣ этой теоріи, ведущей, разумѣется, къ полному разочарованію въ этой теоріи мнимо прямаго законодательства. Г. Риттингаузенъ ищетъ, хотя и не говоритъ этого, общей, коллективной, синтетической, нераздѣльной идеи народа, одинмъ словомъ, идеи народа, разематриваемаго не какъ толпа, не какъ фикція, но какъ живое высшее существо. Къ этому вела теорія самого Руссо. Чего онъ хотѣлъ и чего хотятъ его послѣдователи своимъ общимъ избирательнымъ правомъ и своимъ закономъ большинства? Они хотятъ опредѣлить съ наименьшей ошибкой общее и безличное мнѣніе и полагаютъ, что мнѣніе большинства наиболѣе къ нему приближается. Такимъ образомъ г. Риттингаузенъ полагаетъ, что подача голосовъ о законѣ всего народа ближе будетъ къ этому идеальному общему и безличному мнѣнію, чѣмъ простое большинство представителей. Въ этой гипотезѣ и состоитъ вся ори-

гиніальность и все нравственное достоинство его теоріи. Но я скажу ему: «какъ могли допустить вы предположеніе, что можно узнать мысль одновременно частную и общую, коллективную и индивидуальную. однимъ словомъ синтетическую, путемъ подачи голосовъ, т. е. оффиціальной формулой разномыслія? Согласный хоръ ста тысячъ голосовъ едва могъ бы дать вамъ смутное представленіе о народномъ существѣ. Но сто тысячъ голосовъ, переспрошенныхъ порознь и отвѣчающихъ каждый сообразно своему личному мнѣнію, сто тысячъ голосовъ, поющихъ каждый про себя и на разные тоны, составятъ только ужасающую нескладицу, и чѣмъ больше голосовъ будетъ, тѣмъ ужаснѣе будетъ нескладица. Чтобы приблизиться къ коллективному мнѣнію, которое есть самая сущность народа, вамъ остается только собрать мотивированныя мнѣнія всѣхъ гражданъ, затѣмъ прочесть ихъ всѣ, сравнить мотивы, свести, на сколько возможно, подходящія мнѣнія къ одному, наконецъ. вывести изъ нихъ болѣе или менѣе точнымъ выводомъ синтезъ, т. е. общую мысль, мысль высшую, которую одну только и можно приписывать всему народу. Но сколько времени потребуетъ подобная операція! Кто поручится за вѣрное исполненіе ея. за точность результата? Какой логикъ приметъ на себя извлечь изъ этой избирательной урны, содержащей только пепелъ, живое и животворное начало–народную идею?

«Очевидно эта задача неразрѣшима. Н г. Роттингаузенъ, установивъ сначала прекрасныя правила неотъемлемаго права народа самому узаконять свои законы, кончаетъ, какъ всѣ политическіе дѣятели. тѣмъ, что обходитъ затрудненіе. Оказывается, что вопросы ставитъ уже не народъ, а правительство.

На вопросы, поставленные правительствомъ, народъ можетъ отвѣчать только да или нѣтъ, какъ ребенокъ, по катехизису. Народъ не имѣетъ даже права предлагать перемѣнъ въ предложеніяхъ правительства.

«Да иначе и сдѣлать нельзя въ этой системѣ разногласнаго законодательства, если хотѣть добиться хоть чего нибудь отъ толпы. Г. Риттингаузенъ охотно сознается въ этомъ. Онъ признаетъ, что если бы народъ, созванный въ комиціи, могъ предлагать измѣненія въ вопросахъ или, что важнѣе, самъ ставить вопросы, то прямое законодательство было бы утопіей. Чтобы это законодательство было практически возможно, надо, чтобы самодержецъ (т. е. народъ) имѣлъ выборъ только между двумя положеніями, изъ которыхъ, слѣдовательно, одно должно заключать въ себѣ всю истину и только истину, а другое—всю ложь. Если бы одно изъ нихъ заключало въ себѣ больше или меньше истины, больше или меньше лжи, то самодержецъ, обманутый вопросомъ, дурно поставленнымъ его министрами, неизбѣжно отвѣчалъ бы глупость.

«Между тѣмъ въ вопросахъ общихъ, обнимающихъ интересы всего народа, строгая постановка дилеммы—дѣло невозможное; такъ что, стало быть, какъ ни ставь вопросъ народу, онъ непремѣнно дастъ отвѣтъ нелѣпый...

«Ясно ли, что это прямое законодательство—ничто иное, какъ постоянная передержка... и г. Риттенгаузенъ, какъ логикъ, не можетъ не видѣть причины этого, она состоитъ въ томъ, что вопросы, предлагаемые народу, суть обыкновенно вопросы спеціальные, между тѣмъ какъ народъ можетъ давать лишь отвѣты общіе. Механическій законодатель, обязанный повиноваться дилеммѣ, не можетъ измѣнять

формулу согласно правдѣ мѣста, времени, обстоятельствъ; отвѣтъ его, разсчитанный на народную фантазію, всегда можно знать заранѣе, и каковъ бы онъ ни былъ, онъ непремѣнно будетъ ложенъ» [1]).

Восходя въ своемъ обзорѣ прогрессивныхъ политическихъ теорій къ автору «Contrat Social», Прудонъ говоритъ:

«Руссо въ своемъ Общественномъ Договорѣ доказалъ, что прямое правительство невозможно, такъ какъ по его системѣ законъ вотируетъ и власть отправляетъ большинство; а между тѣмъ несогласно съ естественнымъ порядкомъ, чтобы большинство правило, а меньшинство было управляемо.

«Далѣе, онъ доказалъ, что прямое правительство невозможно... потому что для этого прежде всего потребовалось бы уравнять состоянія, а равенство имуществъ невозможно.

«Сверхъ того онъ доказалъ, что, именно вслѣдствіе невозможности соблюдать равенство имущества, прямое правительство самое непрочное, самое опасное, болѣе всѣхъ влекущее за собой катастрофы и междоусобія.

«Онъ доказалъ также, что такъ какъ древнія демократіи не могли удержаться, несмотря на свои малые размѣры и на помощь, какую имъ оказывало рабство, то тѣмъ безуспѣшнѣе должна оказаться попытка учредить эту правительственную форму у насъ.

«Наконецъ онъ рѣшилъ, что эта форма возможна для боговъ, а не для людей» [2]).

По словамъ Прудона, «установивъ принципомъ, что народъ есть единственный самодержецъ, что пред-

---

[1]) Idées générales de la révolution au XIX siècle.

[2]) Тамъ-же.

ставителемъ его можетъ быть лишь онъ самъ, что законъ долженъ быть выраженіемъ воли всѣхъ и тому подобныя пышныя пошлости, которыми пользуются всѣ трибуны, Руссо вдругъ покидаетъ свой тезисъ и бросается въ околесную. Во первыхъ, на мѣсто общей, коллективной, нераздѣльной воли онъ представляетъ волю большинства; потомъ, подъ предлогомъ, что народу невозможно съ утра до ночи заниматься общественными дѣлами, онъ возвращается къ назначенію избирательнымъ путемъ представителей или выборныхъ, которые будутъ законодательствовать во имя народа и рѣшенія которыхъ будутъ имѣть силу законовъ. Вмѣсто того, чтобы самому непосредственно лично договариваться о своихъ интересахъ, гражданамъ можно только большинствомъ голосовъ выбирать посредниковъ. Сдѣлавъ это, Руссо очень доволенъ. Тиранія. кичившаяся божественнымъ правомъ, была ненавистна; онъ ее преобразовалъ и сдѣлалъ почтенной. выведя ее изъ народа. Другими словами, это ученая передержка, узаконяющая общественный безпорядокъ, освящающая народную нищету во имя народнаго самодержавія. Притомъ во всемъ этомъ нѣтъ и помину ни о трудѣ, ни о собственности, ни о промышленныхъ силахъ, организація которыхъ составляетъ цѣль Общественнаго Договора. Руссо понятія не имѣетъ о народной экономіи. Его программа толкуетъ исключительно о политическихъ правахъ: права экономическаго онъ не признаетъ».

Продолжая разбирать книгу Руссо и показавъ въ ней начало якобинской и конституціонной правительственныхъ теорій, Прудонъ говоритъ въ заключеніе:

«Насмѣявшись такимъ образомъ надъ читателемъ и соорудивъ подъ обманчивымъ именемъ Обществен-

наго Договора уложеніе капиталистической и торгашеской тиранніи, женевскій шарлатанъ приходитъ къ заключенію, что пролетаріатъ необходимъ, что работникъ долженъ быть подчиненъ, что нужны диктатура и инквизиція» [1]).

Такимъ образомъ Прудонъ не видитъ человѣческаго права на существованіе монархіи абсолютной и не признаетъ ни цѣли, ни даже здраваго смысла въ учрежденіи монархіи конституціонной, въ какой бы то ни было формѣ, а также республики, основанной:

а) на представительствѣ ограниченномъ,

б) на представительствѣ по всеобщей подачѣ голосовъ,

в) на прямомъ правительствѣ народа,

г) на прямомъ законодательствѣ.

Другими словами, Прудонъ отрицаетъ всякую государственную систему существовавшую, существующую и сколько нибудь мыслимую.

Онъ отрицаетъ власть, потому что принципъ власти, по его понятіямъ, несовмѣстенъ съ принципомъ равенства.

Отрицаетъ законъ, потому что всякій законъ, при существованіи власти изданный, имѣетъ принудительный характеръ и, слѣдовательно, несовмѣстимъ съ понятіемъ о свободѣ личности.

Отсюда логическій выводъ, что существующій, анормальный, по понятіямъ Прудона, порядокъ вещей не имѣетъ права на существованіе.

Основной тезисъ его вышеприведеннаго сочиненія есть слѣдующій:

«Революція въ XIX вѣкѣ состоитъ въ раз-

[1]) Тамъ-же. Первые три этюда.

рушеніи политическихъ государствъ, въ отмѣнѣ всякаго правительства вообще».

Что же возникнетъ на развалинахъ тысячелѣтнихъ формъ человѣческаго общежитія?

Прудонъ не затрудняется отвѣтомъ и въ седьмомъ и послѣднемъ этюдѣ своей книги, озаглавленной «Idées générales de la révolution au XIX siècle», отвѣчаетъ: царство безначалія, анархія!

Порядку политическому, основанному на законахъ, противопоставляется порядокъ экономическій, основанный на свободныхъ договорахъ всѣхъ между собою, входящихъ въ составъ экономической единицы, т. е. ассоціаціи производителей работниковъ и группировки этихъ ассоціацій. Прудонъ говоритъ: «Между политическимъ порядкомъ и порядкомъ экономическимъ, между порядкомъ, основаннымъ на законахъ, и порядкомъ, основаннымъ на договорахъ — сліяніе невозможно... Столько разъ доказанная несовмѣстимость этихъ двухъ порядковъ недостаточна, однако, для убѣжденія публицистовъ, которые, соглашаясь съ опасностями, представляемыми властью, тѣмъ не менѣе держатся за нее, какъ за единственное средство обезпечить порядокъ и внѣ ея видятъ лишь пустоту и отчаяніе. Подобно больному въ комедіи, которому говорятъ, что единственное средство ему вылечиться— прогнать своихъ докторовъ, они спрашиваютъ, какъ можетъ порядочный человѣкъ обходиться безъ докторовъ, общество безъ правительства».

Вслѣдъ затѣмъ Прудонъ показываетъ, какимъ образомъ всѣ правительственныя функціи сами собою разлагаются въ измышленномъ имъ экономическомъ организмѣ.

а) Культы.

Во всѣхъ странахъ и съ самаго начала человѣческой исторіи религія была тѣсно связана съ идеей о правительствѣ; церковь, сестра государства, всегда давала освѣщеніе дѣйствіямъ правительства, которыя Прудонъ характеризуетъ однимъ общимъ именемъ эксплуатаціи. Въ наше время церковь еще связана съ государствомъ и этою связью служитъ бюджетъ культовъ; стоитъ только уничтожить этотъ бюджетъ — и церковь перестанетъ существовать, какъ учрежденіе. Хотя невозможно запретить вѣрующимъ сохранять въ сердцахъ своихъ преданность древнимъ вѣрованіямъ, но эта преданность, сдѣлавшись исключительно платоническою, не представляетъ никакой опасности: священникъ, потерявъ свое оффиціальное жреческое достоинство и вынужденный сдѣлаться работникомъ, чтобы жить, лишится своего сана, а съ нимъ и своего вліянія на массы. Прудонъ заявляетъ, что онъ никогда не былъ вольнодумцемъ и злобы ни къ кому не имѣетъ, что онъ высказываетъ только выводъ или, пожалуй, дѣлаетъ предсказаніе: но, на его взглядъ, «нынѣ все противъ попа». «Если только реакціи (т. е. правительствамъ порядка, а не революціи) не удастся перестроить общество отъ основанія до вершины, передѣлать его тѣло и душу, его идеи, интересы, стремленія, христіанству не жить и двадцати пяти лѣтъ. Не пройдетъ, можетъ быть, и полвѣка, какъ попа будутъ преслѣдовать, за исполненіе его должности, по обвиненію въ мошенничествѣ». Онъ изобрѣлъ даже, для точнаго опредѣленія своей мысли, религіозно-политическую пропорцію слѣдующаго содержанія: Богъ относится къ х, какъ правительственный порядокъ къ порядку промыш-

ленному. Подъ неизвѣстнымъ въ этой пропорціи подразумѣвается человѣческій принципъ, предназначенный замѣнить идею о Всевышнемъ.

б) Правосудіе.

Сидя въ тюрьмѣ, Прудонъ писалъ:

«Правосудіе можетъ быть только одно,—то, которому обвиненный подвергаетъ себя самъ. И такъ будетъ, когда каждый гражданинъ станетъ прямымъ участникомъ въ общественномъ договорѣ; когда этотъ торжественный договоръ опредѣлитъ права, обязанности и принадлежности каждаго; когда обмѣнены будутъ гарантіи и принята санкція. Тогда правосудіе, исходя изъ свободы, перестанетъ быть местью и будетъ вознагражденіемъ». Вся судебная организація естественно рушится, потому что «тогда судебная процедура сведется на простое созваніе свидѣтелей: между истцомъ и отвѣтчикомъ, между тяжущимися. не нужно будетъ другихъ посредниковъ, кромѣ друзей, на рѣшеніе которыхъ они положатся». Организованное правосудіе, правосудіе въ формѣ учрежденія, признается формулой деспотизма, слѣдовательно отрицаніемъ свободы и права. По мнѣнію Прудона, оставить юрисдикцію, значитъ оставить зародышъ реакціи, изъ котораго рано или поздно разовьется политическая или религіозная автократія; поэтому онъ согласенъ отсрочить свою общественную ликвидацію на четверть вѣка, отсрочить организацію экономическихъ силъ даже на полвѣка. но находитъ. что отмѣна юридическихъ властей не терпитъ ни малѣйшаго промедленія и что «полное. немедленное уничтоженіе судовъ, безъ всякой замѣны, есть одна изъ первыхъ необходимостей революціи».

в) Администрація и полиція.

Съ уничтоженіемъ государства, администрація и полиція, потерявъ свои правительственныя связи, лишаются своего авторитарнаго, по мнѣнію Прудона, произвольнаго характера и становятся чисто экономическими функціями. Что же касается до выгодъ административной централизаціи, которую республиканцы считаютъ славнѣйшимъ твореніемъ революціи, то Прудонъ объясняетъ: «Если бы мнѣ приходилось говорить съ людьми, проникнутыми любовью къ свободѣ и самоуваженію, и если бы я хотѣлъ возбудить ихъ къ мятежу, я вмѣсто всякихъ рѣчей ограничился бы перечисленіемъ имъ административныхъ правъ префекта».

г) Общественныя работы; земледѣліе и торговля; финансы.

Коль скоро государство не только децентрализовано, но и разрушено, и инициатива въ дѣлѣ предпріятія работъ принадлежитъ общинамъ, а инициатива въ исполненіи этихъ работъ — рабочимъ товариществамъ, то министерство общественныхъ работъ упраздняется само собою; по тѣмъ же причинамъ упраздняются и министерства земледѣлія и торговли; относительно же министерства финансовъ, говоритъ Прудонъ, очевидно, что существованіе его обусловлено существованіемъ другихъ министерствъ. «Финансы для государства тоже, что ясли для осла. Уничтожьте политическую упряжку — и администрація, имѣющая единственною цѣлью добывать и задавать ей кормъ, сама собою окажется лишнею».

д) Иностранныя дѣла; войско и флотъ.

«Правительства, говоритъ Прудонъ, заявивъ претензію учредить въ человѣчествѣ порядокъ, организовали затѣмъ народы во враждебные другъ другу лагери: внутри ихъ единственнымъ занятіемъ было создавать рабства, а во внѣшнихъ отношеніяхъ поддерживать войну въ перспективѣ или на дѣлѣ.

«Угнетеніе народовъ и ихъ взаимная ненависть суть факты параллельные, солидарные, вызывающіе одинъ другого и могущіе исчезнуть лишь вмѣстѣ съ уничтоженіемъ ихъ общей причины правительства.

«Поэтому, пока народы будутъ состоять подъ полиціей царей, трибуновъ или диктаторовъ, пока они будутъ повиноваться видимой власти, учрежденной среди ихъ и издающей управляющіе ими законы, они будутъ находиться въ войнѣ между собой; никакіе священные союзы, демократическіе конгрессы, амфиктіоніи, центральные европейскіе комитеты, не могутъ ничего противъ этого сдѣлать. Огромные организмы, организованные подобнымъ образомъ, необходимо противоположны другъ другу по интересамъ: сливаться во едино они не хотятъ, а признавать справедливость не могутъ: они должны, стало быть, бороться и драться войной или дипломатіей, не менѣе безнравственной, чѣмъ война...

«То, что не удалось ни одной монархіи, даже монархіи Цезарей: то, чего не могло создать христіанство, сводъ всѣхъ древнихъ религій,—то совершитъ экономическая революція. Когда въ каждой странѣ за руководство общества будетъ вмѣсто религіи и власти принята наука,— не будетъ ни національности, ни отечества въ политическомъ смыслѣ; останутся только привязанности и связи родины. Человѣкъ, ка-

кого племени и цвѣта онъ ни былъ бы, будетъ дѣйствительно гражданиномъ міра, будетъ всюду гражданиномъ. Гармонія будетъ царствовать между націями безъ дипломатіи и безъ конгрессовъ, и ничто никогда не нарушитъ ее».

По этимъ соображеніямъ и въ виду совершеннаго уничтоженія политическихъ государствъ, не представляется никакой надобности, ни даже возможности въ содержаніи дипломатическихъ агентовъ: а при всеобщемъ никогда и ничѣмъ ненарушаемомъ мирѣ учрежденіе войска и военнаго флота не можетъ имѣть цѣли.

c) Народное образованіе.

Прудоновская теорія воспитанія, подъ именемъ всесторонняго, интегральнаго воспитанія пріобрѣла большую популярность въ средѣ соціалистовъ и получила широкое развитіе на новѣйшихъ интернаціональныхъ конгрессахъ.

Прудонъ находилъ, что современное раздѣленіе научнаго образованія и ремесленнаго ученія и «еще худшее раздѣленіе ремесленнаго образованія отъ настоящаго, полезнаго, серьезнаго, ежедневнаго занятія ремесломъ» воспроизводитъ въ новой формѣ раздѣленіе власти и классовъ, два сильнѣйшія орудія правительственной тиранніи и подчиненія работниковъ. Если коммерческая школа не лавка, не контора, то она воспитаетъ не торговцевъ, а барчуковъ торговли, аристократовъ; если морская школа не есть просто служба на кораблѣ, начиная съ юнги, то она будетъ лишь средствомъ раздѣлять моряковъ на два класса: матросовъ и офицеровъ. Школы: Политехническая, Нормальная, Сенсирская, Правовѣдѣнія и проч. учреждены не для народа; онѣ учреждены, по его мнѣнію,

чтобы поддерживать, укрѣплять, увеличивать раздѣленіе классовъ, чтобы довершать и упрочивать разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ заключеніе онъ говоритъ, что коль скоро воспитаніе сольется съ обученіемъ и сдѣлается одновременно дѣломъ умственнымъ, трудовымъ и хозяйственнымъ—оно не можетъ зависѣть болѣе отъ государства, станетъ несовмѣстнымъ съ правительствомъ; а потому въ новомъ обществѣ никакая школьная іерархія немыслима.

Но, устанавливая принципомъ новаго общества безначаліе, или, какъ онъ называетъ, анархію, Прудонъ въ то же время не желаетъ безпорядка: за нарушеніе присяги общественному договору онъ допускаетъ изгнаніе изъ общества и смертную казнь и въ этомъ отношеніи сильно расходится съ своими ближайшими послѣдователями,—соціалистами Брюссельской и Юрской секцій интернаціонала,—которые правонарушенія въ новомъ обществѣ считаютъ явленіями психіатрическими и потому подлежащими вѣдѣнію медицинскаго персонала. Проповѣдуя революцію и ставя цѣлью послѣдней разрушеніе политическихъ государствъ и отмѣну правительствъ, онъ не хочетъ, однако, чтобы организація новыхъ экономическихъ обществъ совершилась путемъ насилія. Будучи сначала простымъ работникомъ-наборщикомъ въ типографіи, бухгалтеромъ, потомъ издателемъ [1]), постоянно вращаясь въ средѣ мелкой буржуазіи. Прудонъ, несмотря на свой революціонный характеръ, въ силу привычки уважалъ собственность. Возставая противъ бароновъ торговли и требуя для рабочаго обезпеченнаго состоянія, онъ въ то же время

[1]) Журнала Le Peuple, основаннаго на подписныя деньги парижскихъ рабочихъ и запрещеннаго 13 іюня 1848 года за статью о квартирной платѣ.

былъ далекъ отъ мысли о захватѣ чужой собственности. Онъ желалъ не экспропріаціи, какъ называютъ современные намъ соціалисты крайнихъ школъ насильственное отчужденіе, безъ всякаго вознагражденія, частной собственности, а лишь ликвидаціи дѣлъ современнаго ему экономическаго общества. Подъ именемъ ликвидаціи онъ понимаетъ выкупъ, хотя и въ своеобразной формѣ, недвижимости и крупныхъ орудій производства. Горячій поборникъ оплаты труда полною стоимостію и основатель теоріи взаимности услугъ въ производствѣ, вслѣдствіе чего послѣдователи его ученія и получили прозваніе взаимниковъ (mutuellistes), онъ былъ одинаково далекъ и отъ бредней бабувистовъ (послѣдователей казненнаго вмѣстѣ съ Дарте въ 1796 году Кая-Гракха Бабеера), и отъ ученій современныхъ ему государственныхъ коммунистовъ школъ Кабе и Луи Блана, и фаланстеріанцевъ, или фурьеристовъ Консидерана. Основываясь на своей національной исторіи, Прудонъ утверждалъ, что земля никогда не можетъ сдѣлаться не только государственной, но и общественной собственностію, что французскій крестьянинъ хочетъ быть собственникомъ и что поэтому было бы въ высшей степени неполитично представлять ему соціализмъ, посягающимъ на его право располагать своей землей; необходимо принимать въ соображеніе это чувство, столь живое въ крестьянинѣ, что всякая революціонная попытка, оскорбляющая его, заранѣе осуждена на неудачу. Выкупъ земли крестьянами и домовъ жильцами онъ думалъ произвести зачетомъ въ выкупную сумму арендныхъ платежей въ теченіи 20—30 лѣтъ. Только въ томъ случаѣ, если бы на эту мѣру не согласились владѣльцы земель или домовъ, онъ ставитъ имъ угрожающій вопросъ словами Фридриха Великаго, ска-

занными, какъ гласитъ преданіе, мельнику Санъ-Суси: «Знаешь ли, что я могу взять и не платя?» Прудонъ находилъ также, что наемный трудъ можетъ сохраниться безъ ущерба для равенства; въ его глазахъ это законная форма труда и было бы нестерпимой тиранiей желать уничтожить эту форму и всюду замѣнить ее ассоціаціоннымъ трудомъ. Вообще онъ допускаетъ ассоціацію, какъ учрежденіе неизбѣжное, только въ такихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя требуютъ совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ разныхъ промысловъ, ремеслъ, спеціальностей, когда изъ этого соединенія выходитъ новый продуктъ, недоступный единоличному труду, словомъ, когда раздѣленіе труда является необходимымъ условіемъ самаго производства. Во множествѣ же мелкихъ ремеслъ, гдѣ раздѣленія труда нѣтъ, нѣтъ и повода къ ассоціаціи. Если бы даже многіе работники собирались въ одной мастерской, какъ напр. въ сапожной, изъ этого не вышло бы ассоціаціи, потому что трудъ каждаго работника оставался бы независимымъ. Каждый изъ нихъ, исполняя одну и ту же функцію и во всѣхъ ея фазисахъ, не нуждается въ другомъ для созданія своего продукта. Мастерская — не фабрика: она представляетъ сборище работниковъ независимыхъ, изолированныхъ другъ отъ друга. Соединеніе многихъ лицъ въ одной мастерской «имѣетъ цѣлью умноженіе продукта, который остается такого рода, что не требуетъ по сущности своей соединенія различныхъ спеціальностей. Поэтому, если дѣла предпринимателя разстроятся, если его постигнетъ банкротство, работники его ничего не потеряютъ кромѣ времени на пріисканіе занятія въ другой мастерской; что касается до заказа, то и онъ не подвергается никакому риску: каждый изъ работниковъ порознь или всѣ вмѣстѣ могутъ

взять его на себя [1])». Отсюда ясно, что въ такого рода трудѣ, къ которому относятся также и всѣ земледѣльческія работы и масса другихъ промысловъ, введеніе ассоціаціонныхъ началъ повело бы только работниковъ къ риску предпринимателей, отъ котораго они освобождены при существующемъ порядкѣ вещей. Прудонъ, какъ практикъ въ сферѣ этой своей спеціальности, рѣшилъ здравымъ смысломъ, что уничтоженіе формъ наемнаго труда — нестерпимая тиранія. Предоставляя каждому свободу и независимость въ сферѣ доступной единоличному труду, онъ потому самому стоялъ за сохраненіе наслѣдства, какъ продукта сбереженій каждаго отдѣльнаго лица и его предковъ. Правда, допустивъ выкупъ недвижимости и крупныхъ орудій производства, а также неприкосновенность правъ собственности тѣхъ изъ домовладѣльцевъ, которые сами или съ семействами занимаютъ принадлежащіе имъ дома, онъ тѣмъ самымъ допускаетъ возможность накопленія крупныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ, что, при возможности, съ другой стороны, пользоваться наемнымъ трудомъ, никому не помѣшаетъ вести вполнѣ самостоятельный образъ жизни въ новомъ экономическомъ обществѣ, а при свободной передачѣ наслѣдства продолжать тотъ же порядокъ вещей и въ грядущихъ поколѣніяхъ; не безосновательнъ дѣлаемый ему по этому поводу современными соціалистами упрекъ въ нелогичности, въ отступленіи отъ главной цѣли проповѣдуемой имъ революціи противъ всякой власти вообще и въ особенности противъ власти капитала и его могущественной рати въ лицѣ финансовыхъ барономъ. Но Прудонъ не гонялся за идеалами. Онъ прежде всего искалъ

[1]) Idées générales de la révolution au XIX siècle, 6-me étude.

практическаго разрѣшенія соціальнаго вопроса, видѣлъ, что въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ ищущія труда массы рабочаго населенія могутъ конкуррировать только между собой въ пользу пониженія заработной платы, что постоянныя усовершенствованія въ техникѣ производства, постоянныя изобрѣтенія новыхъ машинъ, все болѣе и болѣе вытѣсняющихъ ручную работу, уменьшающихъ и количественный спросъ на трудъ, низводятъ заработки до нищенскихъ размѣровъ [1]). Слѣдовательно, прежде всего нужно было протянуть руку гибнущему [2]) пролета-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ производствахъ заработная плата, постепенно понижаясь, упала съ 3 фр. до 50 и даже до 30 сант., во многихъ мануфактурахъ мѣсто мужчины заняли сначала женщины, а потомъ дѣти.

[2]) Во Франціи, въ виду физическаго вырожденія рабочихъ, уменьшена мѣра при пріемѣ молодыхъ людей въ военную службу съ 1 метра 624 миллим. на 1 метръ 560 миллим. Несмотря на это, изъ числа 325,000 достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста оказались негодными къ военной службѣ:

1) 18,106 ростомъ ниже 1 метра 560 миллим.
2) 30,524 безсильныхъ, рахитическихъ, чахоточныхъ.
3) 9,100 горбатыхъ, кривоногихъ и хромыхъ.
4) 15,988 другихъ увѣчныхъ отъ рожденія или несчастныхъ случаевъ.
5) 6,934 страдающихъ пораженіемъ одного какого-либо чувства (слуха или зрѣнія)
6) 963 косноязычныхъ и заикъ.
7) 4.108 беззубыхъ.
8) 5,114 страдающихъ поврежденіями отъ преждевременнаго разврата.
9) 2,529 страдающихъ накожными болѣзнями.
10) 5,213 золотушныхъ и страдающихъ зобомъ.
11) 2,158 паралитиковъ, эпилептиковъ, сумасшедшихъ и кретиновъ.
12) 8,326 страдающихъ различными патологическими аномаліями.

Всего негодныхъ къ военной службѣ 109,053 человѣка, т. е. болѣе $^1/_3$ наличной молодежи 20 л. возраста. Jules Simon: L'ouvrier de huit ans (pp. 55—59).

По Дюпену (Forces productives) въ Эльзасѣ 68% населенія, подлежащаго военной службѣ, не способны къ ней, а въ нѣкоторыхъ другихъ фабричныхъ департаментахъ даже 90%.

ріату въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ крупныхъ производствъ, немыслимыхъ безъ дорого стоющихъ машинъ. Онъ думалъ помочь горю учрежденіемъ своего банка обмѣна продуктовъ и услугъ и передачею орудій и матеріаловъ производства непосредственно въ руки производителей. Конечно, онъ далеко не безупреченъ въ утопическомъ построеніи будущаго, но за то въ настоящемъ онъ желалъ стоять на реальной почвѣ [1]) и не питая, по его же

[1]) Мысль Прудона о выкупѣ домовъ жильцами нашла широкое примѣненіе и распространеніе во Франціи по почину мюльгаузенскаго фабриканта Жана Дольфуса, въ 1852 году приступившаго къ постройкѣ съ этою цѣлью первыхъ 4-хъ домовъ на окраинѣ деревни Дорнахъ. Опытъ былъ удаченъ, вслѣдствіе чего тогда же образовалось акціонерное „общество жилищъ для рабочихъ", съ первоначальнымъ капиталомъ въ 300.000 франковъ. Дома общества небольшой стоимости (около 3,000 франковъ) составляютъ вполнѣ удобное семейное помѣщеніе и при каждомъ изъ нихъ разведенъ садъ. Всѣ они снабжены водою. При небольшихъ ежемѣсячныхъ взносахъ, не только не превышающихъ, но даже ниже обыкновенной квартирной платы, выкупъ производится въ теченіе 14 и 16 лѣтъ. Изъ 800 домовъ, выстроенныхъ обществомъ въ промежутокъ времени съ 1853 по 1868 годъ, къ началу послѣдняго года 676 уже были запроданы мелкимъ работникамъ и кромѣ того восемь подмастерьевъ купили болѣе дорогіе дома. Къ декабрю 1866 года 42 дома были оплочены окончательно, слѣдовательно ранѣе срока (E. Véron: Les institutions ouvrières de Mulhouse. Penot: Les cités ouvrières de Mulhouse).— На тѣхъ же основаніяхъ стали устраиваться, около того же времени, дома не только для рабочихъ, но для всѣхъ вообще, желающихъ пріобрѣсти ихъ въ собственность въ Гебвиллѣ, Бокурѣ, Кольмарѣ, Муссэ, Ротау, Биншиллѣ, Лиллѣ, Рубэ и Ліонѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ верхне-рейнскаго департамента и въ деревняхъ (Penot: Les institutions privées du Haut-Rhin).—Такой благой примѣръ производительнаго употребленія капиталовъ на пользу рабочаго класса и вообще людей мало состоятельныхъ нашелъ себѣ подражаніе и на правомъ берегу Рейна: Véron сообщаетъ, что нѣкто Имбахъ въ концѣ 60 хъ годовъ началъ подобныя постройки въ Леррахѣ (въ великочъ герцогствѣ Баденскомъ).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ учрежденная въ 1859 году Годеномъ Лемеромъ и такъ называемая „фамилистерія" въ Гизѣ—небольшомъ го-

словамъ, ни къ кому злобы, возставалъ противъ коммунистовъ еще съ большею энергіей, чѣмъ противъ своихъ бароновъ, тузовъ промышленнаго міра.

Достойно замѣчанія, что самъ Прудонъ относился съ уваженіемъ къ чувству своихъ современниковъ, возмущенныхъ изліяніями его утопіи. Сидя въ 1849 году въ тюрьмѣ за проступокъ печати и обдумывая безцѣльную рѣзкость своего поведенія на парламентской трибунѣ 31 іюля 1848 года, онъ писалъ по этому поводу въ своей книгѣ «Les confessions d'un révolutionnaire» [1]):

«Съ 31 іюля я сдѣлался, по выраженію одного журналиста, человѣкомъ-ужасомъ. Не думаю, чтобы можно было найти другой примѣръ подобнаго ожесточенія. Противъ меня проповѣдывали, меня осмѣивали на сценѣ, въ пѣсняхъ, въ афишахъ, въ біографіяхъ, въ каррикатурахъ, бранили, оскорбляли, проклинали; противъ меня возбуждали ненависть и презрѣніе; товарищи мои предавали меня правосудію.

родѣ департамента Эны (Journal des Economistes 1868, t. IV. pp. 115—120. Y. E. Horn: Une visite au familistère de Guise). За это учрежденіе (стоимостію милліонъ) Годенъ удостоенъ на Парижской выставкѣ 1867 года награды серебряною медалью, по статьѣ наградъ „для раздачи тѣмъ лицамъ, которыя отличились дѣятельностію болѣе всего способствовавшею развитію гармоніи между людьми трудящимися на одномъ поприщѣ, и обезпечивавшею развитіе моральнаго, умственнаго и матеріальнаго благосостоянія рабочихъ". Фамилистерія имѣетъ въ виду передать въ собственность ассоціаціи рабочихъ не только занимаемыя рабочими фабрики, помѣщенія для жилья, но и самую фабрику. Такимъ образомъ, одна изъ самыхъ смѣлыхъ мыслей Прудона: выкупъ рабочими орудій крупнаго производства, не оказалась неосуществимою на практикѣ. И для этого не нужно было ни насильственныхъ мѣръ, ни даже особыхъ декретовъ, которые Прудонъ считалъ необходимыми. Конечно, немногіе капиталисты-промышленники отличаются качествами и развитіемъ Годена Лемера и мюльгаузенскаго Дольфуса.

[1]) Вышли въ свѣтъ въ ноябрѣ 1849 года.

меня обвиняли, судили, приговаривали тѣ самые люди, которые ввѣрили мнѣ представительство: мои политическіе друзья не довѣряли мнѣ: мои сотрудники шпіонили за мной: мои приверженцы доносили на меня. мои единовѣрцы отступались отъ меня. Ханжи въ анонимныхъ письмахъ угрожали мнѣ гнѣвомъ Божіимъ: набожныя женщины присылали мнѣ освященные образки; публичныя женщины и каторжники присылали мнѣ поздравительныя письма. тривіальная иронія которыхъ свидѣтельствовала о заблужденіи общественнаго мнѣнія. Въ Національное Собраніе присылались просьбы о моемъ изгнаніи изъ него. какъ недостойнаго. Въ это время я былъ теоретикомъ кражи, панегиристомъ проституціи, личнымъ врагомъ Бога, антихристомъ, существомъ, которому имени нѣтъ».

Въ этомъ хорѣ проклятій, насмѣшекъ и оскорбленій, во многомъ имъ даже незаслуженныхъ, въ этой всеобщей противъ себя ярости, Прудонъ видитъ доказательство нравственности общества. По его собственному признанію, буржуазія протестовала противъ соціализма, потому что отожествляла его съ «кражей, развратомъ, подлостью» и ненавидѣла лично въ немъ, Прудонѣ, ложно приписываемыя ему безнравственныя ученія. Въ этомъ высоконравственномъ протестѣ общества онъ видитъ «трепетаніе живыхъ силъ въ буржуазномъ трупѣ Франціи, ея возрожденіе изъ пепла».

II.

Выходъ соціализма на практическую почву и образованіе соціалистическихъ обществъ среди рабочихъ.—Германскіе соціаль-демократы: ихъ программа; сношенія Бисмарка съ Лассалемъ; король Вильгельмъ и депутація рабочихъ съ фабрики Рейхенгейма; присоединеніе соціаль-демократовъ къ интернаціоналу.—Наиболѣе анархическія конфедераціи Международнаго Общества Рабочихъ (интернаціонала).—Бельгійская конфедерація: Филиппъ Буонаротти: университетская молодежь Бельгіи; общество „le Peuple", зачатки интернаціонала (въ 1863 г.); волненія и стачки 1867 и 1868 гг.; превращеніе общества „le Peuple" въ М. О. Р.; журналъ „La Liberté".—Катехизисъ бельгійскихъ соціалистовъ въ запискѣ Брюссельской секціи 1874 г.—Основное правило коллективистовъ: „какова система производства, такова и форма собственности".—Первый генеральный конгрессъ интернаціонала и утвержденіе его основныхъ статутовъ (1866 г.).—Постановленіе Лозаннскаго конгресса 1867г. и теорія коллективизма де-Пэпа. — Постановленіе Брюссельскаго конгресса 1868 г. и распаденіе на партіи.—Соціалистическая агитація въ романской Швейцаріи: Кульри въ Шо-де-Фонѣ. Гильомъ въ Локлѣ и Беккеръ въ Женевѣ.—Журналъ „Progrès" и крайнее развитіе ученія коллективистовъ.—Женевская „фабрика" и строительные работники. Женевскія секціи и Юрская федерація. Журналъ „Egalité", его редакторы и сотрудники.

Съ своеобразными воззрѣніями Прудона русская публика впервые была ознакомлена Герценомъ, эмигрантомъ, впослѣдствіи поселившимся въ Лондонѣ и бывшимъ сотрудникомъ Прудона, во время журнальной дѣятельности послѣдняго въ Парижѣ: но прошло почти 20 лѣтъ прежде, чѣмъ анархическія начала, проектированныя французскимъ пропагандистомъ въ печати, сдѣлались предметомъ дальнѣйшей разра-

ботки на соціалистическихъ сборищахъ и легли въ основаніе организаціи революціонныхъ обществъ.

Въ этотъ промежуточный періодъ времени теоретическій соціализмъ бродилъ въ непроходимой путаницѣ и смѣшеніи религіозно-мистическихъ [1]). коммунистическихъ [2]). позитивныхъ [3]) и буржуазно-доктринерскихъ [4]) понятій: но въ то же время онъ мало по малу сталъ выходить изъ области кабинетныхъ мечтаній. изъ сферы изолированныхъ отъ живаго міра фаланстерій и отдаленныхъ колоній, въ родѣ американской Икаріи Кабе: покинувъ диллетантизмъ и сектаторство, его послѣдователи стали различными путями подходить къ тѣмъ самымъ массамъ, за благосостояніе которыхъ ратовали. Одновременно они силились стать на твердую научную почву и нельзя сказать, чтобы въ ихъ средѣ не было людей талантливыхъ, каковы, напр., классики Фердинандъ Лассаль, въ Берлинѣ, бывшій глава соціаль-демократовъ, и Карлъ Марксъ, секретарь генеральнаго совѣта интернаціонала въ Лондонѣ. оба еврейскаго происхожденія.

Въ противность Шульце-Деличу, рекомендовавшему работникамъ искать выхода изъ стѣснительнаго положенія только въ собственной энергіи, въ самопомощи посредствомъ ссудосберегательныхъ кассъ и небольшихъ производительныхъ и другихъ ассоціацій, ничего не требуя и не ожидая отъ государства, истинный основатель германской соціаль-демо-

---

[1]) П. Леру (отпавшіе сенъ-симонисты), Бюше и Ламене (евангельское братство).

[2]) Государственные коммунисты школъ Кабе и Луи Блана.

[3]) Ог. Контъ.

[4]) Желающіе компромисса между соціалистами и манчестерскою школою (экономистовъ), т. н. во Франціи и Швейцаріи радикалы.

кратической партіи, Лассаль [1]), основывалъ свои разсчеты на производительныхъ ассоціаціяхъ рабочихъ въ большихъ размѣрахъ, которыя думалъ создать при помощи государственнаго кредита.

Соціаль-демократы заявляютъ, что ихъ экономическія цѣли могутъ быть осуществлены только въ демократическомъ или въ свободно-народномъ государствѣ, существенные признаки котораго слѣдующіе:

1) Распространеніе избирательнаго права на всѣхъ лицъ мужскаго пола, достигшихъ 20 лѣтъ, и опредѣленіе содержанія депутатамъ, безъ чего неимущіе классы фактически лишены возможности участвовать въ рейхстагѣ.

2) Введеніе прямаго законодательства, т. е. перенесеніе права санкціи законовъ на народъ.

3) Уничтоженіе всѣхъ привиллегій, пріобрѣтаемыхъ рожденіемъ, принадлежностію къ извѣстному сословію или вѣроисповѣданію.

4) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви.

5) Обязательное элементарное обученіе и даровое обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

6) Полная независимость судовъ, расширеніе инсти-

---

[1]) Партія, организованная собственно Лассалемъ (въ 1863 году въ Лейпцигѣ) носила названіе: der deutsche allgemeine arbeiter Verein. Но послѣ смерти Лассаля (убитаго на дуэли), изъ этой партіи и части Шульце-Делической (Arbeiterbildungsverein), подъ прямымъ вліяніемъ друзей и послѣдователей Маркса, образовалась нынѣшняя „соціально-демократическая партія нѣмецкихъ работниковъ“. Во главѣ ея стали Бебель (изъ среды работниковъ) и Либкнехтъ (литераторъ и прямой ученикъ и агентъ Маркса). Она окончательно организовалась на Нюренбергскомъ Конгрессѣ (въ августѣ 1868 года). Оффиціальный ея органъ: „Volksstaat“, издаваемый въ Лейпцигѣ Бебелемъ и Либкнехтомъ.

тута присяжныхъ (т. е. распространеніе его также и на дѣла гражданскія, по примѣру Англіи); устное и гласное судопроизводство; безвозмездность правосудія и учрежденіе спеціальныхъ судовъ для промышленныхъ отношеній [1]).

7) Учрежденіе народнаго ополченія вмѣсто постоянной арміи.

8) Отмѣна всѣхъ ограничительныхъ законовъ о печати, сходкахъ и ассоціаціяхъ.

9) Установленіе нормальнаго рабочаго дня; ограниченіе женской и воспрещеніе дѣтской работы.

10) Государственный кредитъ для свободныхъ производительныхъ ассоціацій подъ демократическою гарантіей.

11) Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и введеніе одной прямой и прогрессивной подати съ доходовъ и съ наслѣдствъ [2]).

Хотя соціальные демократы полагаютъ достигнуть осуществленія своей программы вполнѣ мирнымъ путемъ законодательныхъ реформъ, но насколько такая программа можетъ быть согласована съ нынѣшней конституціей Германской Имперіи и насколько можетъ быть терпима сторонниками конституціонной монархіи въ Пруссіи—показываютъ энергическія мѣры, принятыя въ истекшемъ году противъ соціалистическихъ сходокъ и прессы въ Германіи, мѣры, которыя могли имѣть мѣсто и до появленія Нобилинга. Извѣстно, однако, что соціаль-демократы составляютъ законную политическую партію въ Германіи, а въ шестидесятыхъ годахъ пользовались въ Пруссіи особеннымъ

---

[1]) Fachgeverbegerichte.

Съ этою цѣлію во Франціи издавна учреждены т. н. Conseils de prud'hommes. а въ Англіи посредническія палаты (законъ 15 августа 1867 года).

[2]) Стюартъ Миллъ предлагалъ тотъ же порядокъ налоговъ.

вниманіемъ высшаго правительства. Слѣдуя примѣру Фридриха II, который, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, говаривалъ: «quand je serai roi, je serai un vrai roi de gueux», Король въ 1865 году благосклонно принялъ допущенную къ нему Бисмаркомъ депутацію рабочихъ съ фабрики Рейхенгейма и пожаловалъ имъ нѣкоторую сумму денегъ для основанія ассоціаціи. По формальному заявленію Бисмарка, «Прусскіе Короли никогда не были предпочтительно Королями богатыхъ. У ихъ трона всегда были выслушиваемы и находили прибѣжище страданія, рождавшіяся при такихъ условіяхъ, гдѣ писанный законъ становился въ противорѣчіе съ естественнымъ человѣческимъ правомъ[1])». Но едва ли одно желаніе устранить это противорѣчіе руководило Бисмаркомъ въ его знакомствѣ съ Лассалемъ и вообще въ сближеніи съ соціаль-демократами. Послѣдніе, благодаря неутомимой и талантливой дѣятельности Лассаля, организовались въ строго дисциплинированную партію и при извѣстныхъ условіяхъ могли сдѣлаться силою въ Прусской нижней палатѣ; однихъ же консерваторовъ Бисмарку было недостаточно, чтобы сломить тогдашнее сопротивленіе его политикѣ со стороны либераловъ и прогрессистовъ, состоящихъ почти исключительно изъ представителей буржуазіи. Конечно, только съ геніемъ и характеромъ Бисмарка возможно было затѣять такую игру съ прирожденными врагами монархіи и сблизить съ ними цѣлую парламентскую партію консерваторовъ, согласно намѣреніямъ правительства вотировавшую за разрѣшеніе вопроса о рабочихъ коалиціяхъ [2]) въ пользу рабо-

---

[1]) Reden, ausg. 1870, I. p. 117.

[2]) Въ 1865 году.

чихъ; но великая идея національнаго объединенія, задуманная канцлеромъ далеко ранѣе первыхъ открыто сдѣланныхъ шаговъ по внѣшней политикѣ, не могла быть осуществлена безъ укрѣпленія власти правительства, а эта послѣдняя въ Прусской нижней палатѣ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могла опереться только на демагогію съ ихъ рабочими союзами [1]), съ одной стороны, и вопиственное юнкер-

[1]) Во всякомъ случаѣ необходимо было усмирить этихъ демагоговъ, которые умѣли ловко возбуждать буржуазію къ ревнивому охраненію конституціи противъ всякихъ попытокъ усилить власть правительства и въ особенности вліяніе его на армію, соединенное съ стремленіемъ увеличить численность войскъ. Вотъ, напр., какую рѣчь держалъ Лассаль въ 1862 году передъ однимъ бюргерскимъ собраніемъ въ Берлинѣ:

„Когда хотятъ, чтобы Король одинъ имѣлъ столько же и даже гораздо больше политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, даже съ прибавленіемъ дворянъ землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ:

Въ 47 статьѣ конституціи пишется: „Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи", а въ статьѣ 108 говорится: „Армія конституціи не присягаетъ". Рядомъ съ этой статьей воздвигается теорія, въ принципѣ дѣйствительно основываемая ею, именно, теорія, что въ отношеніи арміи Король занимаетъ совершенно иное положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, что въ отношеніи арміи онъ не только Король, а нѣчто еще другое совершенно особенное, таинственное и непзвѣстное, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово Kriegsherr; по этимъ соображеніямъ оказывается, что палатѣ депутатовъ или націи дѣла нѣтъ до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея дѣла и организацію, а только выдавать на нее деньги. И надо сознаться, правда выше всего, что теорія эта точно имѣетъ нѣкоторое основаніе въ ст. 108 конституціи. Опредѣляя, что армія не должна присягать конституціи, какъ обязаны всѣ государственные служители и самъ Король, конституція признаетъ этимъ въ принципѣ, что армія стоитъ внѣ конституціи и ничего ни имѣетъ съ нею общаго, что она относится единственно и исключительно къ особѣ Короля, а не къ странѣ. Коль скоро установлено, что Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи и что армія относится къ нему особеннымъ образомъ, этимъ однимъ Королю дано не только столько же, а вдесятеро больше политической власти, чѣмъ сколько имѣетъ ея вся страна вмѣстѣ взятая, даже въ томъ случаѣ, еслибы въ дѣйствительности настоящая сила

ство, съ другой,—на партію соціаль-демократическую и консервативную, такъ какъ прогрессивная и либеральная буржуазія не могла сочувствовать политическому предпріятію, болѣе чѣмъ сомнительному въ ея глазахъ. Національное же объединіе, образованіе единаго и сильнаго Германскаго Государства вполнѣ согласовалось съ политическимъ планомъ Лассаля. Когда же соціаль-демократы, бывшіе одно время въ рукахъ канцлера пугаломъ буржуазіи, т. е. либераловъ и прогрессистовъ, сослужили свою службу и перенесли свою ненависть съ князей, курфюрстовъ, гроссъ-герцоговъ и королей на императора, Бисмаркъ съ безпощадною энергіей принялся за разрушеніе созданнаго во многихъ частяхъ его же собственными руками. Соціаль-демократическій принципъ всеобщей подачи голосовъ остался невычеркнутымъ изъ конституціи, но жизненная сила партіи подрѣзана въ самомъ корнѣ разсѣяніемъ центровъ ея многочисленныхъ секцій; всеобщее же избирательное право, усиливъ свободу дѣйствій всякой политической партіи, тѣмъ самымъ обезсиливаетъ въ настоящее время соціаль-демократовъ, такъ какъ для этихъ послѣднихъ пользованіе свободою сходокъ и печати зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи. Тѣмъ не менѣе, однако, благодаря сильной организаціи федеральнаго центра

страны въ 10, въ 20, въ 50 разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста:

Политическое средство власти Короля, армія, организовано, постоянно въ сборѣ, отлично дисциплинировано, ежеминутно готово дѣйствовать. Притомъ у нашіи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже упоминалъ,—пушекъ. Пушки изготовляются только для организованной силы; поэтому страна знаетъ, что при столкновеніи найдетъ эти дѣтища, этихъ свидѣтелей своей силы, противъ себя и т. д. „О сущности конституціи". Русское изд. 1876 г. въ Женевѣ, стр. 16—17.

и солидарности отдѣльныхъ секцій, соціалисты могли одержать успѣхи на послѣднихъ выборахъ, при всей подчиненности своихъ сходокъ полицейскимъ властямъ и несмотря на закрытіе послѣдними ихъ главнѣйшихъ органовъ печати, что возбудило въ имперскомъ правительствѣ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли измѣнить законъ противъ соціалистовъ, добавивъ къ нему нѣсколько новыхъ, болѣе строгихъ распоряженій [1]).

Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ глава нѣмецкихъ соціалистовъ, Швейцеръ, считался агентомъ Бисмарка, а формальное присоединеніе германскихъ соціаль-демократовъ къ интернаціоналу состоялось лишь на Базельскомъ конгрессѣ въ 1869 году [2]); на этомъ же конгрессѣ впервые появилась партія русскихъ соціалистовъ [3]).

Предполагая достигнуть благосостоянія 4-го класса общества (рабочихъ) путемъ политическаго преобразованія государствъ, слѣдовательно въ государствѣ и при помощи государственныхъ учрежденій, соціаль-демократы не стремятся къ разрушенію основныхъ началъ исторической цивилизаціи: не желая ничего отъ обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи классовъ кромѣ налоговъ въ свою пользу, для основанія производительныхъ ассоціацій, они оставляютъ затѣмъ остальнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ личностямъ свободное пользованіе своимъ имуществомъ: поэтому соціаль-демократовъ считаютъ партіей родственною радикальной буржуазіи и соціалисты ихъ ошибка видятъ въ нихъ жертву коварства и ловко-

---

[1]) Сообщеніе изъ Берлина отъ 21 іюня въ Indépendance Belge.

[2]) Progrès. 1870, № 9, ст. Жемса Гильома.

[3]) Reveil (Парижскій радик. журн.) отъ 22 октября 1869 года, ст. Морица Гесса.

сти агентовъ правительствъ, считаемыхъ буржуазными во всей конституціонной Европѣ.

Типами революціоннаго соціализма, наиболѣе усвоившаго себѣ принципы Прудоновой анархіи, слѣдуетъ признать Бельгійскую и Юрскую (романской Швейцаріи) конфедераціи интернаціонала. Еще въ 40-хъ годахъ въ Бельгіи возникли различныя соціалистическія общества рабочихъ, подъ вліяніемъ непосредственныхъ учениковъ Буонаротти, умершаго въ 1837 году [1]). Успѣшной дѣятельности агитаторовъ много способствовала, во первыхъ, самая конституція страны, установившая въ 1830 году вмѣстѣ съ національною независимостію и полную свободу сходокъ и ассоціацій; во вторыхъ, и главнымъ образомъ, мѣстный характеръ промышленности. Извѣстно, что эта маленькая страна густо покрыта рудокопнями, фабриками и заводами, оставляющими весьма мало мѣста полямъ и деревнямъ. Рабочее населеніе скучено большими массами и малѣйшій промышленный кризисъ дастъ ему немедленно чувствовать всѣ невыгоды чрезмѣрнаго развитія индустріи.

---

[1]) Филиппъ Буонаротти, изъ Пизы, родился въ 1761 г. 30 лѣтъ отъ роду, преслѣдуемый за пропаганду революціонныхъ идей въ своемъ отечествѣ, бѣжалъ на Корсику, гдѣ продолжалъ свое дѣло, издавая журналъ „Amico della libertà italiana“. Въ 1792 г. прибылъ въ Парижъ, гдѣ Конвентъ далъ ему французское гражданство и посылалъ съ порученіями въ Корсику и Ниццу. Состоялъ членомъ тайнаго общества, въ составъ котораго входили: Сильвенъ Мареналь, Феликсъ Лепельтье де Сенъ Фаржо (братъ убитаго роялистами за подачу голоса за смерть короля), Друэ (почтмейстеръ въ Сенъ-Мену, остановившій бѣгство Людовика XVI), Дарте (бывшій секретарь Лебона въ Аррасѣ) и Кай-Гракхъ Бабефъ, имя котораго носитъ заговоръ. По открытіи заговора и казни Бабефа и Дарте въ 1796 г., Буонаротти 10 лѣтъ провелъ въ казематахъ Шербурга и Олерона. Получивъ свободу, онъ жилъ нѣкоторое время въ Женевѣ, а съ 1815 г. переѣхалъ въ Бельгію, гдѣ прожилъ до іюльской революціи 1830 года.

Колебанія въ задѣльной платѣ—явленіе хроническое въ Бельгіи, равно какъ и сопровождающія его забастовки. Въ эти критическіе моменты раздраженіе обѣихъ борющихся сторонъ доходитъ иногда до крайности и вызываетъ вмѣшательство войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кровавыя схватки, какъ это было въ 1867 году, во время стачки рудокоповъ изъ окрестностей Шарльруа. Кромѣ того раздраженіе со стороны рабочихъ постоянно питается эмиграціями революціонеровъ изъ сосѣдней и родственной по языку Франціи. Событія 1848—1851 годовъ усилили армію соціалистовъ въ Бельгіи, особенно послѣ іюньскаго разгрома національныхъ мастерскихъ Луи Блана. Такое исключительное положеніе этого маленькаго нейтральнаго государства, вполнѣ устраненнаго отъ внѣшней политики, сдѣлало его настоящимъ очагомъ соціализма. По признанію самихъ же соціалистовъ, въ то время, какъ въ Германіи и Швейцаріи вся университетская молодежь поголовно, а во Франціи громадное ея большинство чисто буржуазны, Бельгія обладаетъ въ этой молодежи такимъ революціоннымъ элементомъ, какой изъ всѣхъ европейскихъ странъ представляетъ еще только Италія [1]). Въ 1861 году цѣлая фаланга этой молодежи [2]) предприняла изданіе журнала «la Tribune du peuple», долженствовавшаго служить органомъ основаннаго въ томъ же году общества рабочихъ le Peuple. Но въ этомъ журналѣ были лишь намеки на соціалистическіе вопросы; его сотрудники увлекались преимущественно борьбою за свободу мысли противъ могущественнаго и вліятель-

[1]) Историческое развитіе интернаціонала, ч. I, стр. 177—178.

[2]) Де-Пэпъ, Гинъ, Денисъ, Бристе, Стинсъ, Фонтенъ-Робенъ, Делашель и др.

наго въ Бельгіи оффиціальнаго католичества и противъ политическаго якобинскаго революціонаризма.

Въ 1863 году въ Бельгіи же были сдѣланы первыя попытки основать Международное Общество Рабочихъ [1]); но еще въ 1866 году Бельгійская секція интернаціонала была такъ слаба, что составляла лишь отдѣленіе многочисленнаго общества le Peuple, а потому должна была соединиться съ буржуазными радикалами для агитаціи на митингахъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Журналъ «la Tribune du peuple» хотя и принялъ названіе органа интернаціонала, но долженъ былъ поставить въ своемъ девизѣ слова: «ni bourgeois, ni prolétair» и сохранить преобладающій политическій характеръ. Кровавыя стачки рудокоповъ изъ окрестностей Шарльруа въ 1867 году и повтореніе тѣхъ же прискорбныхъ событій и въ той же мѣстности въ слѣдующемъ 1868 году дали возможность Бельгійской секціи интернаціонала ближе сойтись съ рабочими и поглотить въ себя большую часть отдѣловъ общества le Peuple. Вмѣсто Tribune явился оффиціальный органъ Бельгійской федераціи l'Internationale, посвященный исключительно отчетамъ текущихъ дѣлъ интернаціонала; поэтому сотрудники и редакторы этого журнала основали рядомъ съ нимъ другой журналъ la Liberté, спеціально предназначенный для теоретической разработки вопросовъ. Журналъ этотъ прекратился 1 іюня 1873 года, «потому что, объявляла его редакція, прошла пора разсужденій, настало время дѣйствовать». Катехизисъ Бельгійской конфедераціи, съ рѣдко встрѣчаемою въ

[1]) Дѣйствительно образовалось только 28 сентября 1864 г. на рабочемъ митингѣ въ Сенъ Мартинсъ-Галлѣ, въ Лондонѣ, на которомъ присутствовали англійскіе и французскіе рабочіе.

работахъ этого рода опредѣленностію, подробно изложенъ въ запискѣ Брюссельской секціи, представленной въ 1874 году на Брюссельскій конгрессъ международной ассоціаціи рабочихъ. Записка эта озаглавлена: «объ организаціи общественной службы въ будущемъ обществѣ». Авторъ или авторы [1]) записки желали выяснить своимъ единомышленникамъ, куда, къ чему они идутъ и каковы могутъ быть, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, формы жизни будущаго общества на другой день послѣ побѣды пролетаріата надъ капиталомъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ изложеніе ихъ образа мыслей:

1) Законодательство, юстиція и полиція, цѣль которыхъ вообще охраненіе членовъ общества отъ насилія и обмана и обезпеченіе исполненія договоровъ, при настоящемъ соціальномъ строѣ, служатъ преимущественно для насильственнаго удержанія пролетаріата подъ игомъ капиталистической буржуазіи: съ этой точки зрѣнія означенныя функціи современной государственной жизни имѣютъ въ виду скорѣе безопасность буржуазной собственности, чѣмъ общественную пользу и вообще, вмѣсто того, чтобы быть направленными къ пользѣ цѣлаго общества, служатъ лишь къ укрѣпленію буржуазнаго могущества. Тѣмъ не менѣе, однако, заботу объ общественной безопасности не слѣдуетъ предоставлять любителямъ [2]) полицейскаго дѣла или, слѣдуя совѣту экономиста Молинари [3]), отдавать полицію въ руки

[1]) Извѣстно только, что записка эта была на Брюссельскомъ конгрессѣ резюмирована и защищена сотрудникомъ журнала „Liberté“ де-Пэпомъ,

[2]) Какъ полагаетъ, напр., Лавровъ, издатель журнала „Впередъ“.

[3]) Molinari: «Soirées de la rue St. Lazare» и „Questions d'Economie politique et de droit public“, II (La liberté du gouvernement)“.

частнымъ компаніямъ, подобно страхованію, которое въ настоящее время представляетъ вообще промыселъ частныхъ компаній. Полиція должна составлять непремѣнно общественную службу, родъ повинности, поочередно исполняемой членами коммуны или рабочей ассоціаціи, смотря по тому, какую форму общежитія въ первой инстанціи приметъ новое общество. Судъ также не устраняется, нынѣшній институтъ третейскаго суда получаетъ распространеніе на всѣ случаи, а въ послѣдней инстанціи дѣла рѣшаютъ присяжные, службу которыхъ отбываютъ также всѣ граждане поочередно. Что касается собственно до наказанія, то, въ виду того, что въ новомъ обществѣ не будетъ невѣжества и нищеты—этихъ главнѣйшихъ источниковъ правонарушеній, — такъ какъ условія жизни для всѣхъ будутъ одинаковы и всѣмъ и каждому дано будетъ всестороннее образованіе, на преступниковъ нельзя будетъ смотрѣть иначе, какъ на больныхъ, которыхъ надо лѣчить, или какъ на людей, увлеченныхъ минутною страстію. Для этихъ несчастныхъ, въ случаѣ надобности удалить ихъ на время изъ общества, въ виду опасности ихъ болѣзни или заблужденія, достаточно нѣсколькихъ пенитенціарныхъ колоній, гдѣ имъ дана будетъ возможность исправиться и зажить свое прошедшее, при помощи работы, соотвѣтствующей способностямъ каждаго. Законодательство можетъ вовсе не принадлежать государству; законы могутъ быть вотированы непосредственно въ общинахъ или въ группахъ, такъ или иначе составленныхъ. Можетъ даже быть, что вслѣдствіе всесторонняго обученія, которое будетъ достояніемъ всѣхъ и каждаго, и вслѣдствіе вытекающаго отсюда умственнаго единства, соціальные законы когда нибудь сдѣлаются настолько очевидными для человѣческаго ума,

что не будетъ надобности вотировать ихъ, какъ нѣтъ надобности вотировать законы астрономическіе, физическіе и химическіе.

2) Можно легко представить себѣ общество, въ которомъ просвѣщеніе было бы дѣломъ частнымъ. Нѣкоторая доля обученія, именно та, которая сообщается при помощи бесѣдъ, публичныхъ лекцій, прессы, рукописей или печатныхъ книгъ, митинговъ и проч., во всѣхъ возможныхъ обществахъ теперь находится и въ будущемъ останется внѣ вмѣшательства общины или государства. Если обученіе должно разсматривать, какъ общественную службу, то лишь въ силу его общественной полезности; но во всякомъ случаѣ оно должно быть всесторонним, т. е. научнымъ и ремесленнымъ, теоретическимъ и практическимъ, слѣдовательно должно быть равнымъ для всѣхъ, должно распространяться на всѣхъ.

3) Изъ благотворительныхъ учрежденій въ новомъ обществѣ могутъ быть допущены и войти въ составъ общественной службы только учрежденія, имѣющія цѣлію призрѣвать сиротъ, найденышей или оставленныхъ родителями дѣтей, помѣшанныхъ, однимъ словомъ всѣхъ, кто не можетъ заботиться о себѣ самъ. Другіе же разнаго рода пріюты и учрежденія оффиціальной благотворительности (напр., рабочіе дома и пріюты для нищихъ) не могутъ имѣть мѣста въ новомъ обществѣ, такъ какъ всѣ эти учрежденія не уменьшаютъ, а увеличиваютъ нищету; кромѣ того соціальное переустройство имѣетъ въ виду не уменьшить нищету, а вовсе ее уничтожить.

4) Считается излишнимъ упоминать, какъ объ учрежденіяхъ государственныхъ или общественныхъ:

а) о войскѣ, въ формѣ ли постоянной арміи, или милиціи, такъ какъ войско всегда имѣетъ цѣлью лишь

подавленіе народныхъ движеній внутри страны или войну народа съ народомъ; рѣшеніе же общественной задачи положитъ сразу конецъ, какъ борьбѣ классовъ такъ и борьбѣ народовъ;

б) о культѣ, такъ какъ на религію можно смотрѣть лишь какъ на вопросъ личной совѣсти;

в) о различныхъ формахъ кредитныхъ учрежденій, начиная со ссудныхъ кассъ (mont-de-piété), самой зародышевой формы реальнаго кредита, завѣщанной намъ средними вѣками, и кончая государственнымъ банкомъ. Въ новомъ обществѣ эти учрежденія должны будутъ уступить свое мѣсто учрежденіямъ обмѣна и распредѣленія.

5) По охраненію общественнаго здравія учреждается отдѣльная администрація, конечно, выборная, на широкихъ началахъ, въ кругъ дѣятельности которой входитъ, напр., оздоровленіе рѣкъ и болотистыхъ мѣстностей, надзоръ за вредными и опасными производствами, надзоръ за кладбищами или мѣстами сожиганія труповъ, если только вредный для общественнаго здоровья обычай зарывать трупы въ землю уступитъ мѣсто болѣе гигіеническому способу сожиганія, и вообще всѣ мѣры, клонящіяся къ улучшенію здоровья народонаселенія. Принимая во вниманіе, что существующія больницы часто служатъ только разсадниками болѣзней, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ болѣзненныхъ формъ, для всѣхъ остальныхъ предпочитается способъ лѣченія на дому. Медицинскія услуги составляютъ видъ общественной службы и должны быть распространены на всѣхъ членовъ общества, въ родѣ того, какъ это устроено въ обществахъ взаимной помощи (friendly societies) въ Англіи и особенно подобныхъ тѣмъ, которыя организовались между брюссельскими товариществами.

6) Общее страхованіе противъ всѣхъ случайныхъ несчастій, противъ всякаго риска и всякой опасности должно составить также отрасль общественной службы, съ центральной организаціей, дѣйствующей въ широкихъ размѣрахъ.

7) Многія учрежденія, которыя за небольшими исключеніями относятся въ настоящее время къ области частной дѣятельности, должны составить также предметъ общественной службы; таковы: запасные продовольственные магазины, скотобойни, общественныя печи, прачешныя, бани, театры, музыкальныя консерваторіи, музеи и проч.

8) Особеннаго вниманія заслуживаетъ громадный отдѣлъ общественныхъ работъ, вслѣдствіе высказываемыхъ по этому поводу принциповъ на ряду съ соціалистическими ученіями иныхъ оттѣнковъ.

Многіе виды общественныхъ работъ не могли бы отправляться добровольно, т. е. такъ сказать по влеченію [1]), другіе не отправлялись бы никѣмъ, если бы ихъ издержки не оплачивались обществомъ, т. е. если бы государство или общество не брали ихъ на себя. Ни одно частное общество, въ силу однихъ своихъ частныхъ интересовъ, не станетъ строить маяковъ, такъ какъ обязывать суда, снующія въ морѣ, вознаграждать предпринимателей практически неудобоисполнимо. Много ученыхъ изысканій разнаго рода, ученыхъ экспедицій и т. п. вовсе не будутъ производиться или будутъ оставаться неоконченными, если государство или община не возьмутъ на себя вознагражденіе тѣхъ, кто посвящаетъ дѣлу свое время и свое знаніе. Возможна ли разсылка писемъ и га-

---

[1]) Утопистъ Фурье воображалъ, что его фалапстеріанцы съ любовью будутъ предаваться очисткѣ помойныхъ ямъ.

зетъ въ мѣстности почти пустынныя, въ отдаленныя поселенія, гдѣ сборъ не окупаетъ содержанія персонала, если бы государство не брало этой разсылки на себя?

«Взявъ за точку отправленія понятіе о государствѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно передано намъ исторіей всѣхъ странъ, т. е. о деспотическомъ государствѣ, которое по настоящее время было лишь организованнымъ господствомъ одной семьи, одной касты или одного класса надъ массой, низведенной на степень правоваго и экономическаго рабства, многіе соціалисты объявляютъ войну государству. О государствѣ, въ какой бы то ни было формѣ, въ какомъ бы то ни было значеніи, они и говорить не хотятъ. Они прямо объявляютъ, что стремятся къ уничтоженію государства, всякаго государства; болѣе логическіе изъ нихъ, видя, что община въ концѣ концовъ есть ничто иное, какъ государство съ меньшей территоріей, функціонирующее въ меньшихъ размѣрахъ, сравнительно съ обыкновенными государствами, заявляютъ, что не хотятъ общиннаго государства точно также, какъ и государства въ собственномъ смыслѣ слова. На своемъ знамени они написали слово «анархія»,—не «анархія» въ смыслѣ безпорядка, такъ какъ, напротивъ, при помощи свободной организаціи экономическихъ силъ, они думаютъ достигнуть порядка; но «анархія» въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово Прудонъ, т. е. въ смыслѣ отсутствія власти, отсутствія господства и, по ихъ представленію, въ смыслѣ уничтоженія государства, такъ какъ, въ ихъ глазахъ, слова господство и власть суть точные синонимы слова государство.

«Но на ряду съ этимъ традиціоннымъ и историческимъ понятіемъ о государствѣ, эти соціалисты

обратили вниманіе и на фактъ справедливый, на фактъ, справедливость котораго съ теченіемъ времени выказывается все болѣе и болѣе, на фактъ, представляющій одно изъ самыхъ громадныхъ явленій новаго времени; они обратили вниманіе на то, что въ главныхъ отрасляхъ современнаго производства крупная промышленность все болѣе и болѣе вытѣсняетъ мелкую... Они замѣтили, что отдѣльный работникъ или мастеръ уступаетъ мѣсто скопленію рабочихъ, рабочимъ коллективностямъ; они замѣтили, что эти рабочія коллективности, находясь лицомъ къ лицу съ ассоціаціями капиталистовъ, интересы которыхъ явно и діаметрально противоположны ихъ интересамъ, должны неизбѣжно организовать группы сопротивленія, ремесленные союзы и даже увлечь за собою въ это движеніе рабочихъ мелкаго производства; что, такимъ образомъ, группировка по ремесламъ должна распространиться на всѣ отрасли производства... Общность интересовъ неизбѣжно должна привести ремесленные союзы къ соглашенію для взаимной поддержки, а отсюда произойдетъ цѣлая совокупность федерацій, сначала мѣстныхъ, потомъ областныхъ, наконецъ, международныхъ. Не довольствуясь этими теоретическими соображеніями, они приступили къ дѣлу; подобно англійскимъ рабочимъ, они организовали свои общества сопротивленія (trades-unions), связали ихъ федераціями и справедливо хотѣли организовать самый интернаціоналъ на томъ же федеративно-экономическомъ основаніи... [1])

«Мы очень желали бы радостно привѣтствовать эту самостоятельную, свободную организацію, гдѣ экономическая группировка становится основаніемъ

---

[1]) Записка Брюссельской секціи, 1874 г., гл. III

общественнаго порядка, гдѣ этотъ порядокъ, такимъ образомъ, сотканъ въ одно цѣлое съ плотью самаго общества, гдѣ мѣстная администрація существуетъ лишь вслѣдствіе потребности отправленія мѣстной общественной службы, а общая администрація съ цѣлью отправленія общественной службы общаго характера, причемъ ни та, ни другая не представляютъ собою ни законодательной, ни судебной власти. Однако у насъ остается въ этомъ случаѣ сомнѣніе, которое мы считаемъ своею обязанностью высказать открыто...

«Безспорно, что организація въ ремесленныя корпораціи есть одно изъ наиболѣе характеристическихъ стремленій въ современномъ рабочемъ движеніи. Безспорно и то, что организація общины и государства, опирающаяся на группировку по корпораціямъ или по занятіямъ, была бы болѣе разумна, чѣмъ организація, опирающаяся на группировку произвольно разграниченныхъ территорій. Но всегда ли такъ будетъ? Всегда ли корпоративная группировка сохранитъ то значеніе, которое она имѣетъ въ настоящее время и которое еще долго за нею останется?

«Замѣтимъ прежде всего, что въ будущемъ обществѣ всестороннее обученіе разовьетъ въ человѣкѣ способности къ довольно значительному числу занятій, такъ что всякій будетъ въ состояніи безъ затрудненія участвовать во многихъ производствахъ, одновременно или послѣдовательно, но, во всякомъ случаѣ, въ довольно короткіе промежутки времени; такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ будетъ членомъ нѣсколькихъ ремесленныхъ корпорацій, а потому группировка по ремесламъ сдѣлается менѣе опредѣленною, менѣе рѣзко выраженною, чѣмъ теперь.»

Мало того, «при чрезвычайномъ раздѣленіи труда,

которое стремится захватить всѣ производства, рабочій безъ затрудненій можетъ переходить отъ одной операціи къ другой, изъ одной мастерской въ другую, отъ одного производства къ другому. Затѣмъ слѣдуютъ машины, примѣненіе которыхъ къ производству можетъ только все болѣе и болѣе расширяться, по мѣрѣ прогресса физическихъ наукъ, и которыя въ разсматриваемомъ вопросѣ играютъ ту же роль, какъ и раздѣленіе труда. Дѣйствительно, введеніе машинъ, при помощи которыхъ ловкая рука искуснаго мастера замѣняется математически точнымъ механизмомъ, тоже способствуетъ облегченію упомянутаго постепеннаго перехода одного и того же рабочаго черезъ различныя отдѣльныя операціи, свойственныя различнымъ производствамъ. Это разнообразіе занятій, важность котораго угадалъ Фурье,—хотя онъ думалъ вызвать его искусственнымъ устройствомъ общества,—это разнообразіе въ занятіяхъ, котораго такъ настоятельно требуетъ общественная гигіена, признавая въ немъ необходимое условіе физіологическаго равновѣсія органовъ и сохраненія здоровья рабочихъ; это разнообразіе явится, такимъ образомъ, само собой съ развитіемъ тѣхъ механическихъ двигателей, которые господствуютъ въ современномъ производствѣ.

«Такимъ образомъ, всестороннее обученіе, раздѣленіе труда и расширеніе машиннаго производства, повидимому, должны всѣ вмѣстѣ содѣйствовать созданію въ будущемъ такого положенія, при которомъ рабочій не будетъ осужденъ на всю жизнь ограничиваться однимъ или двумя занятіями, но будетъ имѣть возможность участвовать, одновременно или послѣдовательно, въ производствѣ по самымъ различнымъ ремесламъ. Но если такой порядокъ вещей когда нибудь осуществится, то очевидно, что класси-

фикація рабочихъ по различнымъ между собою ремесламъ, а слѣдовательно и группировка ихъ въ ремесленныя общества исчезнетъ; въ такомъ случаѣ общинная, областная или международная федерація, основанная на раздѣленіи производствъ, совершенно потеряетъ ту важность и то глубокое значеніе, которое они имѣютъ теперь. Не ясно ли, слѣдовательно, что на эту корпоративную группировку, которая современемъ должна перестать быть необходимостью для общества, нельзя смотрѣть иначе, какъ на временную форму, и нельзя уже видѣть въ ней нормальной и окончательной формы для группировки будущаго общества» [1]).

По этимъ соображеніямъ Брюссельская секція Бельгійской федераціи интернаціонала, вопреки моднымъ соціалистическимъ ученіямъ и открыто заявляя, что идетъ въ разрѣзъ съ вполнѣ законченными соціалистическими теоріями, въ силу самой природы вещей возвращаетъ государству его историческое территоріальное значеніе. Она хочетъ только перестроить эту историческую форму человѣческаго общежитія. Поборники теоріи невмѣшательства, буржуазнаго laissez passer, laissez faire, экономисты, послѣдователи манчестерской школы—и во главѣ ихъ ученики Бастіа—свели всю дѣятельность государства на роль охранителя общественной безопасности, Брюссельская же секція, по выраженію автора представленной на конгрессъ записки, «снимаетъ съ этого государства-жандарма его саблю и перевязь» и заботы общественной безопасности поручаетъ самому обществу, а государству даетъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ общественнаго благоустройства. За основаніе такого от-

[1]) Тамъ-же, гл. IV.

клоненія отъ соціалистической программы приняты доводы Дж. Ст. Милля. Милль утверждаетъ, что всѣ дѣла, которыя, будучи предоставлены частной дѣятельности, могутъ вестись частными лицами не иначе какъ чрезъ повѣренныхъ или акціонерными компаніями, не хуже, а иногда и лучше того для существенныхъ своихъ результатовъ, будутъ ведены правительствомъ [1]). Поэтому предлагается тѣ виды общественной службы, которые, не будучи мѣстными, не могутъ лежать на обязанности общины, отнести къ вѣдѣнію государства; а именно: службу, завѣдующую большими путями сообщенія, мостами, шоссе, желѣзнодорожную, почтовую, телеграфную, предпріятія по части расчистки, дренированія, орошенія полей, осушенія болотъ—для значительной части страны; проведеніе и содержаніе каналовъ; устройство плотинъ и гатей (предохраняющихъ отъ разливовъ); работы необходимыя для постройки морскихъ портовъ, насыпей, буевъ; морскія спасительныя учрежденія; береговой надзоръ, службу пакетботовъ; къ вѣдѣнію государства отнесены также устройство и содержаніе домовъ для умалишенныхъ и пенитенціарныхъ колоній и организація общаго страхованія противъ всякаго рода риска и опасности [2]). Но какъ всѣ общественныя работы для своего исполненія требуютъ участія значительнаго матеріальнаго труда, то недостаточно установить только администрацію, которая

---

[1]) Princ., 1865, II, 488.

[2]) Нашимъ законодательствомъ общественное страхованіе на началахъ взаимности установлено въ положеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ и городовомъ. Страхованіе, какъ государственная функція, нашло примѣненіе въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ страхованіе жизни производилось правительствомъ съ 1844 по 1870 годъ, а также страхованіе посѣвовъ отъ градобитія и страхованіе скота.

должна быть непремѣнно выборною снизу вверхъ [1]): большую важность получаютъ отношенія къ администраціи предпринимателей и организація послѣднихъ. Администрація должна отвергнуть систему концессіонную и строго держаться системы предпринимательской. Разница между ними та, что при первой системѣ община или государство продаютъ или переуступаютъ даромъ монополію, привиллегію, собственность, часть общественнаго имущества, а при второй—покупаютъ услуги или продукты. Въ первомъ случаѣ общество отчуждаетъ часть своего имущества, общественная собственность уменьшается, тогда какъ во второмъ случаѣ оно пріобрѣтаетъ имущество, общественная собственность увеличивается [2]).

Система концессіонная должна исчезнуть съ исчезновеніемъ капиталистическаго господства, а система предпринимательская должна находить все большее и большее приложеніе при новомъ порядкѣ вещей, который будетъ созданъ рабочими.

«Уже теперь часто случается, что государство или община, для исполненія той или другой отрасли общественной службы сносится съ отдѣльнымъ предпринимателемъ или съ ассоціаціей, вмѣсто того, чтобы прямо нанимать нужныхъ для этого дѣла рабочихъ». Это имѣетъ мѣсто не только при возведеніи различныхъ построекъ и сооруженій, необходимыхъ для отправленій общественной службы, но и при отправленіи самой общественной службы въ извѣстныхъ ея отрасляхъ. Такъ, напр., въ Бельгіи администрація правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ эксплуатируетъ принадлежащую правительству монополію до-

---

[1]) Гл. X.

[2]) Тамъ-же.

ставки товаровъ на линіи посредствомъ компаній частныхъ предпринимателей [1]).

«При существующемъ порядкѣ вещей эти отдѣльные предприниматели или общества суть преимущественно хозяева или общества капиталистовъ»; но въ будущемъ ихъ замѣнятъ общества рабочихъ. Такой выводъ не есть плодъ пустаго соціалистическаго мечтанія, а основанъ на внимательномъ наблюденіи дѣйствительно совершающихся фактовъ. Стремленіе къ замѣнѣ капиталистическихъ компаній и частныхъ предпринимателей рабочими коллективностями «выражается не только въ возникновеніи кооперативныхъ обществъ въ различныхъ профессіяхъ (нѣкоторымъ изъ этихъ обществъ, напр., обществу каменьщиковъ въ Парижѣ, государство и городъ поручали весьма важныя общественныя работы [2]). Къ тому же результату ведетъ другая отрасль рабочаго движенія, имѣющая характеръ болѣе общій и непосредственно доступный для массы пролетаріата — это образованіе рабочихъ союзовъ». Эти союзы первоначально устраивались лишь съ цѣлью взаимной помощи во время болѣзни или безработицы; затѣмъ естественно превратились въ организованныя группы для поддержанія заработной платы на извѣстномъ уровнѣ, для уменьшенія числа рабочихъ часовъ и т. д., однимъ

---

[1]) У насъ на тѣхъ же началахъ производилась транспортировка грузовъ въ минувшую турецкую кампанію. Вообще система подрядовъ и поставокъ сильно развита въ практикѣ военнаго министерства.

[2]) Производительныя артели давно и на широкихъ началахъ существуютъ у насъ въ Россіи. Таково, напр., артельное производство стальныхъ издѣлій въ Павловѣ, въ Воремѣ и ихъ околоткѣ, оружейныхъ въ Тулѣ, лѣсныхъ въ Ветлугѣ, шерстяныхъ въ Арзамасѣ, сапожныхъ въ Кимрахъ. Кромѣ того разные промыслы основаны также на артельныхъ началахъ; напр. рыболовный промыселъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ.

словомъ, для сопротивленія, для борьбы, опирающейся на стачку. Такимъ образомъ, достаточно упрочившись, союзы не теряли вполнѣ изъ виду первоначальныхъ цѣлей, сохранившихъ и по сіе время свое значеніе, но прибавили къ нимъ еще новыя цѣли; такъ что теперь союзы стремятся не только къ тому, чтобы сдѣлаться агентствами, которыя доставляютъ работу, слѣдятъ за спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ, регулируютъ спросъ и предложеніе ихъ, и въ то же время уговариваются на счетъ заработной платы и другихъ условій работы; но и къ тому, чтобы вообще замѣнить собою отдѣльнаго рабочаго во всѣхъ его отношеніяхъ къ хозяину». По этому поводу экономистъ де-Молинари, совершенно чуждый соціализма, говоритъ въ своей книгѣ «Le mouvement socialiste», изданной въ Парижѣ въ 1872 году: «Очевидно, что на этомъ не остановятся; отъ вмѣшательства въ качествѣ посредниковъ, при заключеніи сдѣлокъ по снабженію трудомъ, союзы естественно перейдутъ къ исполненію этихъ сдѣлокъ. Старая система прямыхъ и личныхъ сношеній — неистощимый источникъ несогласій и столкновеній между рабочими и хозяевами — прекратитъ тогда свое существованіе. «Въ Англіи нѣкоторые союзы уже сдѣлали этотъ шагъ: они начали вступать въ обязательства и брать на себя подряды по снабженію трудомъ. Иниціатива въ этомъ новомъ направленіи trades-unions принадлежитъ плотникамъ, каменьщикамъ и штукатурамъ въ Уэльвергэмптонѣ [1]) и шапочникамъ въ Ноттингэмѣ». Де-Молинари заканчиваетъ свою книгу вопросомъ: «Что же такое эти союзы, какъ не зародышъ новаго

[1]) По тѣмъ же отраслямъ труда издавна существуютъ артельные подряды и у насъ въ Россіи. У насъ существуютъ и неизвѣстныя на Западѣ артели личныхъ услугъ: прислуги въ гостиницахъ (татары), банщиковъ и проч.

учрежденія, долженствующаго произвести въ экономическомъ мірѣ переворотъ, подобный тому, который произведенъ въ промышленномъ мірѣ паровою машиною и локомотивомъ?» Брюссельская секція Бельгійской федераціи интернаціонала идетъ далѣе и прямо заявляетъ, что отсюда до уничтоженія патроната—одинъ только шагъ. Она спрашиваетъ: «Что помѣшаетъ послѣ этого рабочему союзу взять предпріятіе на себя въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ орудія стоятъ не дорого, или въ тѣхъ, гдѣ они составляютъ собственность государства? Что же касается производства, гдѣ эти орудія очень дороги, все дѣло будетъ лишь за способомъ разсчета между группами производителей и владѣльцами орудій труда. Сила вещей рано или поздно принудитъ къ этому разсчету, который можетъ совершиться или добровольно, по соглашенію между рабочими и капиталистами (что было бы, очевидно, лучше), или путемъ насилія во время одной изъ тѣхъ народныхъ бурь, которыя вызываются сопротивленіемъ господствующихъ классовъ законнымъ требованіямъ классовъ подавленныхъ».

Въ своемъ представленіи о жизни новаго общества, обезоруживъ націи, лишивъ правительства власти, или, лучше сказать, смѣстивъ правительства и поставивъ на ихъ мѣсто агентовъ рабочихъ коллективностей по части гигіены, всесторонняго обученія, производства и обращенія продуктовъ, члены интернаціонала Брюссельской секціи не ограничиваютъ комбинированнаго ими порядка общественной службы территоріальными предѣлами государства или средою одной какой либо національности, но переносятъ тотъ же порядокъ на всемірную федерацію, на которой, по ихъ мнѣнію, будутъ лежать: прежде всего

высшій третейскій судъ, въ случаѣ столкновеній между государствами разныхъ странъ, затѣмъ большія научныя экспедиціи для изслѣдованія полюсовъ и проч., полное изслѣдованіе земнаго шара, научныя изысканія, имѣющія международное значеніе; общая статистика земнаго шара; расчистка и ирригація обширныхъ и еще невоздѣланныхъ пространствъ, осушеніе болотъ, распространяющихся чрезъ многія страны на значительномъ протяженіи; разведеніе лѣсовъ на горахъ, выходящихъ за предѣлы отдѣльной страны, разведеніе столь необходимое, какъ въ интересахъ гигіены, такъ и земледѣлія; прорытіе перешейковъ и большихъ горныхъ цѣпей, въ настоящее время представляющихъ препятствіе для международныхъ сношеній; метеорологическія обсерваторіи; очистка нездоровыхъ мѣстностей (каковы, напр., берега Ганга), откуда разносятся ядовитые міазмы, которые подъ именемъ чумы, холеры, тифа, желтой горячки, періодически проходятъ черезъ материкъ до самыхъ отдаленныхъ острововъ, истребляя и истощая населеніе.

«Однимъ словомъ, на всемірной федераціи будутъ лежать всѣ тѣ общественныя работы, которыя имѣютъ цѣлью оздоровленіе земли, улучшеніе климатовъ, превращеніе самой Сахары въ плодородное пространство, превращеніе всей земли въ грандіозный садъ;—тѣ службы, цѣль которыхъ—сдѣлать человѣчество полнымъ владѣльцемъ планеты, чтобы въ концѣ концовъ реализировать тѣ слова, которыя до сихъ поръ были лишь горькою насмѣшкою: человѣкъ—владыка міра, царь творенія» [1]).

9) Итакъ, человѣчество становится полнымъ вла-

[1]) Заключительныя слова гл. V.

дѣльцемъ планеты, превращаетъ всю землю въ грандіозный садъ, другими словами, возвращаетъ рай земной, потерянный первымъ человѣкомъ съ того момента, когда по волѣ Божіей онъ поставленъ былъ въ необходимость «въ потѣ лица своего» добывать себѣ средства къ существованію. Но каковы должны быть формы этого владѣнія всею планетою, обладанія всѣми земными благами, для того, чтобы эти блага, переставъ быть удѣломъ немногихъ, стали доступными всѣмъ и каждому, сдѣлались реальнымъ достояніемъ всего человѣчества? Какова должна быть форма собственности?

По мнѣнію бельгійскихъ соціалистовъ слова: коммунизмъ и индивидуализмъ, по отношенію къ собственности, выражаютъ собою двѣ крайности: первое — собственность общую или общественную, второе — собственность личную. Послѣдователи этихъ двухъ взаимно уничтожающихъ другъ друга и «рѣшительныхъ утопій» никогда, однако же, не могли допустить, чтобы когда либо существовало или могло существовать общество, не заключающее въ себѣ извѣстной доли коммунизма—хотя бы, напр., въ отношеніи общаго владѣнія улицами, — и точно также извѣстной доли индивидуализма — хотя бы въ въ отношеніи куска хлѣба, который съѣдаетъ опредѣленная личность. Но чтобы не дать повода къ обвиненію себя въ коммунистическихъ тенденціяхъ вообще (общность женъ, поглощеніе личности государствомъ и т. п. положенія бабувистовъ, съ жаромъ отвергаемыя соціалистическими ученіями всѣхъ оттѣнковъ) и оттѣнить свое ученіе отъ анархическаго мютюэлизма Прудона, бельгійская школа, съ де-Пэномъ во главѣ, предлагаетъ новый терминъ—коллективизмъ, смыслъ котораго, по ея мнѣнію, шире: онъ обозначаетъ со-

бою коллективную собственность вообще, собственность всякой коллективности, будь то община или рабочая группа. Вся суть вопроса, по мнѣнію коллективистовъ, сводится къ тому, чтобы опредѣлить, какія вещи должны быть коллективною собственностію государства или общины, какія должны принадлежать промышленнымъ группамъ и какія, наконецъ, должны составлять частную собственность отдѣльнаго лица [1]).

Безполезно было бы искать въ соціалистической утопіи какихъ бы то ни было правовыхъ опредѣленій, потому что эти опредѣленія, завѣщанныя намъ исторіей и формулированныя всѣмъ предшествующимъ опытомъ человѣческой жизни потому самому и отвергаются соціалистами. По ихъ понятіямъ, все прошедшее человѣчества есть ничто иное, какъ объясненіе нынѣ существующаго, повсемѣстно господствующаго безправія. Правильная жизнь возможна только въ будущемъ обществѣ, а жизнь будущаго возможна только послѣ смерти настоящаго.

Мало того, существующее подлежитъ не естественной смерти, а разрушенію руками человѣка, ниспроверженію путемъ революціи, убійству во имя справедливости, и справедливости будущей, а не настоящей, потому что въ настоящемъ ея нѣтъ. Слѣдовательно невозможно дать согласнаго съ справедливостію отвѣта на вопросъ: почему? Можно дать отвѣтъ лишь на вопросъ: для чего? въ виду какихъ практическихъ цѣлей?

Въ этомъ направленіи на вышепоставленные вопросы о собственности даются слѣдующіе отвѣты:

Земля, составляющая общій фондъ, изъ котораго

---

[1]) Брюсс. зап. гл. IX.

человѣчество черпаетъ для своего существованія, пассивный источникъ всѣхъ богатствъ, должна быть коллективной собственностью общества и отчужденіе земли частнымъ лицамъ должно прекратиться. Этотъ принципъ общности землевладѣнія, провозглашенный сначала одними лишь соціалистами, какъ Коллинсъ, де-Поттеръ и Декэйзеръ (Het Natuurregt), въ настоящее время признается лучшими экономистами, каковы Дж. Ст. Милль (въ Examiner) и Гербертъ Спенсеръ (Social statics). Что касается до ископаемыхъ богатствъ почвы, то въ виду того, что каменноугольныя копи, рудники, каменоломни (доставляющія промышленные минералы: мраморъ, плитнякъ, шиферъ и проч.), занимаютъ ограниченныя пространства, а значеніе ихъ въ современной промышленной экономіи такое же, какое въ экономіи человѣческаго организма имѣютъ хлѣбъ и мясо, т. е. что извлекаемые изъ нѣдръ земли матеріалы доставляютъ всему промышленному производству существенно важный для его жизненности элементъ — движущую силу и орудія производства, а всему современному рабочему строю его насущный хлѣбъ, эксплуатація этихъ общественныхъ богатствъ отдѣльными лицами и компаніями капиталистовъ на правахъ монополіи, уступленной имъ государствомъ на вѣчныя времена, есть злоупотребленіе, допущенное буржуазными законодательствами, но которое не можетъ быть санкціонировано пролетаріатомъ и терпимо имъ въ будущемъ [1]). Здѣсь даже не можетъ быть рѣчи о выкупѣ: полученная отъ государства концессія должна быть просто на просто передана ему обратно [2]). Съ понятіемъ о земельной собствен-

[1]) Гл. VII.

[2]) Гл. VII, п. 2.

ности бельгійскіе соціалисты нераздѣльно связываютъ представленіе не только о томъ, что по самой природѣ существуетъ на ея поверхности или выращено почвою, но и о всемъ томъ, что сооружено на этой поверхности трудами человѣка. Поэтому должны поступить въ собственность государства или общества не только озера, рѣки, лѣса, но и всякіе пути сообщенія, рельсовые и др., всякія другія сооруженія и всѣ постройки, однимъ словомъ—вся недвижимость. Выкупъ допускается на началахъ проектированныхъ Прудономъ [1]).

Что касается вопроса о принадлежности машинъ, промышленныхъ приборовъ и матеріаловъ производства, вообще орудій труда, то вопросъ этотъ разрѣшается такимъ общимъ правиломъ: «Какова система производства, такова и форма собственности» [2]). Здѣсь представляются слѣдующія категоріи: «1) государству или общинѣ должны принадлежать предметы, служащіе для отправленія общественной службы общей для многихъ мѣстностей (напр., подвижной составъ желѣзной дороги) или мѣстной (напр., снаряды газоваго завода), или предметы, предназначаемые для производства, составляющаго естественную монополію (напр., все нужное для горнаго производства), или для производствъ въ обширныхъ размѣрахъ, которые можно разсматривать какъ общественныя функціи, такъ какъ они создаютъ первоначальный сырой матеріалъ, необходимый для другихъ производствъ, и вообще все, входящее въ обработку желѣза; 2) промышленнымъ группамъ должны принадлежать предметы, относящіеся къ производствамъ,

---

[1]) Idées génér. de la rév. au XIX s., 5-me ét., par. 4.

[2]) Гл. IX.

хотя частнымъ, но все таки требующимъ участія нѣкоторой рабочей коллективности; 3) наконецъ, частною индивидуальною собственностію могутъ быть орудія, служащія при производствѣ, которое можетъ имѣть мѣсто при помощи труда отдѣльной личности (напр., шило и ножъ сапожника; иголки, ножницы и даже швейная машина портнаго и т. д.)».

По отношенію къ продуктамъ производства личная собственность имѣетъ мѣсто въ размѣрѣ цѣнности мышечной и первной силы, физическихъ и умственныхъ усилій, которыя рабочій истратилъ на производство продукта. При этомъ, конечно, не указывается никакого критерія для измѣренія затраченныхъ силъ, лишь поставляется правиломъ, что вознагражденіе за трудъ, какою бы валютою оно ни производилось, должно быть полнымъ.

Само собою разумѣется, что все, что останется отъ такого совершенно неосуществимаго на практикѣ разсчета за трудъ, поступаетъ въ собственность коллективностей по принадлежности. И на эти фиктивные остатки отъ фиктивнаго разсчета предполагается превратить Сахару въ цвѣтущій садъ и установить на незыблемыхъ началахъ владычество человѣка на землѣ, полное обладаніе всею планетою!

Рѣшеніе вопроса о собственности, давая то или другое направленіе дѣятельности интернаціонала, составляетъ существенную часть программы его конгрессовъ и составляло, и составляетъ яблоко раздора между вожаками соціалистовъ различныхъ оттѣнковъ.

Первый генеральный конгрессъ происходилъ въ Женевѣ, въ сентябрѣ 1866 г. На этомъ конгрессѣ утверждены основные статуты интернаціонала, въ которыхъ, между прочимъ, изложено: «Движеніе, которое совершается между рабочими различныхъ

промышленныхъ странъ Европы, породивши новыя надежды, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ предостереженіемъ не впадать въ старыя ошибки»; вслѣдствіе чего Международное Общество придаетъ рабочей агитаціи всѣхъ странъ чисто экономическій характеръ, устраняясь отъ всякаго вмѣшательства въ рѣшеніе вопросовъ религіознаго и политическаго свойства [1]). Но на слѣдующемъ же, лозаннскомъ конгрессѣ 1867 г., въ шестомъ засѣданіи, была принята почти единогласно слѣдующая резолюція:

«Принимая во вниманіе, что лишеніе политическихъ вольностей составляетъ препятствіе къ соціальному (sic) образованію народа и къ освобожденію пролетаріата,

Конгрессъ объявляетъ:

1) что соціальное освобожденіе работниковъ нераздѣльно съ ихъ политическимъ освобожденіемъ;

2) что установленіе политическихъ вольностей есть мѣра настоятельной необходимости» [2]).

Впрочемъ, второй пунктъ этой резолюціи не имѣлъ серьезнаго характера даже въ глазахъ членовъ интернаціонала, потому что былъ вызванъ единственно желаніемъ испытать искренность нѣкоторыхъ парижскихъ делегатовъ, состоявшихъ въ 1866 г. подъ подозрѣніемъ въ служеніи французскому императорскому правительству, и опровергнуть всякую мысль о союзѣ соціализма съ французской имперіей [3]).

Во всякомъ случаѣ стремленіе къ политическимъ вольностямъ, которыя обезпечивали бы пролетаріату

---

[1]) Политика интернаціонала. Статья М. Бакунина въ „Egalité“ 1869 г. №№ 29—32.

[2]) Мемуаръ Юрской федераціи, представленный всѣмъ федераціямъ интернаціонала въ 1873 г.

[3]) Историч. разв. интерн., ч. I, стр. 6—7.

свободу ассоціацій, кооперативныхъ по преимуществу, и дали бы ему возможность выговорить нѣкоторыя льготы, каковы, напр., уменьшеніе часовъ рабочаго времени и регламентація труда женщинъ и дѣтей, не выходило за предѣлы преобразованій въ законодательномъ порядкѣ и слѣдовательно вполнѣ согласовалось съ системою дѣйствія тогдашнихъ и теперешнихъ англійскихъ соціалистовъ и большинства нѣмецкихъ соціаль-демократовъ. Что же касается до вопроса о собственности, отъ разрѣшенія котораго даже въ принципѣ зависитъ главнымъ образомъ революціонное направленіе агитаторовъ, то въ то время между представителями интернаціонала преобладали взгляды, во многомъ индивидуалистическіе, послѣдователей Прудопова мютюэлизма (французы Поленъ и Мюра [1]) и швейцарецъ Кульри), были даже сторонники примиренія съ буржуазіей (Шодэ) [2]). Въ Лозаннѣ впервые была изложена передъ интернаціоналомъ теорія коллективизма брюссельскимъ делегатомъ де-Пэпомъ; но лишь на третьемъ генеральномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ (въ сентябрѣ 1868 г.), большинствомъ 30 голосовъ противъ 4 (причемъ 15 человѣкъ отказались вотировать), было постановлено: 1) что мины, копи и желѣзныя дороги должны принадлежать общественной коллективности, представляемой государствомъ, возрожденнымъ и подчиненнымъ справедливому закону; 2) что мины, копи и желѣзныя дороги должны уступаться обществомъ для

[1]) Письмо Ж. Гильома отъ 30 декабря 1869 г. къ гражданину Мюра, делегату парижскихъ механиковъ на Базельскомъ конгрессѣ. Progrès. 1870 г. № 1. Мютюэлисты формулируютъ свой принципъ слѣдующимъ образомъ: „общество, составленное изъ личностей, не можетъ имѣть права нарушать собственности своихъ членовъ".

[2]) Парижскій адвокатъ, разстрѣлянный въ 1871 г. Коммуною.

эксплуатаціи не компаніямъ капиталистовъ, какъ теперь, а рабочимъ ассоціаціямъ [1]). Постановленія, согласныя съ теоріей соціалистовъ бельгійской федераціи, были приняты также и относительно поземельной собственности, лѣсовъ, каналовъ, дорогъ и телеграфовъ [2]).

Это постановленіе брюссельскаго конгресса вызвало рѣзкое распаденіе партій вслѣдствіе того собственно, что далеко не во всѣхъ странахъ и не во всѣхъ отрасляхъ производства положеніе рабочихъ было такъ бѣдственно, какъ положеніе углекоповъ бассейновъ Шарльруа, Монса и Борнпажа [3]). Подъ

---

[1]) Мемуаръ Юрской федераціи.

[2]) Истор. разв. интер., ч. I., стр. 13—14 и особая записка Брюссельской секціи 1868 г. о поземельной собственности.

[3]) Вотъ какимъ образомъ оно описано въ одномъ оффиціальномъ документѣ: „въ молодости уже эти рабочіе блѣдны, худощавы, видъ у нихъ усталый; въ старшемъ возрастѣ они сгорбливаются, ноги согнуты въ колѣняхъ, походка медленна. Около сорока-пятидесяти лѣтъ они почти всегда уже представляютъ признаки ранней старости (Докладъ Комм. Палаты въ Монсѣ. 1844 г.)“ Видо, одинъ изъ инженеровъ мины, писалъ въ 1843 году, въ своемъ оффиціальномъ донесеніи: „что это занятіе, лишающее человѣка солнечнаго свѣта, заставляющее его дышать вмѣсто воздуха всякими вредными газами, работать въ самыхъ неудобныхъ положеніяхъ и подвергающее рабочаго постоянной опасности, является одною изъ главныхъ причинъ, отдаляющихъ человѣка отъ нормальнаго образа жизни; поэтому оно должно обратить на себя особое вниманіе и вызвать рядъ спеціальныхъ мѣръ. По моему мнѣнію, это не подлежитъ сомнѣнію“. Что было въ 1843, то осталось и въ 1868 г. „Liberté“, 1868, № 42. Въ Бельгіи углекопы тѣснятся густыми толпами въ мѣстахъ добыванія угля; предложеніе съ ихъ стороны значительно превышаетъ спросъ; поэтому многіе изъ нихъ остаются безъ работы или работаютъ урывками, съ большими промежутками; заработная плата вообще не удовлетворяетъ ихъ матеріальнымъ нуждамъ. Въ то же время въ Англіи, напр., вслѣдствіе большей регулярности въ эксплуатаціи каменноугольныхъ копей и слѣдовательно большаго постоянства въ отношеніяхъ спроса къ предложенію, положеніе углекоповъ можетъ считаться обезпеченнымъ. Они или беруть работу съ подряда по галлереямъ или работаютъ съ гарантіею годовой платы, по разсчету отъ 30 до 33 шиллинговъ

свѣжимъ впечатлѣніемъ цѣлаго ряда забастовокъ, продолжительнаго голоданія вслѣдствіе безработицы, послѣдовавшаго затѣмъ со стороны голодающихъ грабежа и разнаго рода насилій, вызвавшихъ вмѣшательство войскъ и кровавую расправу съ виновными, бельгійскіе соціалисты могли желать полнаго разрыва съ буржуазіей; но не таково было положеніе дѣлъ въ Германіи и особенно въ Швейцаріи. Тамъ, между хозяевами и наемниками, ни обоюднымъ раздраженіемъ, ни происками безпокойныхъ людей, ни самыми, наконецъ, бытовыми экономическими условіями не было вырыто непроходимой пропасти для сближенія. Въ томъ же 1868 году соціально-демократическая партія въ Германіи держала свой конгрессъ въ Эйзенахѣ, гдѣ рѣшила въ принципѣ, что политическія реформы (не революція) должны предшествовать соціальнымъ, а на практикѣ — союзъ съ радикальной буржуазіей такъ называемой «народной» партіи. Мало того, въ виду предстоявшаго въ Бернѣ конгресса Лиги Мира и Свободы, постановлено было отправить своихъ делегатовъ на этотъ конгрессъ съ порученіемъ поддерживать тожественныя стремленія Лиги и противодѣйствовать предложеніямъ революціонныхъ соціалистовъ, побуждавшихъ ее къ слитію съ интернаціоналомъ.

Нарушено было согласіе и въ соціально-революціонномъ движеніи романской Швейцаріи.

въ двѣ недѣли. Comte de Paris: Les associations ouvr. en Angleterre. По исчисленію Карла Маркса („Das Capital". B. I, s. 660), семья бельгійскихъ рабочихъ, состоящая изъ 6 человѣкъ: мужа, жены и четырехъ дѣтей, изъ которыхъ двое уже ходятъ на работу, при регулярномъ трудѣ, имѣла бы ежегодный дефицитъ, если бы питалась пищею:

матроса	760	франк.
солдата	405	„
арестанта.	44	„

Здѣсь это движеніе зародилось въ 1865 году по иниціативѣ проживавшаго въ то время въ Шо-де-Фонѣ пропагандиста 1848 года, врача Пьера Кульри. Онъ вступилъ въ сношенія съ Лондонскимъ генеральнымъ совѣтомъ и основалъ Шо-де-Фонскую секцію въ составѣ около 400 членовъ. Подъ его же вліяніемъ въ слѣдующемъ, 1866 году образовались секціи: въ Бонкурѣ, Бьенѣ, Сонвилье, Сентъ-Имье, Порантрюи, Нешателѣ и Локлѣ. Послѣдняя основана старымъ эмигрантомъ нешательской революціи 1831 года, Константиномъ Мероиомъ, при содѣйствіи скоро выдвинувшагося своимъ крайнимъ направленіемъ Жемса Гильома изъ Нешателя. Зашевелились также и Лозанна, Веве и Монтре. Къ этому времени относится и образованіе центральной секціи въ Женевѣ, основанной, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ нѣмецкаго соціалиста І. Ф. Беккера, который съ января 1866 года сталъ издавать ежемѣсячный журналъ «Предвѣстникъ», органъ секцій нѣмецкаго языка. Кульри основалъ также свои органы, изъ которыхъ болѣе другихъ выдавался журналъ la Montagne, для секцій организовавшихся подъ его вліяніемъ. Насколько солидно было это движеніе, не проистекавшее изъ стѣснительности положенія рабочихъ и ненормальности ихъ отношеній къ предпринимателямъ, а вызванное, главнымъ образомъ, подстрекательствомъ старыхъ политическихъ агитаторовъ, лучше всего можно заключить изъ отзывовъ о немъ людей соціалистической же и притомъ крайней партіи. «Кликнули кличъ, говорятъ они [1]): «работники со-

[1]) Истор. разв. интерн. ч. I, стр. 4. Кличъ: „работники соединяйтесь!“ есть лозунгъ соціалистовъ, заимствованный изъ „манифеста Коммунистической партіи“ 1848 г.

сдиняйтесь!»—и они стали соединяться, соединяя въ одну секцію всѣхъ работниковъ мѣстности. Вслѣдствіе этого въ собраніяхъ интернаціонала сталкивались самые разнообразные и большею частью далеко не серьезные элементы. Вліяніе принадлежало тѣмъ, кто лучше всѣхъ плелъ красивыя фразы на тему весьма удобную, по своей неопредѣленности: Богъ, отечество, человѣчество, братство». Швейцарцы, любители краснорѣчія, охотно собирались на митинги послушать ловкаго говоруна, тѣмъ болѣе, что по искони заведенному порядку даже въ самыхъ либеральныхъ кантонахъ, какъ, напр., въ Женевскомъ, въ мастерскихъ не допускаются разговоры о религіи и политикѣ; на выборахъ въ Grand Conseil они охотно могли подать голосъ за человѣка извѣстнаго имъ своими рѣчами, демократическою и гуманитарною пропагандою, каковымъ въ дѣйствительности и былъ Кульри: но ни имъ, ни самому Кульри не приходило въ голову разрѣшать соціальные вопросы не законодательнымъ путемъ, а резолюціями интернаціонала и притомъ въ смыслѣ прямо противоположномъ общераспространенному понятію о собственности. Поэтому кульристы отпали отъ интернаціонала и объявили себя сторонниками личной собственности, а соціалисты, въ небольшомъ числѣ оставшіеся вѣрными интернаціоналу, съ Жемсомъ Гильомомъ во главѣ, желая показать, что, присоединяясь къ резолюціи Брюссельскаго конгресса, они въ то же время не имѣютъ ничего общаго съ старинными коммунистами, приверженцами государственности, назвали себя коллективистами и основали въ Локлѣ особый органъ интернаціонала «Progrès» [1]). Этому органу съ

[1]) Редакторы Меронъ и Гильомъ.

1869 года принадлежитъ дальнѣйшее развитіе теоріи коллективизма. Такимъ образомъ, не въ Бельгіи, гдѣ мысль о коллективизмѣ внушена была желаніемъ найти практическую формулу для разрѣшенія крайне запутанной задачи пролетаріата, повидимому поставленнаго въ безвыходное положеніе, а въ демократической Швейцаріи, съ пролетаріатомъ, доведеннымъ до minimum'а лишеній, сравнительно съ другими странами западной Европы, въ странѣ Кальвина, гдѣ обычная простота образа жизни ставитъ въ наименѣе рѣзкія отношенія роскошь съ бѣдностію, эта теорія—вѣнецъ творенія современнаго соціализма—дошла до крайнихъ утопистическихъ воззрѣній, до полнаго отрицанія индивидуальной собственности, со всѣми ея послѣдствіями. Вотъ дословная выписка изъ передовой статьи № 18 «Progrès» 1869 г.

«Мы хотимъ прогресса. Чтобы прогрессъ сталъ возможнымъ, необходимо, чтобы народъ началъ дѣйствовать.

«Нужно, чтобы онъ перевернулъ и сравнялъ ту почву, на которой должно осуществиться дѣйствительное равенство личностей, необходимое условіе свободы.

«Что разумѣемъ мы подъ дѣйствительнымъ равенствомъ? Это есть равенство экономическихъ условій личностей; это коллективная собственность, какъ почвы, такъ и всѣхъ другихъ орудій [1]) труда, не исключая и капитала.

«Безъ коллективной собственности нѣтъ равенства, нѣтъ свободы. Собственникъ всегда заставитъ

[1]) По Сенъ-Симону (L'industrie) къ орудіямъ производства отнесены всѣ сырые матеріалы, весь внѣшній міръ, служащій источникомъ производства.

работать пролетарія и будетъ пользоваться барышами съ его труда; до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать несправедливость, не будетъ ни равенства, ни свободы. Какимъ же путемъ можно уничтожить эту несправедливость? Отвѣтъ ясенъ: нужно, чтобы каждая личность обладала равною долею собственности, чтобы собственность принадлежала коллективности. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ коллективной собственности является уничтоженіе наслѣдства, потому что, оставляя во владѣніе дѣтей то, что скопили ихъ отцы, имъ даютъ возможность сдѣлаться тунеядцами и снова образовать классъ аристократовъ.

«Таковы принципы, такова программа Progrès».

Вполнѣ понятно, что такъ называемая женевская фабрика (часовщики и мастера музыкальныхъ ящиковъ) обнаружила презрительное равнодушіе [1]) и къ этой программѣ и къ этимъ принципамъ. Рабочіе фабрики въ большинствѣ—женевскіе граждане. Они пользуются всѣми политическими правами, достаточно вознаграждаются за трудъ [2]) и всѣ болѣе или менѣе образованы. Случаи увлеченія соціализмомъ изъ этой среды были поэтому немногочисленны. Пропагандисты ученія о новой жизни въ возрожденномъ обществѣ должны были искать и дѣйствительно нашли себѣ послѣдователей въ средѣ рабочихъ прежде всего не зараженныхъ узкимъ и тщеславнымъ патріотическимъ чувствомъ [3]), т. е. вовсе не имѣющихъ этого чувства по той причинѣ, что, оставивъ свою родину для заработковъ на чужбинѣ, искали пристроиться тамъ, гдѣ находили трудъ, ubi labor,

[1]) Истор. разв. интерн., ч. I, стр. 12.

[2]) Выдѣлывающіе маятники для карманныхъ часовъ могутъ заработать въ въ день до 20 и болѣе франковъ.

[3]) Истор. разв. интерн. ч. I, стр. 12.

ibi patria. Строительные работники (каменьщики, плотники, столяры) и вообще мастера грубыхъ ремеслъ (напр., маляры, каретники, жестяники, слесаря) въ Женевѣ—иностранцы, не пользующіеся никакими политическими правами и, за исключеніемъ французовъ, почти или вполнѣ чужды мѣстному населенію даже по языку. Въ средѣ этой-то разноплеменной, разноязычной и мало развитой массы пришельцевъ—савояровъ, итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ—соціализмъ довольно успѣшно пустилъ свои корни, такъ что въ началѣ 1868 года въ Женевѣ было уже 14 секцій интернаціонала и къ тому же времени одинъ женевскій журналистъ, Адольфъ Каталанъ, мечтавшій наслѣдовать Жемсу Фази въ роли вождя радикальной партіи, основалъ еженедѣльный журналъ «Liberté», сдѣлавшійся оффиціальнымъ органомъ Женевскаго интернаціонала [1]). Но Каталанъ ошибся въ разсчетѣ. Большинство его соціалистовъ были иностранцы, не имѣвшіе права голоса, а увлечь за собою фабрику они не могли. Поэтому, разочаровавшись въ надеждѣ попасть въ правительство при помощи интернаціонала, Каталанъ отрекся отъ соціализма и прекратилъ изданіе своего журнала. Также эфемерно было существованіе вышеупомянутаго журнала Гильома «Progrès», закрытаго его редакторами въ томъ же 1869 году.

Подвижнымъ толпамъ бездомныхъ женевскихъ соціалистовъ, не имѣвшихъ никакой имущественной связи ни съ прошедшимъ, ни съ будущимъ, было по меньшей мѣрѣ безразлично согласиться или нѣтъ съ докладомъ коммиссіи общаго собранія женевскихъ секцій, редактированнымъ въ формѣ слѣдующей резолюціи:

[1]) Ист. разв. интерн., ч. 1, стр. 13.

«Принимая во вниманіе, что право наслѣдства есть одна изъ главныхъ причинъ экономическаго, общественнаго и политическаго неравенства, царящаго въ мірѣ,

«что безъ равенства немыслима ни свобода, ни справедливость, а наоборотъ на долю пролетаріата всегда будутъ выпадать притѣсненія и эксплуатація, рабство и бѣдствія, а на долю эксплуататоровъ народнаго труда—богатство и власть,

«Собраніе признаетъ необходимымъ полное и совершенное уничтоженіе права наслѣдства.

«Это уничтоженіе, смотря по обстоятельствамъ, произойдетъ или путемъ реформъ, или путемъ революціи».

Докладъ былъ принятъ и внесенъ на обсужденіе Базельскаго конгресса интернаціонала.

Тѣмъ временемъ секціи романской Швейцаріи концентрировались и вновь образованная федерація основала особый федеративный органъ интернаціонала «Egalité». Въ число редакторовъ этого органа федеральнымъ конгрессомъ назначенъ Бакунинъ, а въ числѣ сотрудниковъ поименованы: по русскимъ дѣламъ Жуковскій и по польскимъ Мрочковскій.

Такимъ образомъ, въ числѣ дѣятелей интернаціонала появились русскіе эмигранты, столкнувшіеся затѣмъ на Базельскомъ конгрессѣ лицомъ къ лицу съ представителями западно-европейскаго соціализма.

III.

Михаилъ Бакунинъ и его итальянскіе друзья.—Alliance de la démocratie sociale.—Сѣмена разрушительнаго соціализма, посѣянныя въ Италіи и Испаніи —Революціонная агитація на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.—Программа бакунинскаго союза (alliance). Нигилистическая программа „славянской секціи въ Цюрихѣ".—„Государственность и анархія", соціалистическія статьи, письма и рѣчи Бакунина: значеніе религіи и причины обожанія Царя русскимъ народомъ; ненависть къ буржуазіи и въ особенности къ аристократіи ума; пути къ освобожденію рабочаго класса; всестороннее, или интегральное образованіе; „экономическое освобожденіе должно быть источникомъ всѣхъ другихъ освобожденій."—Параллель между Бакунинымъ и Лассалемъ.—Ассоціаціи, „желѣзный законъ" и программа Лассаля.—„Общій Германскій рабочій союзъ."—Бебель и Либкнехтъ.—Соціализмъ въ Австріи.—Рабочіе союзы въ Англіи.—Политическая программа дѣйствія англійскихъ и германскихъ соціалистовъ, ихъ организація и численность.—Понятія Бакунина о патріотизмѣ.—„Страшный день правосудія".—Парижскіе коммунары умѣреннѣе Бакунина.—Подвиги послѣдняго на Базельскомъ конгрессѣ (1869 г.), гдѣ впервые появляются русскіе соціалисты; отзывы о нихъ германскихъ соціаль-демократовъ.—Гаагскій конгрессъ и исключеніе Бакунина изъ интернаціонала.—Распаденіе Международнаго Общества Рабочихъ на централистовъ и федералистовъ.—Отказъ Бакунина отъ публичной дѣятельности и его прощальныя письма (1873 г).—Протестъ противъ „работниковъ мысли"; превращеніе агитаторовъ въ простыхъ работниковъ и движеніе въ народъ.

Бѣжавшій въ 1861 году обманнымъ образомъ изъ Сибири, черезъ Японію и Америку, Михаилъ Бакунинъ, изъ дворянъ Тверской губерніи, принималъ участіе въ польскомъ возстаніи и, послѣ неудачной попытки проникнуть съ отрядомъ повстанцевъ въ предѣлы Россіи черезъ Швецію, поселился сначала

въ Женевѣ; но, не найдя тамъ никакого революціоннаго элемента, кромѣ захудалой эмиграціи [1]), занимавшейся въ то время печатаніемъ записокъ Піотровскаго, изготовленіемъ къ печати секретныхъ отчетовъ Департамента Полиціи и т. п. архивною дѣятельностію, не имѣвшею ничего общаго съ міромъ живымъ, нашелъ болѣе удобнымъ развернуть свои силы въ неулегшемся еще движеніи массъ въ Италіи. Здѣсь можно было разсчитывать на недовольство исходомъ дѣла подъ Аспромонте, на ропотъ плательщиковъ податей, вслѣдствіе увеличенія налоговъ, по политическимъ обстоятельствамъ, и на зарождавшееся сомнѣніе въ искренности новаго правительства, вынужденнаго отказаться на время отъ завершенія своей программы національнаго объединенія.

Въ 1864 году Бакунинъ началъ агитацію во Флоренціи, затѣмъ переѣхалъ въ Неаполь и, успѣвъ собрать около себя небольшой интимный кружокъ, состоявшій сначала исключительно изъ итальянцевъ, а впослѣдствіи также изъ французовъ и поляковъ, основалъ союзъ на началахъ тайнаго общества, съ соціалистическою программою, для противовѣса, главнымъ образомъ, республиканскому союзу, основанному незадолго передъ тѣмъ Маццини и имѣвшему цѣли, исключительно политическія. Это первое соціалистическое общество въ Италіи приняло названіе «Союза соціальной демократіи», а потомъ переименовалось въ «Союзъ соціальныхъ революціонеровъ». Дѣятельность этого союза, какъ организаціи тайной, конечно, сильно разнилась отъ открытаго

[1]) Молодежь, прикосновенная къ изданію листка „Великоросъ“, къ дѣлу Сороки, Ященко и Всеволода Костомарова, и, наконецъ, передавшіеся мятежнымъ бандамъ русскіе офицеры,—все люди бездарные, въ полномъ смыслѣ измельчавшее поколѣніе, по выраженію Герцена.

способа дѣйствій другихъ соціалистическихъ сообществъ и относится, главнымъ образомъ, къ Италіи и Испаніи, гдѣ распространялась путемъ заговора и интригъ среди масонства, различныхъ слоевъ общества и сферъ правительственныхъ. Неаполитанскіе адвокаты Гамбуцци и Туччи пропагандировали на Аппенинскомъ полуостровѣ, ихъ агенты проникали и въ Сицилію (Драммисъ), и въ Тичино, а итальянскій депутатъ Фанелли посѣялъ сѣмена соціалистическаго заговора и политическаго сепаратизма, какъ существенной части бакунинской соціалистической программы, въ Мадритѣ, Барселонѣ и др. мѣстностяхъ Испаніи. Извѣстно, какую роль играли соціалисты въ эпоху междуцарствія и республики въ Испаніи; плоды соціалистическаго заговора не замедлили сказаться также и въ дерзкихъ покушеніяхъ на жизнь двухъ коронованныхъ особъ. Планы Бакунина были широкіе. Онъ видимо желалъ навязать свою программу всему революціонному движенію Европы, стремился революціонировать Лигу Мира и Свободы, собиравшуюся въ 1867 году въ Женевѣ и затѣмъ державшую конгрессъ въ Бернѣ, въ 1868 году. Когда же эта попытка не удалась, вслѣдствіе энергическаго отпора, встрѣченнаго имъ въ большинствѣ членовъ Лиги со стороны всѣхъ нѣмцевъ всевозможныхъ партій и цвѣтовъ [1]), французскихъ адвокатовъ императорской оппозиціи въ гамбеттовскомъ духѣ [2]) и др., предводимыхъ Кастеллякомъ, Густ. Фогтомъ, Гаусманомъ, Лемонье и Барни [3]); то, соединившись съ революціоннымъ меньшинствомъ Лиги, онъ попробовалъ было поставить весь интернаціоналъ на революціон-

[1]) Истор. разв. интерн., ч. I, стр. 308.

[2]) Фрибуръ и Шодэ.

[3]) „Усыпители", II, ст. Бакунина. „Egalité" 1869, №№ 23—27.

ную ногу и перетянуть его центръ тяжести изъ Лондона въ Женеву [1]), представлявшую въ 1869 году наиболѣе революціонный элементъ интернаціонала. Однако генеральный совѣтъ отказался отъ связи съ союзомъ, покуда не будетъ уничтожена его центральная и вполнѣ самостоятельная администрація. Поэтому, согласившись съ своими единомышленниками уничтожить центральное бюро въ Женевѣ и открыто примкнуть къ интернаціоналу, Бакунинъ въ то же время счелъ необходимымъ удержать для союза свою спеціальную программу. Вотъ эта программа:

1) Союзъ объявляетъ себя атеистическимъ; онъ хочетъ замѣны вѣры наукой и божескаго правосудія человѣческой справедливостью.

2) Онъ хочетъ прежде всего полнаго и окончательнаго уничтоженія классовъ и уравненія политическаго, экономическаго и соціальнаго личностей обоего пола, и съ этой цѣлью требуетъ прежде всего уничтоженія права наслѣдства, чтобы отнынѣ каждый пользовался пропорціонально своему производству и чтобы, согласно рѣшеніямъ послѣдняго рабочаго конгресса въ Брюсселѣ, земля, орудія труда и всякій вообще капиталъ обратились въ коллективную собственность всего общества и состояли бы въ пользованіи исключительно работниковъ, т. е. промышленныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій.

3) Онъ хочетъ равенства въ условіяхъ развитія для всѣхъ дѣтей обоего пола съ первой минуты ихъ рожденія, т. е. равныхъ условій ихъ содержанія, воспитанія и образованія на всѣхъ степеняхъ науки, промышленности и искусства—въ убѣжденіи, что это равенство, сперва лишь экономическое и соціальное,

[1]) Цитированное выше письмо Гесса въ „Reveil“.

постепенно приведетъ къ наибольшему естественному уравненію личностей, устранивъ искусственныя неравенства, исторически вызванныя ложной и несправедливой организаціей общества.

4) Врагъ всякаго деспотизма, не признавая иной политической формы, кромѣ республиканской и отвергая всякіе реакціонные союзы, онъ отвергаетъ также всякое политическое дѣйствіе, не имѣющее непосредственной и прямой цѣлью торжество рабочаго дѣла противъ капитала.

5) Онъ признаетъ, что всѣ нынѣшнія государства, политическія и авторитарныя, должны уничтожиться во всемірной федераціи земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій.

6) Союзъ отвергаетъ всякую политику, основанную на такъ называемомъ патріотизмѣ и соперничествѣ націй, такъ какъ соціальный вопросъ можетъ быть окончательно и дѣйствительно рѣшенъ только на основаніи международной солидарности работниковъ всѣхъ странъ.

7) Союзъ хочетъ свободной всемірной ассоціаціи всѣхъ мѣстныхъ ассоціацій [1]).

По поводу принциповъ, выраженныхъ въ этой программѣ, лондонскій генеральный совѣтъ отвѣчалъ союзу на его просьбу о зачисленіи въ Международное Общество: «Въ наши обязанности не входило подвергать критическому разбору программу союза. Мы не будемъ разбирать, вѣрно ли она выражаетъ настоящій духъ движенія пролетаріата. Мы должны были только разсмотрѣть, не содержится ли въ ней чего нибудь противнаго общему направленію нашей ассоціаціи, т. е. полному освобожденію рабочаго класса.

---

[1]) Истор. разв. интерн., ч. I, стр. 312—313.

За исключеніемъ всего, что могло бы противорѣчить этому, принципы нашей ассоціаціи требуютъ предоставлять всякой секціи свободно формулировать свою теоретическую программу» [1]).

Изъ всѣхъ программъ конфедераціи и многочисленныхъ секцій интернаціонала, только въ программѣ бакунинскаго союза категорически объявляется полная равноправность мужчины и женщины; атеизмъ впервые провозглашается обязательнымъ для членовъ секцій, требуется прежде всего уничтоженіе права наслѣдства, и заботы не только о воспитаніи и образованіи, но и о содержаніи дѣтей возлагаются на все общество. Семья юридическая и экономическая разрушена и вмѣстѣ съ тѣмъ устранено всякое понятіе о личной собственности.

Правда, программа Юрской федераціи (секцій романской Швейцаріи) весьма близка къ бакунинскому катехизису, но эта близость явилась именно вслѣдствіе того, что Бакунинъ стоялъ въ числѣ членовъ комитета федераціи. Самыхъ ярыхъ послѣдователей онъ нашелъ въ родственной ему средѣ цюрихской молодежи, въ средѣ эмансипированныхъ женщинъ, эмигрантовъ, учащихся и праздношатающихся вольнодумцевъ, оторванныхъ отъ практической жизни, отъ живой связи съ какимъ бы то ни было обществомъ. Тѣ же начала, но еще съ большею рѣзкостію, превращающею ихъ изъ соціалистическихъ въ нигилистическія, формулированы въ программѣ такъ называемой «славянской секціи въ Цюрихѣ», вошедшей по сродству идей въ составъ Юрской федераціи. Здѣсь также прогозглашается равенство правъ и обязанностей для мужчинъ и женщинъ, уничтоженіе государ-

[1]) Истор. разв. интерн., ч. I, стр. 316.

ства, права собственности, личной и наслѣдственной, и юридической семьи, основанной на этой собственности. Славянская секція заявляетъ, что она исповѣдуетъ матеріализмъ и атеизмъ, что будетъ бороться противъ всѣхъ родовъ богослуженія, противъ всѣхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ вѣроисповѣданій, и будетъ стараться уничтожать идею божества, въ убѣжденіи, «что эта вредная идея была и есть освященіе всякаго рода рабства». Далѣе говорится, что секція имѣетъ уваженіе къ наукамъ точнымъ, но «съ негодованіемъ отвергаетъ правительство ученыхъ, какъ самое надменное и вредное» [1]). Она задается спеціальною цѣлью пропаганды принциповъ революціоннаго соціализма и организаціи народныхъ силъ въ славянскихъ земляхъ по анархической программѣ (§§ 1 и 3); не признаетъ никакой власти, а потому и не допускаетъ иной организаціи, даже интернаціонала, кромѣ свободной федераціи самостоятельныхъ секцій; по той же причинѣ она не признаетъ и однообразной политической программы, подписанной главнымъ совѣтомъ или общимъ конгрессомъ (§§ 11 и 12).

Такимъ бунтовскимъ духомъ не отличался даже Бакунинъ. Во первыхъ онъ признавалъ дисциплину въ своей средѣ, во вторыхъ, возставая противъ религіи и раздѣленія общества на классы, онъ не накидывался на эти учрежденія съ бѣшенымъ озлобленіемъ безо всякаго вниманія къ послѣдствіямъ. Напротивъ, онъ бываетъ иногда очень остороженъ и даже практиченъ. Возставая противъ церкви и дворянства въ томъ же духѣ, какъ возставала противъ

---

[1]) Прибавленіе Б. къ „Государственности и анархіи“. Изд. соц. партіи 1873 г.

нихъ нынѣ правящая въ Бельгіи, Франціи и Швейцаріи буржуазія, революціонная и даже просто либеральная, только въ томъ не соглашался онъ съ вольнодумствующими буржуазами, что послѣдніе, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, считали религію необходимою для сволочи (pour la canaille); онъ не безъ нѣкоторой ѣдкости замѣчаетъ, что если религія отвергается буржуазами, какъ сковывающая ихъ свободомысліе и санкціонирующая права для нихъ неудобныя, то по тѣмъ же причинамъ она не нужна и для сволочи. «Религія, по его словамъ, есть не только заблужденіе ума; она кромѣ того, и главнымъ образомъ, есть страстный и постоянный протестъ полноты человѣческаго существа, безконечнаго богатства человѣческаго сердца, противъ узкости и бѣдственности дѣйствительной жизни. Не находя въ этомъ мірѣ ничего кромѣ глупости, несправедливости и бѣдствія, человѣкъ силою своего воображенія создаетъ себѣ воображаемый міръ, въ который онъ переноситъ всѣ свои стремленія, свои надежды и свой идеалъ; все это онъ съ земли перенесъ на небо. Такимъ образомъ была создана религія и она будетъ всемогуща до тѣхъ поръ, пока на землѣ будутъ существовать безразсудство и несправедливость» [1]). Образованная буржуазія западной Европы не имѣетъ такого страстнаго религіознаго чувства потому собственно, что въ матеріальномъ достаткѣ обрѣла свой земной рай. То же произойдетъ и по отношенію къ работнику. «Какъ только онъ увѣруетъ въ возможность скораго и полнаго экономическаго переворота и начнетъ за одно съ своими товарищами серьезно бороться за уменьшеніе часовъ труда, за увеличеніе заработной платы, какъ только онъ

[1]) Третья рѣчь на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ Бернѣ.

начнетъ живо интересоваться этой совершенно матеріальной борьбой, можно быть увѣреннымъ, что очень скоро онъ броситъ небесныя заботы и, пріучаясь все болѣе и болѣе разсчитывать на коллективную силу работниковъ, добровольно откажется отъ помощи неба» [1]). Отсюда Бакунинъ дѣлаетъ такой практическій выводъ: въ дѣлѣ революціонной пропаганды не слѣдуетъ ставить религіозный вопросъ на первомъ планѣ, не слѣдуетъ даже искать случаевъ къ антирелигіознымъ разговорамъ съ народомъ, хотя изъ любви къ правдѣ и нужно стараться, когда предвидится успѣхъ, объяснить и доказать простолюдину справедливость атеистическихъ воззрѣній [2]). Онъ убѣжденъ также, что обожаніе Царя русскимъ народомъ—фактъ имъ вполнѣ признаваемый—есть проявленіе того же ищущаго утѣшенія чувства угнетеннаго бѣдностію и несчастіемъ. Угнетаемый будто бы хищничествомъ духовенства, чиновничества и своихъ міроѣдовъ, народъ русскій видитъ въ Царѣ свое единственное прибѣжище. Царь для народа, подобно Богу, есть отвлеченность, во имя которой онъ протестуетъ противъ жестокой и подлой дѣйствительности. Только теперь, послѣ неоднократныхъ, дескать, заявленій, что ему другой воли не будетъ, онъ начинаетъ мало по малу освобождаться отъ своего, будто бы, «глубокаго недоразумѣнія». Само собою разумѣется, что дѣло революціонной партіи окончательно разрушитъ это недоразумѣніе, объяснитъ народу, что весь окружающій его оффиціальный міръ служитъ Царю и по волѣ Царя [3]).

---

[1]) Политика интернаціонала, III, „Egalité“ 1869 г.

[2]) Прилож. подъ лит. А къ „Государственности и анархіи“, стр. 13—14.

[3]) Прилож. подъ лит. А къ „Государственности и анархіи“. Четвертая рѣчь на Бернскомъ конгрессѣ Лиги Мира и Свободы (отвѣтъ на рѣчь Мрочковскаго).

Съ особенною энергіею и, надо отдать ему справедливость, нерѣдко съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ выступалъ Бакунинъ противъ искренно ненавистной ему буржуазіи. Онъ ненавидѣлъ ее во всевозможныхъ оттѣнкахъ, во всякомъ проявленіи ея силы, въ чемъ бы эта послѣдняя ни сказывалась. Буржуа либералъ, даже радикалъ, былъ для него «хуже шулера». По его мнѣнію, единственно что слѣдовало сдѣлать работнику въ отвѣтъ на гуманныя предложенія буржуа—это отъ него отвернуться. Но особенно возмущала его ученая буржуазная среда. «По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, изъ всѣхъ аристократій, которыя угнетали человѣческое общество поочередно, а иногда всѣ вмѣстѣ, эта такъ называемая аристократія ума всѣхъ гнуснѣе, презрительнѣе, надменнѣе и притѣснительнѣе. Аристократія дворянства говоритъ работнику: «ты честный человѣкъ, но ты не дворянинъ». Это оскорбленіе еще можно перенести. Аристократія капитала признаетъ за работникомъ всевозможныя достоинства, «но, прибавляетъ она, у тебя нѣтъ ни гроша за душой». Это тоже еще сносно, потому что это лишь констатируетъ фактъ, въ большинствѣ случаевъ скорѣе лестный для того, къ кому обращается этотъ укоръ. Но аристократія ума говоритъ работнику: «ты ничего не знаешь, ничего не понимаешь, ты оселъ, а я разумный человѣкъ, поэтому я долженъ тебя навьючить и вести». Это нестерпимо. Аристократія ума—возлюбленное дѣтище новѣйшаго доктринерства, послѣднее прибѣжище духа властолюбія, которымъ страдалъ

Въ этомъ духѣ какимъ-то Ц*** въ 1874 году на простонародномъ языкѣ составленъ небольшой разсказъ подъ названіемъ „Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ“.

міръ съ самаго начала историческихъ временъ и который воздвигъ и освятилъ всѣ государства. Это смѣшное и нелѣпое поклоненіе патентованному уму могло родиться только въ средѣ буржуазіи. Аристократіи дворянства наука была ненужна для доказательства своего права. Она опирала свою власть на двухъ неопровержимыхъ аргументахъ, основывая ее на насиліи, на грубой физической силѣ, и освящая милостью Божіей... Буржуазія не могла прибѣгнуть къ такому покровительству, во первыхъ, потому, что Господь Богъ и его представительница — церковь слишкомъ скомпрометировались, исключительно покровительствуя цѣлые вѣка монархіи и дворянской аристократіи, злѣйшему врагу буржуазіи; и, во вторыхъ, потому, что буржуазія, что бы она ни говорила и ни дѣлала, все таки отрицаетъ Бога. Она толкуетъ о Богѣ для народа, но сама въ немъ не нуждается и обдѣлываетъ всѣ свои дѣла въ храмахъ, посвященныхъ не Господу, а Мамону, на биржѣ, въ торговыхъ и банкирскихъ конторахъ, въ большихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Ей, слѣдовательно, надо было искать санкціи помимо церкви и Бога. Она нашла ее въ патентованной интеллигенціи. Она отлично знаетъ, что ея настоящее политическое могущество основывается, главнымъ образомъ и, можно сказать, единственно, на ея богатствѣ; но такъ какъ она не желаетъ и не можетъ сознаться въ этомъ, то старается объяснить это могущество своимъ умственнымъ превосходствомъ, не природнымъ, а научнымъ; чтобы управлять людьми, утверждаетъ она, нужно много знать, а въ настоящее время она одна обладаетъ знаніемъ. Кромѣ того, изъ среды буржуазіи выдѣляется особое меньшинство, посвящающее себя исключительно изученію великихъ вопро-

совъ философіи, соціальной науки и политики, и составляющее собственно новѣйшую аристократію, аристократію патентованной и привиллегированной интеллигенціи... Новѣйшіе европейскіе университеты, образующіе родъ ученой республики, оказываютъ буржуазіи тѣ же услуги, какія нѣкогда католическая церковь оказывала дворянству, и подобно тому, какъ католицизмъ санкціонировалъ въ свое время всѣ насилія дворянства надъ народомъ, университетъ, храмъ буржуазной науки, объясняетъ и оправдываетъ нынѣ эксплуатацію того же самаго народа капиталомъ буржуазіи» [1]).

«Удержать отъ пристрастнаго отношенія къ буржуазнымъ тенденціямъ этихъ «новѣйшихъ аристократовъ», дѣйствительныхъ или только воображаемыхъ ученыхъ, невозможно никакими разсужденіями, никакими доводами. Образумить этихъ «несчастныхъ» можетъ только Фактъ, уничтоженіе самой возможности привиллегированнаго положенія, всего, что составляетъ неравенство въ мірѣ. Этотъ убѣдительный фактъ получается единственно путемъ соціальной революціи.

Суть для революціи есть въ средѣ рабочихъ, такъ какъ они соціалисты по всѣмъ условіямъ своего матеріальнаго существованія и по всѣмъ потребностямъ своего существа; имъ недостаетъ только соціалистической мысли [2]). Какимъ же путемъ забросить въ нихъ эту мысль? Бакунинъ находитъ, что теоретическая пропаганда не достигаетъ цѣли. Рабочій міръ невѣжественъ; теорія совершенно чужда ему. Мысль должна зародиться въ немъ самомъ, должна быть

[1]) „Усыпители“, IV.
[2]) „Усыпители“, II.

имъ самимъ выведена изъ опыта жизни. Къ освобожденію пролетаріата, слѣдовательно, ведетъ только одинъ путь: освобожденіе практикою, согласно основному положенію общихъ уставовъ интернаціонала, въ силу котораго «освобожденіе работниковъ должно быть дѣломъ ихъ самихъ». Въ чемъ же можетъ и должна состоять эта практика? Только въ одномъ: въ солидарной борьбѣ работниковъ противъ капиталистовъ,—въ устройствѣ рабочихъ союзовъ, въ организаціи и федераціи кассъ для сопротивленія [1]).

Просвѣщеніе для рабочихъ, конечно, необходимо; но не въ той программѣ, какую начертала для нихъ буржуазія. Она хочетъ, чтобы рабочій зналъ только немногимъ болѣе того, что знаетъ теперь; тогда какъ для блага всего общества необходимо, чтобы знанія рабочаго ничѣмъ не отличались отъ знаній всякаго другаго лица; чтобы вовсе не было этихъ другихъ; чтобы всѣ были рабочими; чтобы не было ученой касты, исключительно мыслящей, тогда какъ другая часть общества, и къ тому же большая его часть, осуждена на исключительно мышечный трудъ. Такой неестественный порядокъ, признаваемый еще Аристотелемъ за неизбѣжный, и безчеловѣченъ, и не имѣетъ никакого разумнаго основанія. Ошибочно предполагать, что регулярный мышечный трудъ можетъ помѣшать спеціалисту въ его научныхъ изслѣдованіяхъ. Мышечная работа, какъ гимнастика, только укрѣпляетъ тѣло, вообще весь организмъ, какъ мускульный, такъ и нервный, а слѣдовательно всякій ученый лично только выигрываетъ отъ участія въ коллективной мышечной работѣ данной группы людей. Говорятъ, что если человѣкъ не будетъ имѣть воз-

---

[1]) „Усыпители“, IV.

можности всецѣло отдаваться своей спеціальности, своему т. н. призванію, то не будетъ ни геніевъ, ни великихъ мыслителей, ни знаменитыхъ спеціалистовъ по той или другой отрасли человѣческихъ знаній. Но развѣ Вольтеръ, этотъ геніальный человѣкъ, не сказалъ: «есть нѣкто, у кого больше ума, чѣмъ у самыхъ великихъ геніевъ, это—всѣ?» Развѣ при существующемъ экономическомъ и соціальномъ неравенствѣ людей не случалось и не случается сплошь да рядомъ, что люди одаренные замѣчательными умственными способностями осуждены на тяжелый, исключительно мышечный трудъ, тогда какъ въ тогѣ ученаго фигурируютъ полнѣйшія бездарности? Только при совершенномъ равенствѣ всѣхъ соціально-экономическихъ условій жизни съ малолѣтства, при всеобщемъ и всестороннемъ образованіи юношества возможенъ безошибочный выборъ каждымъ наиболѣе соотвѣтствующей его способностямъ спеціальности. Наука вообще выиграетъ своею несравненно большею противу нынѣшняго распространенностію, своею абсолютною доступностію, а каждая спеціальность—тѣмъ, что будетъ въ рукахъ людей дѣйствительно способныхъ по своей части. Слѣдовательно, отъ уничтоженія касты ученыхъ, отъ привлеченія всѣхъ индивидуумовъ данной группы людей, а посредствомъ соединенія этихъ группъ и всего человѣчества, къ мышечному труду, въ мѣрѣ дѣйствительной потребности общества въ продуктахъ производства этого труда, не предвидится никакой опасности для будущности науки. Напротивъ, послѣдняя, будучи нераздѣльно связана съ дѣйствительною жизнію, освободится отъ многихъ лишнихъ придатковъ, плодовъ безпочвенныхъ кабинетныхъ мечтаній, и отъ всѣхъ своихъ догматическихъ построеній, возведенныхъ на степень

истины въ области богословія, философіи, права и метафизики—того же богословія, «но имѣющаго смѣшную претензію не быть нелѣпымъ». «Единственный свѣтъ, способный просвѣтить насъ, сдѣлать насъ достойными и счастливыми, не позади насъ, а впереди, не въ глубокой исторической или даже доисторической старинѣ, а въ живомъ, впередъ глядящемъ сознаніи современнаго человѣчества». Будемъ знать и помнить, «что человѣкъ, въ своемъ историческомъ развитіи, началъ съ жизни животной для того, чтобы мало по малу возвыситься до жизни общественной, человѣческой; что если намъ позволено и даже полезно оглянуться назадъ, то для того только, чтобы, узнавъ наше прошедшее, мы могли бы понять, чѣмъ мы были и чѣмъ не должны болѣе быть, что дѣлали и чего никогда болѣе не должны дѣлать». Такому взгляду на цѣль изученія исторіи училъ Бакунинъ своихъ интернаціональныхъ братьевъ, рабочихъ Локля и Шо-де-Фона [1]). Таковы въ общихъ чертахъ его представленія, раздѣляемыя, впрочемъ, всѣми соціалистическими школами, о всестороннемъ или интегральномъ образованіи, исключающемъ кастовую обособленность людей науки и требующемъ раскладки повинности мышечнаго труда на всѣхъ взрослыхъ индивидуумовъ всего человѣчества [2]). Не теперь, конечно, думать о примѣненіи на практикѣ системы всесторонняго образованія: рабочій прежде всего нуждается въ свободномъ времени, чтобы заниматься чѣмъ нибудь помимо мускульной работы, обезпечивающей матеріальное существованіе ему и его семьѣ. Поэтому Международное Общество, на Брюссельскомъ конгрессѣ 1868 г., постановило:

[1]) Восемь писемъ, напечатанныхъ въ „Progrès“ за 1869 г., №№ 6—11.

[2]) „Всестороннее образованіе“. 4 статьи въ „Egalité“, 1869 г., №№ 28—31.

«Признавая, что въ настоящее время организація интегральнаго образованія невозможна, конгрессъ приглашаетъ отдѣльныя секціи открыть публичные курсы по программѣ всесторонняго образованія, т. е. научнаго, промышленнаго и производительнаго, чтобы пополнить, по возможности, недостаточность образованія рабочихъ. Само собой разумѣется, что уменьшеніе часовъ работы должно считать предварительнымъ, необходимымъ условіемъ этого» [1]).

Подчеркивая послѣднюю фразу постановленія, Бакунинъ восклицаетъ: Да, конечно, работники должны сдѣлать все возможное, чтобы получать то образованіе, котораго они могутъ достигать въ ихъ современномъ матеріальномъ положеніи. Но, не увлекаясь сладкими пѣсенками буржуазовъ и буржуазныхъ соціалистовъ, работники должны прежде всего сосредоточить свои силы на великомъ вопросѣ своего экономическаго освобожденія, которое должно быть источникомъ всѣхъ другихъ освобожденій» [2]).

Никакіе компромиссы съ существующимъ порядкомъ, никакое содѣйствіе имущихъ неимущему, ни матеріальное, ни нравственное, хотя бы оно было вызвано глубочайшимъ сочувствіемъ со стороны ка-

---

[1]) Нѣчто подобное устроено ассоціаціей берлинскихъ рабочихъ еще въ пятидесятыхъ годахъ. Въ просторной и хорошо освѣщенной аудиторіи по вечерамъ, по окончаніи работъ, читаются публичныя лекціи по части предметовъ, касающихся промышленности и естествознанія; затѣмъ рабочіе переходятъ въ классы общеобразовательныхъ предметовъ. Преподаваніе безплатно и въ числѣ учителей значились: Шпильгагенъ, Вирховъ, Ауербахъ, Дистервегъ, Твестенъ и статистикъ Энгель. Религія и политика здѣсь не имѣютъ мѣста. Ежемѣсячный взносъ каждаго члена опредѣляется въ 3 зильбергроша. Въ теченіе 17 лѣтъ эта школа дала образованіе 70.000 рабочихъ, по разсчету одного изъ корреспондентовъ „Indépendance Belge“ (А. Михайловъ. Производительныя ассоціаціи, VIII).

[2]) „Всестороннее образованіе“: заключеніе послѣдней статьи.

питалистовъ къ бѣдственному положенію рабочаго, никакая связь буржуазнаго міра съ пролетаріатомъ не допускаются и не могутъ быть допущены по ученію Бакунина и прозванныхъ бакунистами [1]) его сателлитовъ, предводителей Юрской федераціи и народныхъ вожаковъ in spe, въ родѣ секціи славянъ изъ Цюриха. Эта по преимуществу революціонная клика интернаціонала не только возбуждала къ сословной ненависти готовыхъ ее слушать и слѣдовать ея взглядамъ и указаніямъ темныхъ людей, ищущихъ выхода изъ бѣдственнаго положенія, но и сама ненавидѣла все, что вслѣдствіе историческаго хода событій сдѣлалось источникомъ или орудіемъ общественнаго порядка, стало двигателемъ человѣчества по пути къ развитію, проводникомъ современной цивилизаціи. Не съ такими поученіями, каковы письма Бакунина къ рабочимъ Локля и Шо-де-Фона, обращался Лассаль къ предводимымъ имъ массамъ. Вотъ, напр., что говорилъ онъ передъ рабочимъ собраніемъ въ Лейпцигѣ 16 апрѣля 1863 г.: «Слова мои могутъ, можетъ быть, подать поводъ къ ложному заключенію, будто вы имѣете основаніе ненавидѣть фабрикантовъ или предпринимателей. Это было бы величайшее заблужденіе, потому что за существующія учрежденія никто не можетъ нести отвѣтственности. Какъ я объяснилъ вамъ въ «программѣ работниковъ», они суть результатъ длиннаго историческаго процесса, который возникъ не по винѣ буржуазіи. Сама буржуазія, напротивъ того, есть невольный продуктъ его. Стало быть сословныя ненависть и отвращеніе могутъ быть лишь слѣдствіемъ грубаго непо-

[1]) Прощальное письмо Бакунина „къ товарищамъ Юрской федераціи“, помѣщенное въ № 2 книги „Впередъ“, 1874 г.

нимания и могутъ только отягчить ваше положеніе. Надо снять оковы съ вашихъ ногъ, но снять мирно, по иниціативѣ разума и съ симпатической помощью имущихъ классовъ, передовые люди которыхъ, люди науки, кладутъ начало освобожденію» [1]). Лассаль боялся прежде всего возбудить въ своихъ послѣдователяхъ сословную ненависть: Бакунинъ, напротивъ, считалъ необходимымъ предлагать вступающему въ интернаціоналъ такіе вопросы: «Понялъ ли ты, что между пролетаріатомъ и буржуазіей существуетъ непримиримая вражда, потому что она составляетъ необходимое послѣдствіе ихъ взаимнаго положенія? Что процвѣтаніе буржуазнаго класса несовмѣстно съ благосостояніемъ и свободой работниковъ, потому что это можетъ быть основано только на эксплуатаціи и порабощеніи труда, и что, по этой причинѣ, благосостояніе и человѣческое достоинство массы рабочихъ неминуемо требуетъ уничтоженія буржуазіи, какъ отдѣльнаго сословія? Что, слѣдовательно, война между пролетаріатомъ и буржуазіей неизбѣжна и можетъ кончиться только уничтоженіемъ послѣдней» [2])? Лассаль ждалъ просвѣщеннаго содѣйствія отъ буржуазной партіи прогрессистовъ и опирался на признанные авторитеты политико-экономической науки [3]) для доказательства выведеннаго имъ и названнаго желѣзнымъ закона о задѣльной платѣ, по которому размѣръ этой платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и

---

[1]) Сочиненія Ф. Лассаля, Т. I, стр. 266. Спб., изд. Полякова, 1870 г.

[2]) „Политика интернаціонала", ст. Бакунина въ „Egalité", 1869 г. № 29.

[3]) „По рабочему вопросу". Рѣчь въ рабоч. собр. въ Лейпцигѣ 16 апрѣля 1863 г.

для размноженія [1]); тогда какъ Бакунинъ старался возбудить въ своихъ слушателяхъ недовѣріе къ выводамъ современной науки и выставлялъ передъ рабочими съ самой невыгодной стороны лучшихъ людей буржуазіи, наиболѣе склонныхъ поступать въ отношеніи ихъ по принципамъ справедливости. Чтобы остановить безпрепятственное дѣйствіе упомянутаго закона и открыть всей массѣ фабричныхъ рабочихъ свободный доступъ къ пользованію выгодами отъ успѣховъ крупной промышленности, постоянно и безпрерывно поглощающей въ себя мелкія производства, такъ называемую карликовую промышленность, Лассаль справедливо считалъ недостаточнымъ слѣдовать по пути, открытому Шульце-Деличемъ его ссудо-сберегательными кассами, потребительными и сырьевыми обществами. Этотъ дѣятель изъ среды буржуазныхъ прогрессистовъ въ теченіе 15 лѣтъ организовалъ 450 ссудо-сберегательныхъ кассъ, 150 сырьевыхъ обществъ и 30—40 обществъ потребительныхъ. Всѣ эти учрежденія дали жизнь тысячамъ ремесленныхъ мастеровъ, дали имъ и кредитъ для пріобрѣтенія нужнаго матеріала и возможность пріобрѣтать этотъ матеріалъ дешевле прежняго и, наконецъ, сократили ихъ расходы на личное содержаніе. Въ этомъ несомнѣнная заслуга Шульце-Делича, за которую ремесленные мастера не могутъ не быть ему признательными. Но какое значеніе имѣютъ эти учрежденія для будущаго, когда крупная промышленность на нашихъ глазахъ постепенно вытѣсняетъ мелкія ремесла? Что значатъ они для громадной массы фабричныхъ въ настоящемъ и еще большей въ буду-

[1]) „Capital und Arbeit". Сочиненіе это носитъ еще названіе г. „Бастіа-Шульце изъ Делича экономическій Юліанъ. См. также отвѣтъ центральному комитету рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ (1863).

щемъ? Желѣзный законъ заработной платы всегда будетъ непреодолимымъ препятствіемъ для благосостоянія 4-го сословія, если послѣднее не будетъ уравнено въ могуществѣ съ классомъ капиталистовъ, если рабочіе не будутъ имѣть возможности въ свою очередь стать предпринимателями. Многочисленныя производительныя ассоціаціи рабочихъ во Франціи и Англіи [1]) указали путь, по которому должно

---

[1]) Въ послѣдніе годы жизни Лассаля въ Англіи, кромѣ извѣстной ассоціаціи рочдельскихъ піонеровъ, начавшей свою дѣятельность въ 1844 г. съ потребительнаго общества и учредившей въ 1858 году ткацкую фабрику съ капиталомъ въ 5.500 фунт. стерл., въ одномъ Ланкашейрѣ было 31 кооперативное общество для фабричнаго производства.

Во Франціи первая производительная ассоціація основана въ 1832 году утопистомъ Бюше, изъ столярныхъ подмастерьевъ, и извѣстна подъ фирмою Лакрампъ. Другая такая же, при помощи Гарнье Пажеса, Распаля и др. демократовъ основана въ 1834 году. Съ учрежденіемъ люксамбургской коммиссіи, послѣ февральской революціи, при помощи открытаго государствомъ кредита въ 3.000.000 франковъ, было открыто болѣе 70 производительныхъ ассоціацій на правительственныя субсидіи, а подъ вліяніемъ Луи Блана, въ теченіе 3 лѣтъ, возникло болѣе 300 частныхъ ассоціацій (Véron: Les associations ouvrières, p. 194); было даже нѣсколько примѣровъ ассоціацій между хозяевами и рабочими (тамъ-же, стр. 188), но изъ всего этого громаднаго числа уцѣлѣло только 15, въ томъ числѣ 4 въ Парижѣ. Затѣмъ, съ изданіемъ нѣкоторыхъ облегчительныхъ для ассоціацій законовъ, въ 1863 и 1866 годахъ возрастаніе ихъ числа началось снова, такъ что въ апрѣлѣ 1863 года ихъ насчитывали въ одномъ Парижѣ до 60 (Levasseur. Hist. des classes ouvrières, t. II, p. 265). Почти всѣ большіе промышленные города Франціи имѣютъ производительныя ассоціаціи рабочихъ. Нѣкоторыя провинціальныя ассоціаціи отличаются большимъ числомъ членовъ. Такъ ассоціація ленточниковъ въ Сентъ-Этьенѣ образовалась въ 1863 г. изъ 1,300 членовъ съ подписнымъ капиталомъ въ 700.000 франковъ. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчается, что общество соединяетъ въ себѣ производительную и нѣсколько потребительныхъ ассоціацій. Такъ въ Вiеннѣ „Общество Борегара“ имѣетъ мастерскія для изготовленія сукна, булочныя, занимается продажею угля и приготовленіемъ дешевой пищи и содержитъ школу (Annuaire de l'association pour 1867, pp. 8—39).

слѣдовать въ мирной борьбѣ труда съ капиталомъ; но въ то же время незначительностію своихъ результатовъ, несмотря на рѣдкую энергію, съ которою преодолѣвались ихъ основателями многоразличныя трудности, порождаемыя конкурренціею капиталистовъ, онѣ доказали несостоятельность въ этомъ дѣлѣ частной инціативы, невозможность для рабочаго класса своими собственными средствами выбиться на дорогу самостоятельной дѣятельности предпринимателей. Возможное для отдѣльныхъ счастливцевъ, хотя бы и въ значительномъ числѣ, немыслимо для всей массы рабочаго сословія. Только изъ одного источника рабочіе могутъ заимствовать недостающую имъ силу—силу кредита; этимъ источникомъ можетъ и должно быть государство. Оно должно, потому что, во первыхъ, большинство входящихъ въ его составъ личностей принадлежитъ къ неимущему классу, численность котораго для Германіи Лассаль опредѣляетъ въ 89—95 процентовъ всего населенія и, во вторыхъ, «истинное содержаніе всякаго обществен-

---

Какъ справедливо замѣтила правительственная коммиссія, учрежденная въ 1866 году для изслѣдованія положенія ассоціацій во Франціи, большинство этихъ учрежденій процвѣтаетъ, благодаря работѣ на нихъ наемниковъ за обычную поденную плату, которые вовсе не участвуютъ въ прибыляхъ и лишь „изъ вѣжливости (по выраженію Эли Реклю)“ носятъ названіе „помощниковъ“, поэтому соціалисты крайнихъ партій считаютъ кооперативныя ассоціаціи самыми опасными и самыми буржуазными изо всѣхъ ассоціацій (Курнэ, по поводу конгресса рабочихъ въ Лионѣ 1878 г.).

Несомнѣнно, однако, что производительныя ассоціаціи имѣютъ благодѣтельное вліяніе на исправленіе нравственности рабочихъ, потому что пріучаютъ ихъ къ бережливости и, согласно уставамъ всѣхъ ихъ, подвергаютъ членовъ штрафамъ и исключенію за лѣнь, пьянство, непристойныя слова, брань и насилія. Нѣкоторыя ассоціаціи исключаютъ также за клевету и нечестный поступокъ не только противъ сочлена, но и противъ посторонняго лица (Véron: Les associations, p. 220 etc.).

наго порядка въ томъ именно и состоитъ, чтобы доставлять всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ дѣйствительную возможность самопомощи и саморазвитія, посредствомъ великихъ общихъ государственныхъ учрежденій: это составляетъ конечную причину государства, которое принадлежитъ не министрамъ или королю, а существуетъ чрезъ всѣхъ и для всѣхъ. Поэтому Лассаль полагаетъ, что «свободная индивидуальная ассоціація работниковъ, но осуществленная помощью и покровительствомъ государства, есть единственный выходъ изъ бѣдственнаго положенія рабочаго сословія». Но какъ склонить государство къ этому вмѣшательству? Въ конституціонныхъ странахъ это достижимо вполнѣ мирнымъ путемъ, посредствомъ установленія общаго и прямаго избирательнаго права, которое дастъ возможность рабочимъ черезъ выбранныхъ ими представителей въ законодательныхъ собраніяхъ заявить свои требованія и придать имъ обязательную силу въ формѣ положительнаго закона. «Правительства, говоритъ Лассаль, могутъ скряжничать политическими правами и препираться о нихъ съ буржуазіей. Даже вамъ (т. е. рабочимъ) можно отказать въ политическихъ правахъ, въ томъ числѣ и въ общемъ избирательномъ правѣ, при невниманіи вашемъ къ этимъ правамъ. Но если 89—96 процентовъ населенія поймутъ, что общее избирательное право есть вопросъ желудка и потому примутся за него съ страстностью голода—будьте увѣрены, господа, что нѣтъ той силы, которая долго устояла бы противъ нихъ. Вотъ знамя, которое вамъ слѣдуетъ поднять. Вотъ знамя, подъ которымъ вы побѣдите и другаго для васъ нѣтъ! [1])» И дѣйстви-

[1]) Всѣ изложенныя мысли развиты Лассалемъ въ слѣдующихъ статьяхъ:

тельно, въ уставѣ организованнаго Лассалемъ «Общаго германскаго рабочаго союза» цѣлью агитаціи выставлено стремленіе къ установленію въ законодательномъ порядкѣ одного только этого права [1]): никакихъ другихъ цѣлей не поставлено, и приведенная выше программа есть уже позднѣйшее развитіе соціалистической задачи, формулированной Марксомъ [2]) и примѣненной къ Германіи его учениками: Бебелемъ и Либкнехтомъ. Бакунинъ тоже зналъ одну только политику—политику сопротивленія: но не въ сферѣ государственной жизни, которую онъ игнорировалъ, а на поприщѣ ежедневнаго столкновенія экономическихъ интересовъ рабочихъ и предпринимателей. Въ союзахъ рабочихъ онъ видѣлъ только школу для образованія самостоятельныхъ характеровъ, для воспитанія въ рабочихъ духа отрицанія и средство сплотить воедино ту силу, которая понадобится имъ для одержанія побѣды, когда пробьетъ послѣдній часъ

„Гласный отвѣтъ центральному комитету", „Книга для чтенія рабочихъ" и „Къ берлинскимъ работникамъ". За послѣднюю статью Лассаль былъ привлеченъ къ отвѣтственности прокурорскимъ надзоромъ, но оправданъ судомъ второй инстанціи (проц. 12 марта 1864 г.).

[1]) Въ § 1 устава изображено:

Подъ именемъ „Общаго германскаго союза" нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только общее, равное и прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ германскаго рабочаго сословія и дѣйствительно уничтожить всѣ сословныя неравенства, ставитъ себѣ цѣлью дѣйствовать на мирномъ и законномъ пути, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія въ пользу возстановленія общаго равнаго и прямаго избирательнаго права". Прилож. къ процессу 12 марта 1864 г.

[2]) Въ первомъ „манифестѣ Международнаго Общества (въ 1864 году)" и въ манифестѣ „коммунистической партіи", обнародованномъ Марксомъ и Энгельсомъ еще въ 1848 году.

господства привилегированныхъ классовъ и ихъ правительствъ. Ни для чего другаго не нужны эти союзы и ни къ чему другому вести не могутъ и не должны [1]).

Въ то время, когда всѣ лассалеанцы и марксисты [2])

---

[1]) Бакунинъ раздѣлялъ мнѣніе, что нужно быть всегда только готовымъ къ революціи, потому что „революціи не импровизируются произвольно ни личностями, ни даже могущественными ассоціаціями. Независимо отъ чьей бы то ни было воли, отъ какого бы то ни было заговора, они всегда производятся силою вещей. Ихъ можно иногда предвидѣть, предчувствовать ихъ приближеніе, но никогда нельзя ускорить ихъ взрыва". Онъ полагалъ, что „ужасная соціальная революція" предчувствуется всѣми. Полит. Интерн. IV.

[2]) Соціалисты Германіи принадлежатъ къ двумъ партіямъ: къ собственно соціально-демократической партіи (марксисты) и къ старому „общегерманскому союзу", реорганизованному Лассалемъ (лассалеанцы). Вслѣдствіе совершеннаго тожества программъ, обѣ партіи часто смѣшиваютъ вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе „союзъ" представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое и имѣетъ своего отдѣльнаго президента (Газенклевера). По вычисленію газеты Volksstaat, соціальная демократія (т. е. обѣ партіи) въ Германіи насчитывали приблизительно милліонъ приверженцевъ. Достовѣрно, что на выборахъ въ рейхстагъ въ 1873 году всѣхъ голосовъ обѣими партіями (избирательнымъ правомъ пользуются имѣющіе не менѣе 25 лѣтъ отъ роду) подано немного менѣе 400.000, изъ которыхъ 200.000 принадлежатъ лассалеанцамъ. Наибольшее число голосовъ подано рабочими въ Саксоніи: нѣсколько болѣе 100.000. Обѣ партіи отдѣльно выставляютъ своихъ кандидатовъ. Въ 1873 году рабочимъ удалось провести въ рейхстагъ 9 своихъ представителей.

Съ 1868 года союзы австрійскихъ рабочихъ приняли также программу соціально-демократической партіи. Эти непризнанные закономъ союзы — что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ принадлежать къ интернаціоналу — существуютъ подъ разными благовидными названіями „образовательныхъ рабочихъ обществъ" (Arbeiterbildungsvereine), „кассъ для больныхъ и неспособныхъ" (Kranken und Invalidenkasse) и т. п. Они имѣютъ нѣсколько органовъ на нѣмецкомъ, чешскомъ и венгерскомъ языкахъ, изъ которыхъ особымъ вліяніемъ пользуются „Volkswille" (редакторъ Обервиндеръ) и „Gleichheit" (редакторы Вагнеръ и Шей). Различныхъ псевдонимныхъ обществъ насчитывали въ 1873 году 372. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., кассы для больныхъ штирійскихъ рабочихъ и больныхъ рабочихъ въ Рейхенбергѣ (въ Богеміи), имѣютъ свыше 5.000 членовъ; въ Винеръ-Нейштадтѣ съ 1 января по 3 Августа 8.000 членовъ внес-

радостно привѣтствовали образованіе великаго Германскаго государства и въ политической сплоченности германской націи, въ учрежденіи одного общаго законодательнаго собранія, видѣли шагъ впередъ къ торжеству своей партіи, которой, при помощи осуществленнаго закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, оставалось только занять прочное мѣсто въ правительствѣ; когда тою же цѣлью задались многочисленные англійскіе trades-unions, покрывшіе Великобританскую территорію цѣлою сѣтью хорошо организованныхъ сообществъ рабочихъ по всѣмъ крупнымъ отраслямъ промышленности [1]), Бакунинъ съ своими сподвижниками разразился потоками негодованія противъ ликованія нѣмцевъ и всѣми силами старался помѣшать интернаціоналу осуществить его первоначальную программу освобожденія рабочаго класса

ли 53.555 флориновъ. По вычисленію Фридриха Геккера, въ „Oesterreichischer Arbeiter-Kalender für das Jahr 1874“, для борьбы за укороченіе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы въ 1872 году австрійскіе рабочіе пожертвовали по крайней мѣрѣ 28.000 флор. Во время стачки портныхъ въ Грацѣ имъ помогали рабочіе Дебречина, Пешта, Лайбаха, Юденбурга, Инсбрука, Эссега, а также рабочіе Лейпцига и Аугсбурга.

[1]) Къ этимъ союзамъ принадлежитъ болѣе 900.000 работниковъ. Самые большіе изъ нихъ суть: соединенныя общества механиковъ, которыя составляютъ одинъ нераздѣльный союзъ; соединенныя три общества плотниковъ и столяровъ, союзъ каменьщиковъ, два общества работниковъ желѣзниковъ, союзъ чугуно-плавильщиковъ, союзъ ланкаширскихъ ткачей и національная ассоціація рудокоповъ. Всѣ эти союзы состоятъ изъ множества мелкихъ обществъ, состоящихъ, въ свою очередь, изъ работниковъ, живущихъ въ одномъ и томъ же округѣ. Окружное общество носитъ названіе ложи. Союзъ механиковъ считаетъ 308 ложъ, изъ которыхъ 11 въ Америкѣ и нѣсколько между англійскими работниками во Франціи и въ Австраліи. Соединенныя общества плотниковъ имѣютъ 190 ложъ, каменьщиковъ—278. Les associations ouvrières en Angleterre (trades-unions), par M. le comte de Paris. 1869.

всѣхъ государствъ путемъ мирныхъ реформъ въ законодательствѣ.

Еще раньше, на конгрессѣ Лиги (въ 1868 г.) и на Базельскомъ конгрессѣ (въ 1869 г.), онъ проповѣдывалъ разрушеніе государствъ. Чувство патріотизма вовсе не признавалось имъ за достоинство, отличающее истиннаго гражданина и человѣка умственно развитаго: оно отнесено имъ къ разряду животныхъ инстинктовъ и въ примѣръ приведены собаки, съ остервененіемъ защищающіе село отъ вторженія въ него индивидуумовъ той же расы, но изъ чужаго села. По его мнѣнію, патріотизмъ зарождается подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и эгоистическаго стремленія каждой особи сохранить свою индивидуальность, равно какъ и передать ее потомству, по закону Дарвина, общему для всѣхъ животныхъ [1]). Проявленія патріотизма понятны ему только на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, въ обществѣ людей незнакомыхъ съ міровою идеей общенія всего человѣческаго рода. Единственная серьезная услуга, оказанная буржуазіей всему человѣчеству, состоитъ именно въ томъ, что своимъ утилитаризмомъ въ погонѣ за наживою на всемірныхъ рынкахъ она навсегда убила патріотизмъ [2]). Быть можетъ, не вполнѣ лишены основанія тѣ нѣсколько ѣдкихъ упрековъ, которые брошены имъ французской буржуазіи по поводу ея заботливости о сохраненіи своего имущества во время вторженія непріятеля въ 1870 году, но во всякомъ случаѣ не о недостаткѣ патріотизма въ коренныхъ французахъ, потомкахъ сподвижниковъ Наполеона I, этихъ сви-

---

[1]) Письма къ рабочимъ Локля и Шо-де-Фона.

[2]) Четвертое письмо къ рабочимъ Локля и Шо-де-Фона.

дѣтелей патріотическаго сожженія Москвы, скорбѣла его душа; его мятежный духъ возмущался именно тѣмъ патріотическимъ спокойствіемъ, которое царило въ Германіи во время франко-прусской войны, когда изъ нея были выведены всѣ войска: онъ не могъ простить нѣмецкой партіи соціалистовъ того, что въ такой удобный моментъ она не подняла знамени революціи [1]), и объявилъ нѣмцевъ, по всей вѣроятности вполнѣ основательно, неспособными произвести соціальный переворотъ [2]).

Таковы были заблужденія этого человѣка—злаго генія всякой соціальной реформы, задуманной въ мирной программѣ, безъ ужасовъ и потрясеній ожидаемаго имъ «страшнаго дня правосудія», за которымъ уже, по его словамъ, «гораздо позже» должна была наступить эра общаго братства, гуманная организація жизни [3]). Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но парижская коммуна была умѣреннѣе его въ своихъ требованіяхъ: разрушая памятники императорскаго величія, превращая въ пепелъ, въ минуты злобы и отчаянія, дворцы и общественныя зданія, она, при всей неистовой разнузданности черни и ея петролейщицъ, не рѣшалась въ дни своего могущества оффиціально наложить руку на частную собственность [4]). Парижской коммунѣ не прихо-

---

[1]) „Государственность и анархія".

[2]) Тамъ-же.

[3]) Третье письмо къ рабочимъ Локля и Шо-де-Фона.

[4]) Доказательствомъ можетъ служить декретъ отъ 16 Апрѣля 1871 года: „Парижская коммуна,

„Принимая во вниманіе, что множество мастерскихъ оказываются покинутыми патронами, бѣжавшими отъ исполненія гражданскихъ обязанностей, въ ущербъ интересамъ рабочихъ;

„Принимая во вниманіе, что вслѣдствіе такой подлости пріостановлено

дило въ голову уподоблять защитниковъ отечества— стаѣ деревенскихъ собакъ и хотя она подняла знамя бунта, такъ сказать, подъ пушками непріятельскихъ войскъ, но уже въ то время, когда эти пушки не были направлены на французскія войска. Ей не приходило въ голову стереть съ лица земли имя французскаго народа, не только раздробивъ государство на части, но уничтоживъ всякое территоріальное общежитіе и поставивъ въ замѣнъ его Федерацію свободныхъ производительныхъ ассоціацій [1]), не имѣющихъ никакихъ территоріальныхъ границъ и произвольныхъ въ численности и національномъ составѣ. Парижская коммуна желала только децентрализаціи правительства и автономіи другихъ коммунъ страны

большое число работъ, необходимыхъ для общинной жизни Парижа, и кромѣ того значительная часть рабочаго населенія лишена средствъ къ существованію,

постановляетъ:

„Собранія рабочихъ синдиковъ приглашаются выбрать изъ своей среды коммиссію съ слѣдующею цѣлью:

„1. Составить статистику покинутыхъ мастерскихъ, а также точную опись инструментовъ, въ нихъ находящихся, съ описаніемъ того качественнаго состоянія, въ которомъ эти мастерскія нынѣ находятся.

„2. Представить докладъ, указывающій на тѣ практическія условія, при которыхъ въ возможно скоромъ времени эти мастерскія могутъ быть открыты для работъ подъ управленіемъ самой корпораціи рабочихъ, работавшихъ въ нихъ до этого времени.

„3. Выработать проектъ такихъ рабочихъ корпорацій.

„4. Создать третейскій судъ, обязанный установить, на случай возвращенія бѣжавшихъ патроновъ, условія окончательной передачи мастерскихъ въ руки корпорацій и размѣра вознагражденія, которое должно быть уплачено патронамъ рабочими корпораціями.

„Коммиссія должна передать результаты своихъ работъ общинной коммиссіи труда и обмѣна, которая составитъ проектъ декрета, удовлетворительный для рабочихъ и для коммуны". „La commune de Paris". Женева. 1874, стр. 96.

[1]) Заключеніе четвертой рѣчи Бакунина на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.

съ правомъ вступать въ вольный союзъ, но который въ то же время обезпечивалъ бы французское единство [1]).

Съ такими разрушительными идеями, сопровождаемый толпою дебютирующихъ русскихъ революціонеровъ и своихъ женевскихъ и итальянскихъ друзей, повелъ Бакунинъ аттаку противъ интернаціонала на Базельскомъ конгрессѣ. Желаніе его было, какъ говорятъ его сторонники, «чтобы интернаціоналъ отрѣшился отъ полумѣръ и принялъ положительную программу [2])»: но не таково было мнѣніе противниковъ энергичныхъ мѣръ, вполнѣ сознававшихъ, что эти мѣры роковымъ образомъ ведутъ къ соціальной войнѣ.

Они были глубоко смущены услышанными ими рѣчами и предложеніями, насквозь пропитанными нетерпимостію къ существующему соціальному строю, и поняли только, что между ними и русскими коммунистами, какъ они охарактеризовали учениковъ и друзей Бакунина, «такое же огромное различіе, какое существуетъ между цивилизаціей и варварствомъ, между свободой и деспотизмомъ, между гражданами, осуждающими всякаго рода насиліе, и рабами, привыкшими къ проявленію грубой силы [3])». Бакунинъ и вожаки Юрской Федераціи не ожидали, что къ ихъ заблужденіямъ можно отнестись именно съ этой точки зрѣнія: а потому сочли себя «оклеветанными» и въ свою очередь заподозрили интернаціоналъ, нѣмцевъ же въ особенности, въ реакціонныхъ стремленіяхъ. Образовались два враждебные лагеря: распаденіе было неизбѣжно. Когда же, три года спу-

---

[1]) Воззваніе къ французскому народу отъ 19 апрѣля 1871 г. въ вышеприв. сочиненіи „La commune de Paris“, стр. 104—107.

[2]) Гильомъ. „Progrès“, 1870, № 9.

[3]) „Reveil“ отъ 2 октября 1869 г., письмо Мор. Гесса.

стя, на Гаагскомъ конгрессѣ была принята резолюція: «пріобрѣтеніе политическаго могущества есть высшая обязанность рабочаго сословія» [1]), то въ этой резолюціи, окончательно устраняющей анархическую программу и для достиженія цѣли неизбѣжно ведущей къ болѣе централизованной организаціи интернаціонала, усмотрѣно было намѣреніе генеральнаго секретаря Маркса установить диктатуру. Генеральный совѣтъ былъ переведенъ изъ Лондона въ Нью-Іоркъ въ новомъ составѣ членовъ и съ новымъ генеральнымъ секретаремъ (Зорге), а бакунисты и вообще всѣ приверженцы полной автономіи федераціи образовали особый отдѣлъ «автономныхъ интернаціоналистовъ», которые въ 1873 году собрались въ Женевѣ на конгрессъ отдѣльно отъ главной части интернаціонала, такъ называемыхъ централистовъ съ генеральнымъ совѣтомъ во главѣ. Изъ ряда вонъ выходящее поведеніе бакунистовъ вызвало, наконецъ, со стороны генеральнаго совѣта предложеніе объ исключеніи изъ интернаціонала Юрской федераціи, «вслѣдствіе постояннаго неисполненія законовъ, распоряженій и рѣшеній, вслѣдствіе совершеннаго недостатка дисциплины въ борьбѣ партій и потому, что своею публичною дѣятельностію она вредитъ репутаціи всего Международнаго Общества» [2]). Такая же участь постигла Гильома нешательскаго и Бакунина, по распоряженію Гаагскаго конгресса. О причинахъ исключенія изъ интернаціонала этихъ лицъ, въ промежутокъ времени между двумя женевскими конгрессами, издана брошюра, составленная на основаніи

[1]) Отчетъ генеральнаго совѣта въ Нью-Іоркѣ, читанный на Женевскомъ конгрессѣ въ 1873 году.

[2]) Докладъ генеральнаго совѣта Женевскому конгрессу (1873) централистовъ.

документовъ, переданныхъ Вишаромъ, членомъ слѣдственной коммиссіи Гаагскаго конгресса, подъ заглавіемъ «L'alliance de la démocratie socialiste (общество организованное Бакунинымъ) et l'association internationale des travailleurs».

Въ томъ же году, 25 сентября, въ Journal de Genève—органѣ враждебномъ рабочему движенію—появилось письмо Бакунина, въ которомъ онъ заявляетъ, что, вслѣдствіе распространяемыхъ на его счетъ клеветъ, получилъ «глубокое отвращеніе къ публичной дѣятельности». Далѣе онъ говоритъ: «Пусть тѣ, кто помоложе меня, примутся за дѣло; я же не чувствую болѣе въ себѣ ни силы, ни, можетъ быть, даже достаточной увѣренности, чтобы продолжать еще вскатывать сизифовъ камень противъ торжествующей вездѣ реакціи. Поэтому я удаляюсь съ арены и прошу одного у дорогихъ моихъ современниковъ—забвенія». Письмо оканчивается словами:

«Съ этихъ поръ я не возмущу ничьего спокойствія; пусть и меня оставятъ въ покоѣ» [1]).

Нѣсколько дней спустя, а именно 12 октября того же года, Бакунинъ обратился къ Юрской федераціи, членомъ которой состоялъ, съ прощальнымъ письмомъ, гдѣ объясняетъ свой выходъ изъ интернаціонала совершенно иными поводами. «Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что миновала пора обширныхъ теоретическихъ рѣчей печатныхъ или словесныхъ. Въ послѣдніе 9 лѣтъ въ интернаціоналѣ порождено на свѣтъ болѣе идей, чѣмъ сколько ихъ было бы нужно для спасенія міра, если бы одинъ идеи могли его спасти; и я утверждаю, что никто не придумаетъ въ нихъ что либо новое. Теперь настало время не для идей, а для фактовъ и поступковъ. Что теперь

[1]) „Впередъ“ № 2. Лѣтопись рабочаго движенія, стр. 61.

всего важнѣе, это—организація силъ пролетаріата». Организація эта должна быть «практическая, боевая» организовать себя пролетаріатъ долженъ «самъ». Если бы онъ, Бакунинъ, былъ молодъ, то также перешолъ бы въ среду рабочихъ и, «раздѣляя трудовую жизнь своихъ братьевъ», принялъ бы вмѣстѣ съ ними и участіе въ ихъ общемъ дѣлѣ [1]).

Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть призыва молодежи къ движенію въ народъ, къ мускульной работѣ, наравнѣ съ соціалистическою агитаціей, къ перерожденію агитаторовъ, словомъ, бѣлоручекъ рабочаго вопроса, въ дѣйствительныхъ работниковъ, проникнутыхъ духомъ революціи и связанныхъ съ массою насущными интересами существованія; но было бы большою ошибкою предполагать, что этотъ призывъ есть явленіе единичное, результатъ личнаго убѣжденія или желанія лица, отуманеннаго страстью къ революціи. Во первыхъ, онъ вполнѣ согласуется съ принятою всѣми соціалистами программою соединенія труда умственнаго съ мышечнымъ; во вторыхъ, именно въ 1873 году изъ среды рабочихъ интернаціонала появился протестъ противъ принятія въ секціи такъ называемыхъ работниковъ мысли, т. е. живущихъ платою за произведенія ума. Въ обращенной къ делегатамъ рабочихъ на конгрессѣ централистовъ брошюрѣ [2]), протестъ мотивируется соображеніемъ, что интересы работниковъ мысли отличны отъ интересовъ простаго работника, что болѣе обширныя знанія пер-

---

[1]) „Bulletin“ Юрской федераціи отъ 12 октября.

[2]) Брошюра безъ заглавія и подписана слѣдующими лицами: Перрэ, граверъ; Бернаръ. золотыхъ дѣлъ мастеръ; Дюваль, столяръ; Жосссронъ. футлярщикъ; Дюталлонкуръ, слесарь; Рено, чернорабочій; Лапласъ, узорщикъ (guillocheur). „Впередъ“ (№ 2, лѣтопись рабочаго движенія, стр. 27) передаетъ, что, по слухамъ, въ составленіи этой брошюры принималъ участіе извѣстный генералъ Парижской коммуны—Клюзре.

выхъ «вызываютъ ихъ мысль на болѣе сложныя комбинаціи, гдѣ воображеніе слишкомъ часто замѣняетъ непосредственный интересъ работника, склоннаго, по природѣ своего ума и по своему развитію, идти прямо къ цѣли и заниматься лишь тѣмъ, что находится въ непосредственной сферѣ его мысли». Если принять въ соображеніе описанную выше борьбу партій на конгрессахъ, вовлекавшую ихъ вожаковъ, изъ среды, разумѣется, работниковъ мысли, въ безконечныя словоизверженія и рѣшительно отвлекавшую отъ обсужденія вопросовъ прямо и непосредственно касающихся улучшенія быта темныхъ людей, то нельзя не отдать справедливости здравому смыслу 7 человѣкъ, возбудившихъ протестъ противъ такой безполезной траты времени и злоупотребленія долготерпѣніемъ слушателей, вовсе не для развитія теорій жертвовавшихъ на устройство конгрессовъ свои трудовые гроши и еще болѣе цѣнное для нихъ время, проведенное внѣ мастерскихъ. Даже наиболѣе склонная къ мечтаніямъ объ устройствѣ будущаго общества, къ построеніямъ, весьма напоминающимъ сонъ Вѣры Павловны Чернышевскаго [1]) и невинныя путешествія подъ водою и къ центру земли Жюля Верна,—Брюссельская секція, и та, какъ было упомянуто выше, пришла къ заключенію, что настала пора покончить съ теоретическимъ развитіемъ соціализма и закрыла исключительно посвященный этой работѣ свой журналъ «Liberté». Въ томъ же семьдесятъ третьемъ году обнаружилось и въ Россіи соціалистическое движеніе съ поворотомъ въ народъ, о чемъ упоминается также въ отчетѣ нью-іоркскаго генеральнаго совѣта интернаціонала [2]).

[1]) Въ романѣ «Что дѣлать?»

[2]) Женевскій конгрессъ централистовъ (1873 г.).

IV.

Значеніе Международнаго Общества, какъ органа западно-европейскихъ рабочихъ.—Четвертое сословіе на Западѣ и естественное разрѣшеніе рабочаго вопроса.

Обращаясь къ оцѣнкѣ агитаціи Международнаго Общества, какъ органа западно-европейскихъ рабочихъ, связующаго ихъ движеніе и имѣющаго цѣлью дать этому движенію, вообще и въ каждомъ частномъ случаѣ, направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее потребностямъ четвертаго сословія и непосредственно ведущее къ удовлетворенію этихъ потребностей, неосновательно было бы пройти молчаніемъ особенно выдающіяся погрѣшности въ соціально-экономическомъ строѣ западно-европейской жизни. Какъ ни велики успѣхи нашихъ учителей на пути развитія науки и промышленности, нельзя не замѣтить, однако, что пользованіе плодами этихъ успѣховъ, вслѣдствіе роковымъ образомъ сложившихся историческихъ событій, досталось на долю счастливаго меньшинства, массы же остались обойденными и какъ бы забытыми правительствами, болѣе занимавшимися дѣлами внутренней и внѣшней политики, чѣмъ устройствомъ экономическаго быта этихъ массъ.

Прежде всего нельзя не остановить вниманія на ненормальности положенія, занимаемаго на Западѣ

мышечнымъ трудомъ человѣка въ производствѣ богатствъ и безостановочномъ ростѣ послѣднихъ.

«Очень сомнительно, говоритъ Милль, облегчили ли до сихъ поръ всѣ механическія изобрѣтенія дневной трудъ хотя одного человѣка; они имѣли лишь то послѣдствіе, что теперь ту же трудовую жизнь можетъ вести большее населеніе и что значительное число фабрикантовъ и другихъ лицъ можетъ пріобрѣтать больше богатствъ; кромѣ того они увеличили комфортъ средняго сословія; но до сихъ поръ еще они не начали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ, которыя по своей сущности должны произвести и произведутъ въ будущемъ [1]).

Современная статистика представляетъ слѣдующія данныя:

По оффиціальнымъ отчетамъ Луи Рейбо, — члена коммиссіи, которой въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ поручено было императорскимъ правительствомъ Франціи произвести изслѣдованіе о состояніи рабочаго класса,—поденный заработокъ французскаго рабочаго колеблется между $1^1/_2$—2 франками; но и этотъ заработокъ не представляетъ minimum'а и получается не круглый годъ, а только впродолженіи 270 дней, въ которые, за исключеніемъ праздниковъ и другихъ нерабочихъ дней, можетъ трудиться рабочій, если, конечно, при этомъ онъ постоянно здоровъ. Въ тѣхъ же отчетахъ постоянно встрѣчаются свѣдѣнія о дѣтяхъ, получающихъ за восьмичасовую работу 75 сантимовъ [2]). Женщины большею частію получаютъ не болѣе франка или франка 25 сантимовъ за

---

[1]) Цитировано Лассалемъ въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ."

[2]) L. Reybaud: La Laine. Le Coton. Conditions des ouvriers en soie (pièces justificatives).

двѣнадцатичасовой трудъ [1]). Вообще же $4^1/_2$ милліона французскихъ фабричныхъ рабочихъ получаютъ среднимъ числомъ, по мнѣнію статистика Вильоме, 1 фр. 60 сант. въ день, а по мнѣнію другихъ и того менѣе [2]). По словамъ Рейбо, изъ десяти семействъ въ Мюльгаузенѣ и его окрестностяхъ (наиболѣе промышленныхъ центрахъ бывшей французской территоріи) шесть семействъ не могутъ свести концовъ съ концами: ихъ дефицитъ колеблется между 3 фр. 60 сант. и 17 фр. 25 сант. въ мѣсяцъ [3]); по разсчетамъ другихъ изслѣдователей [4]), дефицитъ есть явленіе постоянное въ ежемѣсячномъ бюджетѣ французскихъ рабочихъ.

Выше было упомянуто о годичномъ дефицитѣ семьи бельгійскаго рабочаго, исчисленномъ по среднему разсчету заработной платы [5]):

для отца семейства	1 фр.	56	сант.	въ	день.
» матери »	»	89	»	»	»
» старшаго сына	»	56	»	»	»
» старшей дочери	»	55	»	»	»

По Кольбу [6]) задѣльная плата въ Великобританіи считается самою высокою и, по всей вѣроятности, вполнѣ обезпечиваетъ матеріальное существованіе рабочаго. Бывали случаи, что простые углекопы исключительно трудомъ выбивались на самостоятельную

---

[1]) Jules Simon: L'ouvrière (pp. 32—57).

[2]) Villnamé: Nouv. tr. d'écon. pol., t. II, p. 67. По мнѣнію Легуа, средняя поденная плата во Франціи 1 фр. 42 с.; по мнѣнію Шарля Дюпена 1 фр. 15 с.

[3]) L Reybaud: Le Coton (p. 392); la Laine (pp. 211—242).

[4]) Левассера и Жюля Симона.

[5]) Karl Marx: Das Capital, B. I, s. 600.

[6]) Сравнит. статист., т. I, стр. 29.

дорогу и составляли крупныя состоянія [1]). Но къ сожалѣнію на сѣверѣ Ирландіи и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи и Уэльса задѣльная плата такъ низка, что едва удовлетворяетъ самымъ насущнымъ нуждамъ рабочаго (напр., въ Дентонѣ и Мадбэѣ). Здѣсь за самую трудную работу мужчины получаютъ 10 шилл. 6 пенс., женщины—5 шилл. въ недѣлю. Тринадцатилѣтнія дѣти нерѣдко получаютъ въ Англіи по 4 шилл. въ недѣлю, а девятилѣтнихъ родители отдаютъ на фабрики даже за 1 шилл. 10 пенс. [2]).

Матеріальное положеніе рабочаго становится еще болѣе затруднительнымъ, когда сокращается производство по какой либо отрасли промышленности. Такъ, во время хлопчатобумажнаго кризиса, въ періодъ войны Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными, задѣльная плата на фабрикахъ хлопчатобумажныхъ издѣлій упала въ Англіи до крайности; въ 1863 году ткачи и прядильщики получали отъ 3 до 5 шиллинговъ въ недѣлю и угрожаемые голодною смертію массами устремились къ выселенію; въ 15 промышленныхъ городахъ въ эту эпоху число нищихъ съ $37^1/_2$ тысячъ возросло до 130 [3]).

Но низкій уровень вознагражденія фабричнаго труда, каковы бы ни были проистекающія отсюда послѣдствія и что бы ни толковали мнимые друзья пролетаріата, движимые любовью не къ народу, а къ популярности, не составляетъ самъ по себѣ причины бѣдственнаго положенія рабочаго. Величина заработка

---

[1]) Напр., Джоржъ Элліотъ, одинъ изъ главнѣйшихъ собственниковъ-рудокоповъ. Онъ даетъ работу 10 тысячамъ рудокоповъ и добываетъ ежегодно 2 милліона тоннъ угля, т. е. $^1/_{88}$ часть количества добываемаго въ цѣломъ свѣтѣ.

[2]) Karl Marx: D. Cap., B. I, Ss. 384, 385, 447, 448, 677, 679 и 696.

[3]) Покровскій: Очеркъ статистики, стр. 8.

никогда не можетъ быть абсолютна, она всегда относительна и обусловлена чрезвычайно сложными отношеніями не только экономическаго, но также исторически-соціальнаго свойства и даже индивидуальнымъ характеромъ и обстановкою частной жизни каждаго отдѣльнаго лица. Если бы англійскій рабочій могъ довольствоваться пищею нѣмецкаго или русскаго рабочаго [1]), если бы рабочіе всѣхъ странъ могли слѣдовать совѣту Мальтуса—воздерживаться отъ естественной страсти къ размноженію, — что дѣлаютъ благомыслящіе люди всѣхъ общественныхъ слоевъ, при необезпеченности своего положенія, — могли бы не предаваться пьянству и другимъ порокамъ, то положеніе ихъ было бы инымъ, при всей скудости выручаемаго заработка. Его нельзя поднять искусственными или принудительными мѣрами. Средневѣковыя таксы, при подвижности условій современнаго производства, были бы одинаково стѣснительны и для работниковъ и для предпринимателей; ни стачки рабочихъ, ни стачки хозяевъ (lock out) не въ состояніи сколько нибудь продолжительно вліять на законъ равновѣсія спроса и предложенія—этого естественнаго регулятора заработной платы; никакія правительственныя регламентаціи относительно размѣра заработной платы также не могутъ имѣть мѣста, коль скоро правительство, нуждающееся для отправленія своихъ функцій въ налогахъ, не рѣшится стѣсненіемъ промышленнаго производства страны за-

[1]) Если вѣрить Бліоху, у насъ приходится мяса среднимъ числомъ немногимъ болѣе 8 золотниковъ въ день на человѣка, а въ Англіи 24 золотника. Лассаль упрекалъ нѣмецкихъ рабочихъ за ихъ способность довольствоваться скверною колбасою и съ свойственнымъ иностранцамъ невѣдѣніемъ относительно русской жизни серьезно увѣрялъ, что русскій казакъ „способенъ жрать сальныя свѣчи“. Кн. для чтенія рабоч. Русск. пер., стр. 287.

крыть источникъ, изъ котораго черпаетъ средства для своего собственнаго существованія. Неудачный опытъ парижскихъ національныхъ мастерскихъ въ 1848 году съ поденною платою опредѣленнаго размѣра (по 3 франка) былъ не болѣе, какъ опытомъ національной благотворительности на широкую ногу, благотворительности, оказавшейся, къ тому же, не подъ силу плательщикамъ податей, иначе іюньскіе дни не имѣли бы мѣста въ исторіи.

Такіе организаторы труда, какъ Карлъ Марксъ и Фердинандъ Лассаль, въ серьезныхъ историко-статистическихъ трудахъ выяснили съ достаточною ясностію малѣйшія проявленія эксплуатаціи труда капиталомъ; нѣтъ сомнѣнія, что эта эксплуатація производится въ широкихъ размѣрахъ, что даже такое народное бѣдствіе, какъ моровая язва въ 1348 году, которая снесла съ лица земли четвертую часть цивилизованнаго человѣчества, не могла, несмотря на уменьшеніе предложенія со стороны труда, повліять въ Англіи на увеличеніе заработной платы, благодаря ограниченію maximum'a послѣдней парламентскимъ актомъ, изданнымъ очевидно въ пользу предпринимателей; тѣмъ не менѣе, однако, и они указываютъ на низкій уровень заработной платы не какъ на причинное зло, а лишь какъ на слѣдствіе всей совокупности допущеннаго безправія въ отношеніяхъ труда къ капиталу.

Безправіе дѣйствительно существуетъ и состоитъ, главнымъ образомъ, въ отсутствіи или недостаточности регламентаціи труда женщинъ и дѣтей и въ возможности утилизировать трудъ всего рабочаго населенія до истощенія физическихъ силъ и нравственнаго приниженія личности, низводимой на степень простаго механическаго орудія и какъ бы соз-

данной исключительно для мускульной работы, ради успѣховъ одного только промышленнаго производства.

Со времени изобрѣтенія Аркрайтомъ, въ концѣ прошлаго вѣка, хлопчатобумажной ткацкой машины (mull-jenny), дѣти стали заступать мѣсто взрослыхъ работниковъ. По отчету англійскаго парламента за 1835 годъ (First report on mills and factores pro 1835), уже тогда на 190.710 взрослыхъ работниковъ на шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ приходилось 56.455 дѣтей 8—13 лѣтъ и 108.208 несовершеннолѣтнихъ 13—18 лѣтъ, стало быть 164.663 дѣтей и юношей, что составляетъ 86 на 100 человѣкъ взрослыхъ; а одни дѣти 8—13 лѣтъ составляли 29%. То же явленіе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, обнаружилось во всѣхъ промышленныхъ странахъ западной Европы и въ виду того, что заработная плата дѣтей чрезвычайно низка (во Франціи, напр., смотря по возрасту, она колеблется между 25 и 75 сантимами въ день), естественно уменьшило заработокъ взрослыхъ [1]). Смертность въ большихъ промышленныхъ центрахъ, и преимущественно въ средѣ рабочихъ, достигла поразительныхъ размѣровъ. Докторъ Чадвикъ въ отчетѣ англійскаго парламента 1842 г. раздѣлилъ населеніе на три класса: зажиточный, средній и рабочій, и вывелъ, что въ этихъ трехъ классахъ средняя продолжительность жизни слѣдующая: въ Манчестерѣ 1 кл. 38 лѣтъ, 2 кл. 20, 3 кл. 17 лѣтъ; въ Лидсѣ 1 кл. 44, 3 кл. 19; въ Ливерпулѣ 1 кл. 35, 3 кл. 15; въ округѣ Бетнальгринъ въ Лондонѣ 1 кл. 45, 3 кл. 16 [2]). Послѣдствіемъ работы на фабрикахъ дѣтей ранняго

[1]) Villermé. Tableau de l'état physique et moral (II, p. III).

[2]) Ducpétiaux. De la condition physique et morale. T. I, p. 176.

возраста явился также упадокъ нравственности. Отецъ прусской статистики, дѣйств. тайн. сов. Гоффманъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ [1]): «Такимъ образомъ вкралось средство уменьшить плату за ручной трудъ; ужасы безнравственности были послѣдствіемъ его, что, впрочемъ, въ подобныхъ размѣрахъ принадлежитъ лишь новѣйшему времени и дошло при ткацкихъ и прядильныхъ машинахъ до того, что въ настоящее время большинство особенно знаменитыхъ фабричныхъ мѣстностей погибаетъ отъ этого зла. Англія, первая пошедшая по этому гибельному пути, первая начинаетъ теперь и сворачивать съ него, ограничивая работу дѣтей и женщинъ на фабрикахъ. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи до сихъ поръ далеко недостаточно для обузданія зла; но въ этихъ попыткахъ проявляется по крайней мѣрѣ стремленіе законодательной и исполнительной власти освободить въ концѣ концовъ промышленность отъ позорнаго упрека въ томъ, что она умѣетъ покупать умноженіе благосостоянія націи только цѣной развращенія значительной ея части». Другой извѣстный нѣмецкій статистикъ, геттингенскій профессоръ Вапеусъ, останавливаясь на выводахъ не менѣе извѣстнаго французскаго статистика Виллерме, замѣчаетъ: «Изъ этихъ образцовыхъ изслѣдованій явствуетъ, между прочимъ, что между работниками, занимающимися въ прядильныхъ и ткацкихъ, во всѣ возрасты господствуетъ самая сильная смертность. Въ 12-ти лѣтній періодъ 1823—1834 половина дѣтей фабрикантовъ дожила до 29 лѣтъ, тогда какъ изъ дѣтей ткачей и прядильщиковъ—страшно повѣрить!—половина умерла раньше 2-хъ лѣтъ! Эту ужасную смертность

[1]) Посмертн. сочин., стр. 224.

должно приписать нищетѣ родителей, особенно матерей, которыя могутъ кормить младенцевъ грудью только въ немногіе часы, проводимые дома, а остальное время вынуждены оставлять безъ всякаго попеченія» [1]).

Если, по словамъ графа Парижскаго, для того, чтобы узнать чего стоятъ каждыя 88.000 тоннъ каменнаго угля, надо прибавить къ цѣнѣ добыванія насильственную смерть одного человѣка [2]) и только одна наука своими механическими усовершенствованіями можетъ придти на помощь противъ этого бѣдствія, вполнѣ извѣстнаго каждому работнику, обрекающему себя по доброй волѣ на подземный трудъ, а слѣдовательно и на сопряженныя съ этимъ трудомъ опасности, то правительство можетъ и имѣетъ полное право избавить отъ него собственною властію дѣтей и несовершеннолѣтнихъ, не имѣющихъ свободной воли, а также и женщинъ, часто работающихъ по принужденію родителей или мужей; равно правительство можетъ требовать, чтобы ко всякаго рода опаснымъ для жизни или здоровья рабочихъ производствамъ были примѣнены въ полномъ объемѣ усовершенствованія, устраняющія опасность. Закономъ 1842 г. въ Англіи запрещено употреблять на подземную работу

---

[1]) Вышедшая въ 1858 году „Общая статистика населенія“, Т. I, стр. 318.

[2]) Въ 1867 году въ цѣломъ свѣтѣ продано 174 милліона тоннъ каменнаго угля и въ томъ числѣ въ одной Англіи 101 милліонъ; въ томъ же году въ Англіи погибло отъ несчастныхъ случаевъ въ шахтахъ 1190 человѣкъ углекоповъ. Comte de Paris: Les associations ouvrières en Angleterre. Paris. 1869. Эта весьма интересная книга есть не болѣе, какъ извлеченіе изъ оффиціальныхъ отчетевъ королевской коммиссіи, назначенной по просьбѣ рабочихъ ассоціацій. По добросовѣстности составленія, трудъ графа Парижскаго можетъ замѣнить оффиціальные документы. Въ теченіе 3—4 мѣсяц. онъ разошелся въ 6—7 изданіяхъ.

женщинъ и дѣтей, а въ 1850 году назначены особые санитарные инспекторы для рудокопень. Также точно правительство не можетъ дозволить, чтобы предпріимчивые промышленники, пользуясь матеріальною нуждою наемника, истощали его силы до изнуренія и вырожденія потомства въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, лишая всякаго досуга не только взрослыхъ, но и малолѣтнихъ, не только отцовъ, но и матерей послѣднихъ. Государству нужны не только матеріальныя богатства, но и живые люди — граждане. Если бы его роль ограничить однимъ только полицейскимъ надзоромъ, къ чему и стремилась манчестерская школа экономистовъ, то и тогда оно вправѣ устанавливать ограничительные законы на счетъ числа рабочихъ часовъ на фабрикахъ и возраста работниковъ, примѣняясь къ условіямъ интенсивности мускульной силы и физіологическаго развитія.

По почину Англіи [1]), которая, по выраженію Гоффмана, первая пошла по гибельному пути и первая начала сворачивать съ него, правительства другихъ государствъ, несмотря на противодѣйствіе со стороны фабрикантовъ и извѣстныхъ слоевъ общества, стали стремиться къ установленію нормальнаго рабочаго дня и приняли подъ свое особое покровительство трудъ женщинъ и малолѣтнихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (какъ, напр., Саксонское въ 1867 году) даже сами поощряли рабочихъ къ агитаціи въ этомъ направленіи. Народное собраніе кантона Гларуса (наиболѣе промышленнаго въ Швейцаріи) 22 мая 1864 г. высказалось, что «вмѣшательство въ это дѣло законодатель-

[1]) Сюда относятся парламентскіе биллн 1833, 1834, 1836, 1844, 1847, 1848 и 1850 годовъ и дополнительные акты, изданные въ теченіе дѣсятилѣтія 1860—1870 г.

ной власти необходимо, такъ какъ государство должно позаботиться, чтобы устранены были неблагопріятныя для народнаго благосостоянія условія и чтобы настоящее не завѣщало будущему слабосильнаго, истощеннаго поколѣнія». Примѣру Гларуса послѣдовали остальные кантоны. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ вопросъ о рабочемъ днѣ началъ волновать умы съ 1850 года, а первый законодательный актъ по этому предмету изданъ Массачузетскимъ законодательнымъ собраніемъ, 1 іюля 1851 года. Но вопросъ не могъ быть рѣшенъ удовлетворительно, пока существовало невольничество въ южныхъ штатахъ. Только въ 1866 году началась серьезная агитація въ пользу ограниченія рабочаго дня восемью часами, агитація, взволновавшая всю Сѣверную Америку отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Комитетъ, составленный изъ Массачузетскихъ сенаторовъ и членовъ палаты представителей, выразился слѣдующимъ образомъ о необходимости ограниченія рабочаго дня: «При безпримѣрномъ благосостояніи и рѣшительномъ прогрессѣ наукъ и искусствъ, при усовершенствованіи машинъ, упрощающихъ трудъ, человѣкъ—создатель и первый виновникъ всѣхъ этихъ благъ—одинъ не двигается впередъ. Накопляя богатства, промышленность наша стремится превратить работника въ какую-то машину, въ существо безсмысленное, недоступное высшимъ стремленіямъ, подобное животному... Мужественная и гордая независимость работника прежнихъ временъ уступила мѣсто рабскому продажному чувству; самоувѣренность и разсудительность– неувѣренности въ собственныхъ силахъ и невѣжеству. Прежней честной гордости своимъ трудомъ нѣтъ, а есть полная приниженность; стремленіе усовершенствоваться въ механикѣ замѣнилось исканіемъ

упрощенныхъ, подчиненныхъ занятій. Вмѣсто диплома на благородство, на трудѣ лежитъ нынѣ клеймо невольничества. А потому члены комитета приходятъ къ слѣдующему убѣжденію: если необходимо спасти націю отъ вѣрной гибели, если необходимо дать техническимъ знаніямъ полное практическое приложеніе, если слѣдуетъ заботиться о здоровьѣ, жизни и нравственности народа, если, наконецъ, мы должны потомкамъ нашимъ обезпечить и завѣщать драгоцѣнныя блага свободы и самоуправленія, то мы должны понять важность вопроса объ ограниченіи рабочаго времени и справедливо рѣшить этотъ вопросъ».

Безумны, конечно, и жалки стремленія анархистовъ интернаціонала къ ниспроверженію государственной власти, которая, въ видахъ общаго государственнаго интереса и во имя справедливости, присущей ей, по самой природѣ вещей, болѣе, чѣмъ отдѣльнымъ сословіямъ, заинтересованнымъ въ своихъ частныхъ дѣлахъ и потому естественно эгоистичнымъ, сама стремится къ устраненію страданій, «рождающихся, по выраженію Бисмарка, при такихъ условіяхъ, гдѣ писанный законъ становится въ противорѣчіе съ естественнымъ человѣческимъ правомъ»; но когда рабочія сообщества организуются на защиту присущихъ каждому человѣку правъ, для самообороны противъ эксплуатаціи труда капиталомъ до такой степени, что человѣческая личность приносится въ жертву обогащенію, то такая организація труда не представляется чѣмъ либо угрожающимъ общественному порядку, насиліемъ, которое не можетъ и не должно быть допущено закономъ, а лишь заявляетъ объ энергіи общества, сопротивляющагося насилію и покушенію на насиліе. Такого взгляда придерживалась англійская консервативная партія тори,

во многомъ содѣйствовавшая рабочимъ союзамъ къ установленію законодательнымъ путемъ ограниченія числа рабочихъ часовъ и другихъ правилъ, охраняющихъ здоровье и жизнь малолѣтнихъ и женщинъ, чего прежде они могли достигнуть только въ рѣдкихъ случаяхъ и на весьма неопредѣленное время посредствомъ чрезвычайныхъ жертвъ, причиняемыхъ имъ остановкою работъ. Та же партія въ лицѣ лорда Годриха (нынѣ графа Грея) провела въ концѣ шестидесятыхъ годовъ законъ о признаніи за рабочими ассоціаціями (съ 1824 г. только терпимыми закономъ) правъ юридическихъ лицъ [1]).

Одинаково справедливо въ конституціонныхъ государствахъ и стремленіе четвертаго сословія къ пріобрѣтенію политической власти, безъ чего едва ли можетъ быть достигнуто удовлетворительное разрѣшеніе рабочаго вопроса на Западѣ. Поэтому организація союзовъ и агитація ихъ въ этомъ направленіи едва ли можетъ быть подвергнута порицанію съ точки зрѣнія конституціоналистовъ. На этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ высказывался предсѣдатель прусскаго государственнаго статистическаго комитета тайный совѣтникъ Энгель, въ рѣчи, публично произнесенной 15 февраля 1862 г. [2]):

«Третье сословіе эмансипировалось. Выникла новая аристократія денегъ и ума. Ученые, чиновники и капиталисты, составляющіе буржуазію, сдѣлались господствующею силою. Но теперь, когда умственный трудъ, поддерживаемый крупнымъ капиталомъ, завоевалъ себѣ свои права, физическій трудъ, говоря

---

[1]) Comte de Paris: Les ass. ouvr. en Angl.

[2]) Рѣчь эта издана отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „Народныя переписи, ихъ отношеніе къ наукѣ и задача въ исторіи“.

вообще, лишенный помощи капитала, также потребовалъ признанія и уравненія въ правахъ. Подъ всемогуществомъ индустріализма, обязаннаго имъ па́ру, работающіе классы возросли въ самостоятельное четвертое сословіе, сдѣлались общественной силой, которая естественно стремится къ единовластію въ государствѣ, какъ стремились, пока могли, первое, второе и третье сословія».

Къ этому можно прибавить, что коль скоро правительство страны обусловлено существованіемъ партій, что́ имѣетъ мѣсто на всемъ конституціонномъ Западѣ, то и благосостояніе каждой партіи тѣсно связано съ ея политическимъ положеніемъ [1]).

Останавливаясь на современной задачѣ четвертаго сословія, тайный совѣтникъ Энгель продолжаетъ въ своей рѣчи: «Для него вопросъ не столько въ созданіи новыхъ богатствъ, въ увеличеніи абсолютной массы накопленнаго богатства, сколько въ распредѣленіи его, т. е. въ отношеніи богатства къ числу лицъ, которыя могутъ и должны участвовать въ пользованіи имъ. При ложномъ политическомъ и экономическомъ направленіи производства далеко не устранена опасность крезообразнаго обогащенія немногихъ при одновременномъ обнище[illegible]ніи массъ, а это, конечно, всего вреднѣе для четвертаго сословія при постоянно усиливающемся разложеніи его. Остановить это раз-

[1]) На сколько даже исполненіе законовъ совершается на Западѣ въ интересахъ партіи, можетъ служить слѣдующее заявленіе одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, Леонгарда Горнера, въ 1850 году: «Десять разъ я возбуждалъ судебное преслѣдованіе противъ нарушающихъ законъ (объ ограниченіи числа рабочихъ часовъ) фабрикантовъ, въ семи различныхъ судахъ, и только одинъ разъ нашелъ себѣ поддержку въ блюстителяхъ закона. Считаю дальнѣйшее преслѣдованіе безполезнымъ, вслѣдствіе того, что фабрикантъ и судьи умѣютъ обходить законъ».

ложеніе, снова сплотить элементы старыхъ связей, ставшихъ безсмысленными и потому неудержимо разлагающихся, снова связать ихъ въ новыя, соотвѣтственныя нынѣшнему времени формы — такова одна изъ величайшихъ задачъ современной эпохи. Задача разумной государственной экономіи, понимающей требованія своего времени, задача, рѣшеніе которой до сихъ поръ удавалось только примѣрно, — состоитъ въ томъ, чтобы, рѣшивъ вопросъ о разумнѣйшемъ и обширнѣйшемъ производствѣ, рѣшить и вопросъ о болѣе удовлетворяющемъ общій интересъ распредѣленіи. Побѣда эмансипаціи четвертаго сословія состоитъ въ рѣшеніи этихъ обоихъ вопросовъ. Могучимъ орудіемъ этой побѣды служитъ общественная самопомощь, которую не должно смѣшивать съ разными порожденіями соціализма и коммунизма, имѣющими въ виду не здравое экономическое распредѣленіе, а болѣзненный или насильственный чисто физическій дѣлежъ».

Дѣйствительно, позднѣйшими статистическими данными вполнѣ доказывается, что если бы все производство даже стоящихъ выше средняго уровня въ промышленномъ отношеніи государствъ обратить въ коллективную собственность, чего добиваются соціалисты, то каждый членъ общества оказался бы весьма бѣденъ средствами. По разсчету Вильоме [1]), сдѣланному въ 1865 году, но, по его же словамъ, приблизительно вѣрному и для 70 года, изъ 14 милліардовъ ежегодно производимыхъ во Франціи продуктовъ только 4 или 5, т. е. около 250 франковъ на человѣка, достается $^2/_3$ населенія, т. е. 25.000,000 жителей, а остальная треть, состоящая изъ rentiers, получаетъ по

[1]) Villaumé: Nouv. tr. d'écon. pol., t. I, pp. 304—305.

1000 франковъ на человѣка. Если бы все производимое дѣлилось на всѣхъ, то пришлось бы по 420 франковъ на каждаго человѣка безъ различія пола и возраста или по 2,520 франковъ на семью изъ 6 человѣкъ, тогда какъ на одну пищу этой семьи, по разсчету Маркса [1]), потребовалось бы 1,828 франковъ, если бы она кормилась пищею матроса.

Правда, на долю капитала достается весьма значительный процентъ производимыхъ продуктовъ, но въ отношеніи уже обратномъ и въ нѣкоторыхъ государствахъ даже прямо противоположномъ вышеприведенному разсчету. По словамъ того же Вильоме, продукты дѣлятся слѣдующимъ образомъ:

	Въ пользу труда.	На капиталъ.	На правительство.
Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. . .	73%	25%	2%
» Англіи	56%	21%	23%
» Франціи	47%	36%	17%

Очевидно, что значительная доля производства поглощается государствомъ, другими словами, всенародными потребностями, а тамъ, гдѣ государственный бюджетъ сокращается до возможнаго minimum'а, бо́льшая часть экономіи поступаетъ въ пользу труда. Если Франція не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи примѣру наиболѣе промышленныхъ странъ земного шара, то потому именно, что ея правительство всегда было исключительно буржуазнымъ и едва ли когда либо народнымъ, т. е. пользовалось довѣріемъ и любовью народа.

Самопомощь, о которой говоритъ Энгель и на которую указываетъ, какъ на главное орудіе эмансипаціи четвертаго сословія, вслѣдствіе предоставленной

[1]) Вышепривед. сочин.

почти всѣми государствами западной Европы значительной свободы дѣйствія рабочимъ союзамъ, достигла въ послѣднее время серьезныхъ размѣровъ. Она не ограничивается болѣе организаціей одних только потребительныхъ, сырьевыхъ или производительныхъ ассоціацій, однѣми только ссудо-сберегательными кассами или образованіемъ фондовъ для организаціи стачекъ и помощи больнымъ, увѣчнымъ или престарѣлымъ работникамъ; но, какъ видно изъ документовъ вышеупомянутой королевской коммиссіи, сдѣланныхъ доступными для публики обязательнымъ трудомъ графа Парижскаго, развитая система рабочихъ союзовъ имѣетъ въ виду не частную побѣду небольшой группы рабочихъ въ незначительной отрасли промышленности и надъ незначительнымъ числомъ фабрикантовъ какой либо мѣстности, а улучшеніе общихъ условій положенія рабочихъ, соединеніемъ въ одно организованное цѣлое не только работниковъ одного какого либо ремесла, но всѣхъ вообще профессій, даже и не относящихся къ производству одинаковой отрасли промышленности. Такъ въ шестидесятыхъ годахъ нѣкоторыя общества механиковъ присоединились къ основанному въ 1849 году союзу плотниковъ и столяровъ. Доходы этого союза, считавшаго въ своей средѣ болѣе 30.000 членовъ, въ 1865 г. простирались до 86.885 фунт., расходы до 49.172 фунт.; а его резервъ, собранный въ шестнадцатилѣтнее существованіе, представлялъ сумму въ 140.000 фунт. По мнѣнію Файнлэйзена, одного изъ высшихъ чиновниковъ администраціи публичнаго долга, представившаго отъ себя рапортъ королевской коммиссіи, рабочимъ союзамъ стоитъ только возвысить еженедѣльный взносъ своихъ членовъ до 1 шилл. 6 пенсовъ [1]), чтобъ представлять всѣ гарантіи,

[1]) Членскій взносъ обыкновенно равняется 1 шилл. и 1 пенсу въ недѣлю.

какихъ только можно требовать отъ страховыхъ обществъ. «Когда этотъ капиталъ, справедливо замѣтилъ графъ Парижскій въ 1869 году, не будетъ болѣе поглощаться большею частію непроизводительными расходами стачекъ, онъ сдѣлается въ рукахъ работника новымъ элементомъ благосостоянія». Въ наше время онъ уже сталъ этимъ элементомъ, такъ какъ рабочіе, получивъ чрезъ своихъ представителей доступъ къ законодательной власти, нашли болѣе вѣрный путь къ обезпеченію своего положенія отъ эксплуатаціи truck shop'ами [1]), т. н. конфискаціями [2]) и тому подобными заведеніями и обычаями, въ настоящее время строго преслѣдуемыми закономъ и начинающими выходить изъ употребленія вслѣдствіе возставшаго противъ нихъ общественнаго мнѣнія. Забастовки въ послѣднее время производятся не иначе, какъ съ вѣрнымъ разсчетомъ на успѣхъ, и имѣютъ цѣлью не столько увеличеніе заработной платы, какъ укороченіе рабочаго дня [3]); но и въ послѣднемъ случаѣ развитыми союзами предпочитается воздѣйствіе на правительство, законная агитація, мѣрамъ насильственнымъ.

Какъ извѣстно, въ отвѣтъ на союзы рабочихъ, патроны основывали контръ-союзы. Уже слишкомъ

---

[1]) Такъ называются лавки, устраиваемыя хозяевами или ихъ подрядчиками вблизи заводовъ. Рабочій нигдѣ не могъ пріобрѣтать необходимаго для своего домашняго обихода, кромѣ этихъ лавокъ, въ которыхъ цѣны всегда бывали непомѣрно высоки.

[2]) Обычай конфискаціи состоитъ въ томъ, что всякій разъ какъ въ поднятомъ изъ колодца ящикѣ угля оказывается вѣсу менѣе надлежащаго—этотъ ящикъ высыпается въ магазинъ безъ всякой платы углекопу за его работу.

[3]) По отчету Женевскаго конгресса федералистовъ, 674 испанскія секціи интернаціонала въ 1873 году выдержали до 100 „побѣдоносныхъ стачекъ“, на что издержали 400.000 франковъ.

шестьдесятъ лѣтъ существуетъ въ Стаффордшайрѣ ассоціація патроновъ, которая. между прочимъ, имѣла цѣлью опредѣлять заработную плату, а въ шестидесятыхъ годахъ поставила главною цѣлью сопротивляться рабочимъ союзамъ. Въ сѣверной Англіи есть двѣ ассоціаціи патроновъ: одна, къ которой принадлежатъ хозяева горнилъ, и другая, считающая своими членами хозяевъ кузницъ. Послѣдняя извѣстна подъ именемъ ассоціаціи фабрикантовъ желѣза сѣверной Англіи. Каждый ея членъ обязывается вносить въ общую кассу опредѣленный взносъ съ каждой печи. Взамѣнъ, если работники покидаютъ его кузню, ассоціація, сообразно вносимой имъ суммѣ, платитъ ему отъ 3 до 4 фунтовъ въ недѣлю на каждую печь. 1 декабря 1866 года въ кассѣ этой ассоціаціи находилось около 48.000 фунтовъ стерлинговъ. Знаменитая стачка ливерпульскихъ строительныхъ работниковъ въ 1833 г., длившаяся шесть мѣсяцевъ, разгорѣлась до громадныхъ размѣровъ именно вслѣдствіе заявленія патроновъ, что они будутъ принимать только тѣхъ работниковъ, которые подпишутъ обязательство не принадлежать ни къ какому союзу. Въ этой стачкѣ, окончившейся побѣдой патроновъ, рабочіе потеряли въ видѣ заработной платы 72.000 фунтовъ, да кромѣ того кассы различныхъ союзовъ, издержали на ихъ поддержку около 18.000 другихъ фунтовъ. Но подобныя требованія, въ настоящее время, когда рабочіе союзы окрѣпли взаимною солидарностію и болѣе прежняго дорожатъ своимъ существованіемъ, едва ли бы имѣли успѣхъ. Когда сигарочные фабриканты въ Голландіи потребовали въ 1872 году отъ 5.000 рабочихъ или выйти изъ интернаціонала, или оставить фабрики, то рабочіе предпочли послѣднее. Тотчасъ же ото всѣхъ федерацій

имъ была оказана матеріальная поддержка, и фабриканты, за отсутствіемъ всякаго притока на фабрики другихъ рабочихъ, вынуждены были взять свое требованіе обратно [1]).

Такъ точно, какъ законодательство отъ карательныхъ мѣръ за участіе въ союзахъ [2]) перешло къ признанію за этими союзами правъ юридическихъ лицъ, а за рабочими — права составлять ассоціаціи даже съ единственною цѣлью стачекъ [3]), и патроны мало по малу стали уступчивѣе. Нѣкоторые изъ нихъ пришли къ убѣжденію, что отъ уменьшенія числа рабочихъ часовъ, вслѣдствіе чего въ урочное время работникъ можетъ трудиться съ большею энергіей, нисколько не страдаютъ интересы фабриканта [4]). Другіе нашли, что участіе рабочаго въ прибыли и даже въ самомъ предпріятіи, для успѣха дѣла во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе прежняго, вполнѣ безучастнаго

---

[1]) Отчетъ генеральнаго совѣта и рѣчь Фанъ-деръ-Абэлэ на Женевскомъ конгрессѣ централистовъ (1873 г.).

[2]) Во время короля Эдуарда VI, когда между рабочими стали образовываться тайныя общества, существовавшія вплоть до 1824 года, издано постановленіе, въ силу котораго работникъ, трижды уличенный въ томъ, что принадлежитъ къ тайному обществу, подвергался отрѣзанію уха.

[3]) Въ Англіи съ 1824 г., во Франціи съ 1864 г., въ Германіи съ 1869 г. (германскій промысловый уставъ), въ Австріи съ 1870 г.

[4]) Владѣлецъ большой фабрики въ эльзасскомъ городѣ Мюльгаузенѣ, Дольфусъ, о которомъ было упомянуто выше, нашелъ, что по уменьшеніи рабочаго дня на одинъ часъ, въ теченіе 14 дней опыта, на его 600 станкахъ выработано было не только не менѣе, чѣмъ прежде, но гораздо болѣе тканей, а именно: производство муслина увеличилось на $1^2/_3\%$, производство же каленкора—на $4^1/_2\%$. Это увеличеніе продукта соотвѣтствуетъ на его фабрикѣ прибавкѣ лишнихъ 37 станковъ. Если высчитать капитальную цѣнность этихъ сберегаемыхъ станковъ, издержки на ихъ помѣщеніе, плату лишнимъ рабочимъ и проч., то получится весьма крупная цифра выгодъ, которыми фабрикантъ можетъ еще подѣлиться съ рабочими. Unsere Tage, 1866. B. 8, Heft 7, S. 480.

отношенія подельщика къ производимой имъ работѣ [1]). Послѣднее явленіе, имѣвшее мѣсто еще лѣтъ 15—17 тому назадъ, обнаружилось нѣсколько замѣтнымъ образомъ въ самое недавнее время; оно еще далеко отъ того, чтобы стать повсемѣстнымъ или даже обычнымъ, хотя бы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, но, постоянно распространяясь, тѣмъ не менѣе обѣщаетъ въ будущемъ произвести радикальное измѣненіе въ системѣ пользованія продуктами труда, и во всякомъ случаѣ можетъ оказаться для рабочаго сословія плодотворнѣе кооперативныхъ ассоціацій: во первыхъ, потому, что, не требуя отъ рабочихъ никакихъ предварительныхъ сбереженій, открываетъ возможность пользоваться прибылью большему числу лицъ; во вторыхъ, потому, что, согласуя интересы предпринимателя и наемника и устраняя вслѣдствіе этого конкурренцію или недоброжелательство со стороны капиталистовъ, можетъ сдѣлаться общимъ во всевозможныхъ видахъ производства, при самой высокой степени развитія какой либо отрасли промышленности, при всякой стоимости необходимыхъ для производста машинъ.

Такимъ образомъ, мало по малу явленія промышленной жизни преобразовываются сами собою и принимаютъ на Западѣ тотъ характеръ, который, по справедливому мнѣнію статистика Энгеля, наиболѣе содѣйствуетъ эмансипаціи четвертаго сословія. Все совершилось и совершится съ теченіемъ времени, въ силу присущей человѣку стойкости въ цивилизаторской борьбѣ съ препятствіями, мѣшающими естественному развитію правильныхъ соціальныхъ отно-

---

[1]) Boemert: Die Gewinnbetheilung. 1878. Нѣчто подобное представляютъ у насъ Мальцевскія учрежденія.

шеній; въ основаніе этихъ вновь возникающихъ отношеній кладется не взаимная вражда личностей и сословій, не пожираніе одного общественнаго элемента другимъ, а дружное взаимодѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, перешедшихъ къ намъ отъ прошлаго послѣ борьбы не одного тысячелѣтія и съ препятствіями, для преодолѣнія которыхъ въ свое время требовалась, быть можетъ, энергія болѣе той, какая необходима въ настоящемъ.

Для такого поворота, совершенно естественнаго, а потому и неудержимаго и неизбѣжнаго, не нужно было ни прудоновской «общественной ликвидаціи», ни бакунинскаго «страшнаго дня правосудія». Работники мысли внесли только смуту и недоумѣніе въ борьбу четвертаго сословія съ господствующимъ на Западѣ классомъ буржуазіи и въ то именно время, когда противники, помѣрявшись силами, стали сходиться на мировую. Не по ихъ иниціативѣ возникло движеніе четвертаго сословія къ эмансипаціи; не по ихъ мысли организовались рабочіе для самопомощи въ крѣпкіе союзы, солидарные въ своихъ цѣляхъ, и этою организаціей заявили передъ правительствами о своемъ правѣ на существованіе и о томъ, что настала пора для государственной власти оказать покровительство ихъ справедливымъ требованіямъ, или, лучше сказать, признать эти требованія законными, по скольку они были справедливы и составляли сами по себѣ вопросъ общественнаго благосостоянія, силы и процвѣтанія всего государства. Помогали имъ въ этомъ дѣлѣ не анархисты, а рѣшительные консерваторы: прусское юнкерство и англійскіе тори; по преимуществу либеральная, Франція даже не поняла дѣйствительныхъ нуждъ своего почти пятимилліоннаго пролетаріата и реакція противъ рабочаго движенія была

въ ней настолько же насильственна, какъ и дни террора первой революціи.

Международная ассоціація рабочихъ, такъ называемый интернаціоналъ, только тогда и не мѣшалъ развитію гораздо прежде его зародившихся союзовъ, когда дѣйствовалъ на реальной почвѣ извѣстныхъ каждому рабочему его ближайшихъ нуждъ и возможнаго ихъ удовлетворенія при существующемъ строѣ общества. Но многіе изъ его дѣятелей постоянно заносились въ области созданныхъ ихъ воображеніемъ утопій и только прельщали темнаго человѣка розовыми картинами будущаго, ни на іоту не улучшая его положенія въ настоящемъ: поэтому для рабочаго не представлялось ни малѣйшаго перехода къ сколько нибудь иному будущему. Или соціальная революція—или ничего; полная свобода—или рабство, немедленное благосостояніе—или вѣчная нищета,—такова проповѣдь этихъ извѣрившихся въ прошлое близорукихъ вѣщателей будущаго, не замѣчавшихъ, что дѣйствительная жизнь ставила вопросы о благостояніи четвертаго сословія совсѣмъ иначе и не желавшихъ знать, что альтернатива да или нѣтъ существуетъ только въ воображеніи человѣка, а не въ дѣйствительной жизни, вовсе немыслимой безъ посредствующихъ звеньевъ и всегда связующей будущее съ прошедшимъ.

Если бы западно-европейскій рабочій былъ вполнѣ темнымъ человѣкомъ, то этимъ злымъ геніямъ даже интернаціонала, быть можетъ, удалось бы превратить рабочіе союзы въ чудовища, которыя дѣйствительно перевернули бы и сравняли съ почвою, по выраженію Гильома нешательскаго, все созданное цивилизаціей—этимъ предметомъ гордости образованнаго Запада и предметомъ посмѣянія и презрѣнія его современныхъ варваровъ; но къ счастію это не такъ.

Парижская коммуна едва ли возможна въ другомъ государствѣ Европы, кромѣ Франціи, да едва ли возможно ея повтореніе даже и въ этой странѣ, такъ часто чаявшей «возрожденія изъ пепла», по выраженію Прудона, послѣ того, какъ ея дѣти сами же обращали въ пепелъ созданное потомъ и кровью ихъ отцовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мечтательность и отрицательное направленіе въ литературѣ.—Кружокъ Станкевича.—Ученіе славянофиловъ и его отрицательныя основы.—Критика явленій общественной жизни. — Возрастающее неудовольствіе существующимъ порядкомъ вещей.—Обличительная литература.—Попустительство администраціи и цензуры.—Нигилизмъ.—Принципъ „новыхъ людей“ и его происхожденіе. —Чернышевскій и Писаревъ. — Лондонская программа Герцена и Бакунина въ связи со взглядами на реформы нынѣшняго царствованія либеральной или конституціонной партіи.—Убѣжденіе, что общество и народъ обмануты реформами 4 апрѣля 1866 г.—Первыя прокламаціи и взглядъ Чернышевскаго на крестьянскую реформу. — Послѣдствія примѣненія реформъ. — Успѣхи либерализма, его послѣдствія и отношенія консервативныхъ элементовъ къ правительству. — Вымираніе потомственнаго дворянства.—Пролетаріатъ дворянскій и духовенства—существенный элементъ соціально-революціоннаго движенія.

Слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ разочарованный мистикъ Чаадаевъ утверждалъ, говоря о русскомъ народѣ, что на немъ, какъ на чистомъ листѣ бумаги, можно писать все, что угодно. Безсодержательность прошедшаго и непроглядность будущаго русской жизни временъ минувшаго царствованія была фактомъ внѣ всякаго сомнѣнія въ глазахъ людей, служившихъ отголосками интеллигентной среды своей эпохи. Извѣстенъ отзывъ Лермонтова о своихъ современникахъ:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье—
«Его грядущее иль пусто, иль темно.»

Байронизмъ былъ не только модою, но удивительно согласовался съ душевнымъ настроеніемъ тогдашней молодежи. Ея лучшіе люди или гибли, заѣденные тоскою, подобно поэту Полежаеву и самому Лермонтову, или, бросившись въ религіозную мечтательность, сходили съ ума, какъ Чаадаевъ, или, наконецъ, не будучи одарены ни лирическимъ, ни сильнымъ религіознымъ чувствомъ, вдавались въ философскія отвлеченности, подобно Станкевичу и его кружку. Дѣйствительная жизнь ускользала отъ ихъ вниманія, а если когда ихъ и затрогивала, то лишь обратною стороною своей медали и возбуждала протесты въ формѣ общаго, міроваго отрицанія правды. А. С. Пушкину принадлежатъ, напр., слѣдующія строки:

«Всѣ говорятъ — нѣтъ правды на землѣ...
Но правды нѣтъ — и выше!»

Люди свѣта превращались въ ходячее отрицаніе, не знавшее границъ въ своемъ выраженіи, по созданному Грибоѣдовымъ типу въ образѣ Чацкаго. Образованный человѣкъ поставлялъ себѣ въ заслугу сдѣлаться западникомъ и по внѣшности, и по внутреннему своему содержанію; много-много если онъ становился славянофиломъ въ образѣ «русскаго изъ нѣмцевъ», по данному имъ народомъ прозвищу, или «квасным патріотомъ», по выраженію Полеваго. Они любили свое отечество какою-то «странною любовью», какъ говорилъ о себѣ Лермонтовъ, въ которой сказывалось скорѣе состраданіе, чѣмъ животворное чувство привязанности къ своеобразному строю національной жизни, сродства съ духомъ и цѣлями народа русскаго, о которомъ они знали только по ревизскимъ сказкамъ да по преданіямъ о бунтахъ Разина и Пугачева. Въ сущности они были знакомы только съ «страд-

ною» стороною жизни русскаго крестьянства, на что обращалъ вниманіе общества Радищевъ еще въ 1790 году [1]). Мишле съ иронією замѣчаетъ, что въ 1847 году «нѣмецъ (Гакстгаузенъ) открылъ народную Россію, столь же неизвѣстную до него, какъ Америка до Колумба» [2]). Чуждаясь дѣйствительной жизни, молодежь, уже окончившая свое школьное образованіе, собиралась въ замкнутые кружки, не имѣвшіе никакихъ агитаторскихъ цѣлей, а служившіе для нея высшей академіей для выработки въ себѣ идеаловъ, философскихъ и общественныхъ принциповъ; она искала этихъ идеаловъ въ поэзіи Шекспира, Шиллера, Гете, въ философіи Гегеля [3]), а позднѣе въ соціальной наукѣ западной Европы. Таковъ былъ извѣстный кружокъ Станкевича, давшій нѣсколько популярныхъ профессоровъ, критика Бѣлинскаго и агитатора впослѣдствіи, сына богатаго дворянина Яковлева, А. Герцена, отчасти также и М. Бакунина, изъ дворянъ Тверской губерніи, служившаго нѣкоторое время въ артиллеріи. Впрочемъ, послѣдній скорѣе воспитался въ кружкѣ славянофиловъ, въ діалектическихъ упражненіяхъ съ его главнымъ вожакомъ — Хомяковымъ, и съ 1840 года уже агитировалъ между австрійскими славянами во имя общеславянской федераціи [4]) на демократиче-

[1]) «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

[2]) „Легенда о Костюшкѣ". Статья Мишле въ фельетонѣ журнала Evénement, отъ 18 августа до 17 сентября 1851 г. и „Légendes democratiques" въ полномъ собраніи сочиненій того же автора. Открытіе Гакстгаузена, о которомъ говоритъ Мишле, состоитъ въ сообщеніи наблюденій автора надъ обычаями общинной жизни крестьянъ въ Россіи.

[3]) Герценъ замѣчаетъ: „діалектика Гегеля—страшный таранъ; она, несмотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все мѣшавшее разуму". Т. X, стр. 434—435, въ выноскѣ.

[4]) Герценъ: „Сборникъ посмертныхъ сочин.", ст. „М. Б. и польское дѣло".

скихъ началахъ. Славянофилы, какъ извѣстно, всегда скорбѣли о разрушеніи «заморскою» цивилизаціей стараго демократическаго устройства славянскихъ общинъ: по ихъ ученію, нѣмцы внесли въ среду славянъ вовсе неизвѣстное имъ дѣленіе общества на сословія и эгоизмъ личности, въ ущербъ славянской демократіи и принципу братской любви и смиренія [1]). Бакунинъ, конечно, не признавалъ смиренія, и Хомяковъ, по всей вѣроятности, едва ли и подозрѣвалъ, что его талантливый собесѣдникъ, съ которымъ онъ въ Москвѣ проводилъ въ спорахъ ночи на пролетъ, дойдетъ въ Парижѣ до того, что даже баррикадистъ Косидьеръ не придумалъ иного средства отъ него отдѣлаться, какъ отправить къ славянамъ съ братскимъ привѣтствіемъ, въ полной увѣренности, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею. «Quel homme! Quel homme!» повторялъ Косидьеръ въ отчаяніи отъ поступковъ своего московскаго сотрудника по агитаціи: «въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять» [2]). Несправедливо было бы взводить на славянофиловъ малѣйшее обвиненіе въ подстрекательствѣ къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя; но несомнѣнно, однако, что они никогда не признавали и не признаютъ и въ настоящее время существующаго общественнаго и государственнаго строя народно-русскимъ и согласнымъ съ историческими преданіями славянства. Въ своей теоріи государственнаго устройства они останавливаются съ любовью на Московскомъ

---

[1]) „Обз. слав. литературъ“ Пыпина и Спасовича. 1865, стр. 199.

[2]) „Скажите Косидьеру, шутя говорилъ по этому поводу его пріятелямъ Герценъ, что тѣмъ-то Бакунинъ и отличается отъ него, что и Косидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи“. Герценъ: вышеприв. ст., стр. 195.

царствѣ, отвергая послѣ-реформенный, со времени Петра Алексѣевича, періодъ Петербургской Имперіи. и мечтаютъ о думѣ и земскомъ соборѣ, т. е. въ сущности объ ограниченіи власти Московскаго царя выборными представителями народа. И теперь еще, когда ихъ излюбленныя мечты встрѣчаютъ препятствія по пути къ осуществленію со стороны высшихъ государственныхъ сферъ, они, при всей преданности Монарху, въ своемъ увлеченіи доходятъ до того пафоса, который безъ всякой натяжки можетъ быть названъ возбужденіемъ ненависти и презрѣнія къ императорскому правительству [1]). Не удивительно, слѣдовательно, что славянофильство въ своихъ крайнихъ выводахъ носитъ зачатки революціоннаго элемента, какъ и всякое другое политическое ученіе, въ концѣ концовъ протестующее противъ настоящаго порядка. Такимъ зародилось оно въ головѣ декабриста Пестеля и въ качествѣ протеста появилось на свѣтъ въ царствованіе Императора Николая Павловича, ведя свое начало не отъ Шишкова, а именно отъ декабристовъ. Не измѣняя своего основнаго значенія, оно и въ настоящее время служитъ если не гнѣздомъ, то щитомъ все съ большею и большею ясностію выдѣляющейся на горизонтѣ общественной дѣятельности извѣстной либеральной партіи, гласно заявляющей и настойчиво проводящей свою программу, не ограничиваясь однимъ только литературнымъ поприщемъ. Вообще имѣютъ обыкновеніе приписывать органамъ печати измышленіе такихъ идей и стремленій, которыя въ дѣйстви-

[1]) Напр., рѣчь И. С. Аксакова, произнесенная 22 іюня 1878 г. въ Московскомъ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ, по поводу Берлинскаго конгресса. Изъ словъ Аксакова выходитъ, напр., что канцлеръ Горчаковъ—болѣе преступный нигилистъ, чѣмъ Вѣра Засуличъ и К° (берлинское изданіе рѣчи. стр. 21).

тельности принадлежатъ не имъ, а ими только отражаются или разработываются съ своеобразной каждому журнальному органу формѣ, составляя завѣтныя желанія клики людей себѣ на умѣ, усердно выдающихъ себя за спасителей отечества отъ повальныхъ бѣдъ, но въ сущности людей эгоистичныхъ и одинаково чуждыхъ духу русскаго народа, какъ и тѣ люди, отъ зловреднаго вліянія которыхъ они предлагаютъ разныя предохранительныя средства [1]).

Отъ отрицанія былъ недалекъ переходъ къ поруганію, и онъ совершился почти незамѣтно для правительственной цензуры; но крайней мѣрѣ факты говорятъ за то, что соблазнъ нѣкоторыми талантливыми произведеніями новаго направленія овладѣлъ и правительственными лицами, не придававшими, по видимому, этимъ художественнымъ произведеніямъ иного значенія, кромѣ забавы для образованнаго общества. Прошло много времени, прежде чѣмъ «Горе отъ ума», въ которомъ затрогивались лица изъ высшихъ правительственныхъ сферъ, получило доступъ на сцену; но не то было съ произведеніями Гоголя, казнившаго мелкихъ людей, а потому доступныхъ пониманію большей массы публики и встрѣчавшихся на каждомъ шагу обыденной жизни каждаго провинціала. По мнѣнію Герцена, «мерзость и запустѣніе низшей администраціи дошли до того, что правитель-

---

[1]) Напр., средства, предлагаемыя професс. Градовскимъ въ статьѣ: „Прошедшее и настоящее („Русская рѣчь“, сент. кн. 1879 г.)“, гдѣ для укрѣпленія принципа собственности признается необходимымъ дарованіе конституціонныхъ гарантій личности; также статья „Собственность и личность („Новое Время“, № 1268)“, заключающаяся словами: „нужно, значитъ, не урѣзывать реформы, начатыя 20 лѣтъ назадъ, а продолжать и развивать ихъ. Только на этомъ пути и можно создать прочное обезпеченіе собственности“. Въ томъ же духѣ высказалась и „Молва“.

ство отдало ее на поруганіе». Онъ замѣчаетъ съ восторгомъ, что Императоръ Николай Павловичъ, «помиравшій со смѣху въ своей ложѣ надъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Держимордой, помогалъ пропагандѣ, не догадываясь, что смѣхъ послѣ Высочайшаго одобренія пойдетъ быстро вверхъ по табели о рангахъ» [1]). Именно этого слѣдовало ожидать, и послѣдствія не замедлили сказаться. Тотъ же Герценъ передаетъ, что одинъ остзеецъ, котораго онъ, по свойственной національности разсказчика антипатіи къ русскому движенію, ставитъ выше подозрѣнія въ пристрастіи, разсказывалъ, какъ, возвратившись въ сороковыхъ годахъ въ петербургскую аристократію, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, онъ былъ озадаченъ ослабленіемъ дисциплины. «Флигель-адъютанты, гвардейскіе полковники, роптали, критиковали мѣры правительства, были недовольны самимъ [2]) Николаемъ. Его это до того ошеломило, огорчило, испугало за будущность самодержавія, что онъ въ смятеніи духа почувствовалъ за обѣдомъ у флигель-адъютанта Б., чуть ли не въ присутствіи самого Дуббельта, какъ между сыромъ и грушей родился нигилизмъ» [3]). Весьма быть можетъ, что высказываемое неудовольствіе не было сколько нибудь серьезно прочувствовано, что едва ли оно имѣло достаточное основаніе именно въ положеніи собесѣдниковъ за обѣдомъ у флигель-адъютанта Б., что скорѣе всего оно было не болѣе какъ подражаніемъ модѣ, какъ нѣсколько ранѣе подражали Байрону, даже прихрамывали à la Byron; какъ въ концѣ прошлаго столѣтія

[1]) Сочин. А. И. Герцена, т. X, стр. 433; женев. изд 1879 г.

[2]) Подчеркнуто авторомъ.

[3]) Сочин. А. И. Герцена, т. X, стр. 432—433.

всѣ нѣмцы сбивали немного на Вертера, всѣ нѣмки на Шарлоту, какъ въ началѣ нынѣшняго университетскіе Вертеры стали превращаться въ «разбойниковъ» по Шиллеру; но это нисколько не умаляло его значенія, напротивъ, сдѣлавшись моднымъ, неудовольствіе тѣмъ самымъ выигрывало въ распространеніи; превращаясь въ ходячую фразу, оно мѣшало вдумываться въ содержаніе объективной жизни и пріучало костить безъ дальнѣйшихъ разсужденій, на право и на лѣво, всѣхъ и вся. Гоголь каялся впослѣдствіи передъ обществомъ въ своемъ безпощадномъ, хотя и высоко-художественномъ юморѣ: но это покаяніе гражданина не было даже понято и всецѣло приписано болѣзненному состоянію поэта и вліянію на него людей «отсталыхъ» [1]). Его послѣдователи развили юморъ до щегольства ѣдкимъ словомъ, до той безобразной распущенности, которая, по народному изреченію, «ради краснаго словца не пощадитъ и роднаго отца», а тѣмъ менѣе братьевъ одной матери — родины; обличительная литература пятидесятыхъ годовъ, въ особенности послѣ Крымской кампаніи, дошла до публичнаго скандала. Она говорила уже не типами, а живыми лицами: «физіологическій очеркъ»,— фотографическій снимокъ съ грязной дѣйствительности заступилъ мѣсто художественнаго творчества. Не только правительственныя лица, но и частныя, до которыхъ ровно никому не было дѣла, стали небезопасны отъ литературнаго шантажа, отъ журнальной сплетни не въ бровь, а прямо въ глазъ. При такой нетребовательности въ выборѣ матеріала нашими органами печати, стать публицистомъ и въ особенности обличителемъ было

[1]) „Ист. сл. лит." Пыпина и Спасовича, стр. 200, изд. 1865 г.

не трудно; въ такіе публицисты шли чуть не прямо съ улицы, люди безо всякихъ нравственныхъ принциповъ и къ тому же бездарные. Главное дѣло было запастись порядочною дозою желчи—остальное сходило, снисходительно прощалось въ надеждѣ на будущее развитіе молодаго, начинающаго таланта. Сознаніе отвѣтственности печати передъ обществомъ, не говоря уже о государствѣ, было до того слабо, что во главѣ періодическихъ изданій появлялись 19 лѣтніе юноши, въ качествѣ хозяевъ дѣла сами набиравшіе себѣ сотрудниковъ [1]). Не только низшая администрація, но всѣ вообще правительственныя сферы и все общество поголовно были отданы цензурою на поруганіе; не пощадили даже и мертвыхъ, приблизивъ къ настоящему времени то историческое прошлое, которое дозволено было обнаруживать въ печати, а по направленію тогдашней литературы это дозволеніе равнозначило съ свободою позорить память ближайшихъ къ намъ историческихъ лицъ. Мишле былъ правъ, утверждая въ написанномъ имъ въ 1851 году на русскій народъ пасквилѣ [1]), что все, что онъ сказалъ о нравственномъ ничтожествѣ Россіи,—слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе. Правительство не только не возвышало голоса, но какъ бы само было оглушено шумнымъ потокомъ разыгравшихся въ литературѣ страстей, хлынувшихъ въ имъ же открытые шлюзы и съ тою стремительностію, которая всегда является результатомъ быстраго паденія преградъ послѣ принудитель-

[1]) Таковъ былъ издатель журнала „Свѣточъ“, болѣе номинально, чѣмъ дѣйствительно, редактированнаго Милюковымъ. Нашли даже возможнымъ дозволить изданіе журнала учащейся молодежи въ с.-петербургскомъ университетѣ.

[1]) Въ легендѣ о Костюшкѣ.

наго застоя въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣятельность администраціи того времени весьма походила на отдыхъ послѣ бдительнаго надзора въ теченіе многихъ лѣтъ. Напримѣръ, надзоръ за типографіями былъ до того небреженъ, что запрещенныя лондонскія изданія свободно литографировались въ Москвѣ подъ видомъ профессорскихъ лекцій и развозились студентами на извощикахъ цѣлыми кипами, нисколько не упакованныя и даже ничѣмъ не прикрытыя [1]). Вліяніе лондонскаго станка съ 1856 по 1864 годъ—фактъ несомнѣнный. Въ этотъ періодъ времени «Колоколъ» расходился въ количествѣ 2000—2500 экземпляровъ ежегодно [2]), что далеко еще не исчерпываетъ всего числа его читателей, такъ какъ одинъ и тотъ же экземпляръ переходилъ отъ одного къ другому черезъ десятки и болѣе рукъ. О вредномъ вліяніи «Современника», каждый номеръ котораго выходилъ съ разрѣшенія цензуры, стали говорить только послѣ произнесенія приговора надъ Чернышевскимъ, послѣ объявленія Сенатомъ въ этомъ приговорѣ, что направленіе «Современника» было вредно; нужны были такое народное бѣдствіе, какъ петербургскіе пожары, и такая государственная катастрофа, какъ польскій мятежъ, чтобы нѣсколько отрезвить общество. Къ концу 1863 г. расходъ «Колокола» упалъ до 500 экземпляровъ и съ тѣхъ поръ ни разу не подымался выше 1000 [3]).

Въ этотъ , можно сказать, бѣшеный періодъ нашей литературы и невообразимой нравственной су-

[1]) Студенты Сорока, Ященко и др.

[2]) Герценъ: сб. посмертн. ст., стр. 219 и сочин. изд. 1879 г., т X, стр. 423.

[3]) Тамъ-же.

толоки въ понятіяхъ, современный романъ, по выраженію Герцена, вращавшійся въ Россіи исключительно въ области патологической анатоміи [1]), перешелъ отъ изображенія т. наз. лишнихъ людей (Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Лаврецкій, Обломовъ), прямыхъ наслѣдниковъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, къ созданію типа новыхъ людей, носителей судебъ русскаго народа. Отношеніе тогдашней публицистики къ этимъ дѣтищамъ современности, лишь изрѣдка презрительное, въ большинствѣ же случаевъ сочувственное и стремившееся къ уясненію типа въ дѣйствительной жизни, сопоставленіемъ кроющейся въ дѣтяхъ силы съ явнымъ безсиліемъ отцовъ, не мало способствовало возведенію нигилизма на степень идеала современности, предвѣщая ему будущность, а потому непосредственно пропагандируя его въ молодомъ поколѣніи. Герценъ удостовѣряетъ [2]), что русскіе молодые люди, пріѣзжавшіе въ Лондонъ послѣ 1862 года, почти всѣ были изъ «Что дѣлать?» съ прибавленіемъ нѣсколькихъ базаровскихъ чертъ. Взаимодѣйствіе литературы и жизни доказано исторіей; на немъ зиждется цивилизація, и чѣмъ безсодержательнѣе жизнь, тѣмъ сильнѣе вліяніе литературы. При изолированности отъ жизни, грамотный человѣкъ набрасывается на книгу и ею наполняетъ свое внутреннее содержаніе; воспитательное значеніе книги тогда ничѣмъ не ослабляется. Когда же сама книга проповѣдуетъ такому человѣку отрѣшеніе отъ всего окружающаго и вводитъ его въ кругъ идей и понятій совершенно чуждыхъ дѣйствительности, то ему

---

[1]) Русскій народъ и соціализмъ, письмо к Мишле Искандера, русск. пер. автора. Лондонъ, 1858, стр. 36.

[2]) «Еще разъ Базаровъ», соч., изд. 1879 г., т. X, стр. 420.

остается одно изъ двухъ: не зная жизни, не вѣрить и книгѣ, или, повѣря книгѣ, смотрѣть на жизнь глазами прочитаннаго автора, при высшей же степени умственнаго развитія искать истины въ сличеніи авторовъ между собою. Что дѣлали наши нигилисты? Отвернувшись отъ дѣйствительной жизни, ошельмованной литературою во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ домашняго очага, съ семейныхъ отношеній, до отношеній половъ между собою и къ обществу, до отношеній сословій въ ихъ внутренней жизни и общественной и государственной дѣятельности, они отвергли историческаго человѣка, всего цѣликомъ, живаго и писаннаго, и принялись добывать факты, несомнѣнные, истинные, какъ они думали, но въ дѣйствительности только наглядные, какіе могли представить анатомія да эмбріологія подъ микроскопомъ. Другихъ наукъ они и знать не хотѣли, потому что не вѣрили сдѣланнымъ до нихъ выводамъ и открытіямъ, а собственные ихъ мозги были недостаточно развиты, чтобы возвыситься до пониманія предметовъ, по самой своей природѣ неукладывавшихся подъ микроскопомъ. Относительно эстетическаго развитія Базарова, Писаревъ– этотъ апологетъ нигилизма—выражается слѣдующимъ образомъ: «Онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, не потрудился подумать и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомымъ предметомъ. Этотъ человѣкъ смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полу-презрительныя и полу-покровительственныя отношенія къ тѣмъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было. Въ его цинизмѣ двѣ стороны — внутренняя и внѣш-

нія, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму, составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой иронін, безпричинная и безцѣльная рѣзкость въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму». Такой образъ молодого лѣкаря изъ семинаристовъ, объясненный и отчасти дорисованный Писаревымъ, казалось бы, не можетъ возбудить къ себѣ иного чувства кромѣ гадливости, но, желая быть вѣрнымъ изобразителемъ жизни, хотя и à contre-coeur, Тургеневъ находитъ женщину, которая плѣняется этимъ циникомъ, и гдѣ же? не въ горничной, не въ темной семьѣ приходскаго священника, а въ барской гостиной вполнѣ полированной въ свѣтскомъ отношеніи помѣщицы. Дворянинъ Тургеневъ, естественно симпатизирующій отцамъ, не знаетъ, что дѣлать съ этимъ «блуднымъ», по выраженію Герцена [1]), сыномъ и казнитъ его тифомъ: но одинъ изъ сыновей, глубже Тургенева проникшій въ плоть и кровь базаровщины, хотя также дворянинъ, но причисленный къ редакціи «Современника», истолкователь своего поколѣнія— Писаревъ возводитъ вновь народившійся типъ, — несмотря на всѣ его и имъ же, Писаревымъ, подмѣченные недостатки,—на степень мужественной силы, реальности, безспорно оставляющей позади себя безсиліе и мечтательность людей прошедшаго и чувствительныхъ юношей настоящаго. «Отъ суроваго труда, говоритъ онъ, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства, человѣкъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности; за работой мечтать нельзя, на мечту человѣкъ смотритъ, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣ-

[1]) „Еще разъ Базаровъ".

женности, нравственныя страданія онъ считаетъ мечтательными, нравственныя стремленія и подвиги — придуманными и нелѣпыми». Такимъ образомъ, цинизмъ базаровщины объясненъ и оправданъ, а все то, что возвышаетъ человѣческую душу считается блажью, отнесено къ барской праздности и изнѣженности; лучшія стороны барства поруганы и принесены въ жертву семинарской грубости, во имя труда, таящагося гдѣ-то, въ принципѣ, подъ отвратительною корою бурсачества, самолюбиваго до наглости и щеголяющаго своею неотесанностью. «Я не могу дѣйствовать теперь, думаетъ каждый изъ этихъ людей, по словамъ Писарева, не стану и пробовать, я презираю все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать моего презрѣнія». Далѣе оказывается, что новые люди бездѣйствуютъ потому, что у нихъ не хватаетъ силы для борьбы со зломъ, что въ своихъ думахъ они разбили въ дребезги «суевѣрія и авторитеты» и совершенно очистили свое міросозерцаніе «отъ разныхъ призрачныхъ представленій». «Имъ дѣла нѣтъ, идетъ ли за ними общество; они полны собой, своей внутренней жизнью». Если они презираютъ все окружающее, если имъ до общества нѣтъ никакого дѣла, если, наконецъ, они полны собою, то о какой же борьбѣ со зломъ можетъ быть рѣчь? И съ какимъ зломъ? Очевидно, что зло для нихъ, не есть зло вообще, что если они пойдутъ на борьбу со зломъ, то ужъ никакъ не во имя общаго блага, а ради своихъ личныхъ интересовъ, ради своего *я*, которое они ставятъ выше всего на свѣтѣ, да и самъ Писаревъ говоритъ, что Базарова могла бы удовлетворить только «цѣлая вѣчность постоянно увеличивающагося наслажденія». То же самое можно было бы сказать о всякомъ человѣкѣ, развратномъ до мозга костей.

Герценъ, котораго ужъ никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ консерватизмѣ, перечитывая критику Базарова Писаревымъ, нѣсколько лѣтъ спустя по выходѣ въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей», и вспоминая, что и Бѣлинскій, не желавшій сознавать «для своего духа», а не для самаго себя, былъ до нѣкоторой нѣкоторой степени нигилистомъ, что и Бакунинъ былъ вполнѣ нигилистомъ, когда уличалъ въ консерватизмѣ парижскихъ революціонеровъ 1848 года, говоритъ: «нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе созналъ себя, долею сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... все это неоспоримо.

«Но новыхъ началъ, принциповъ, онъ не внесъ.

«Или гдѣ же они?» [1])

Писаревъ, однако, полагалъ, что онъ, или Чернышевскій, или что онъ и Чернышевскій, оба вмѣстѣ, отыскали одинъ изъ такихъ принциповъ, только одинъ, но за то обнимающій собою всѣ остальные жизненные принципы.

Этотъ принципъ «новыхъ людей» состоитъ въ наслажденіи трудомъ и насажденъ будто бы Чернышевскимъ въ романѣ «Что дѣлать?», въ дѣйствительности же цѣликомъ заимствованъ авторомъ романа у Фурье, построившаго свою утопію «Nouveau monde industriel» [2]) на предположеніи, что всѣ дѣйствія людей повинуются единому, общему и постоянному закону — притяженію наклонностей (l'attraction passionelle). Фурье завидовалъ бобрамъ, пчеламъ, осамъ и

---

[1]) Тамъ-же, стр. 436—437.

[2]) Издана въ свѣтъ въ 1829 году.

и муравьямъ, для которыхъ трудъ, по его мнѣнію, служитъ источникомъ наслажденія, потому что Господь Богъ предоставилъ этимъ животнымъ и насѣкомымъ свободное пользованіе закономъ притяженія. «Каково было бы наше благополучіе, восклицаетъ онъ, если бы Богъ сдѣлалъ насъ подобными трудолюбивымъ животнымъ!» «Наша жизнь была бы цѣлымъ рядомъ наслажденій, у насъ родились бы неисчерпаемыя богатства; тогда какъ, при недостаткѣ притягательной силы въ промышленности, мы являемся обществомъ каторжниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые избѣжали труда и составили коалицію для сохраненія своей праздности. Они ненавидимы массою, которая подобно имъ склонна освободиться отъ труда: отсюда родятся ковы революціонеровъ, агитаторовъ, обѣщающихъ сдѣлать народъ счастливымъ, богатымъ и праздными и по достиженіи, при помощи переворотовъ, желаемой роли, давящихъ толпу, порабощающихъ ее, чтобъ сохранить за собою роль праздныхъ людей или управлять труженниками, что равняется праздности». Такъ говорилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія бывшій прикащикъ и торговецъ бакалейными товарами, проторговавшій во время революціи 89 года весь свой капиталъ въ 80.000 фр., доставшійся ему въ наслѣдство послѣ смерти отца. Почти то же, полвѣка спустя, говоритъ Писаревъ въ статьѣ «Мыслящій пролетаріатъ», написанной имъ по поводу выхода въ свѣтъ романа «Что дѣлать?» Вотъ его подлинныя слова: «Новый человѣкъ безъ своего любимаго труда также немыслимъ, какъ немыслимъ трудъ безъ него... Для новаго человѣка необходимо прежде всего, чтобы трудъ былъ ему по душѣ и по силамъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ такого труда, онъ ищетъ его (и замѣтьте ровно ничего дру-

гого не дѣлаетъ, въ противномъ случаѣ онъ былъ бы человѣкомъ стараго закала, работающимъ съ отвращеніемъ)»; «нашелъ — и кончено дѣло: тогда онъ влюбляется въ него, работаетъ съ увлеченіемъ страсти, наслаждается всѣми радостями творчества и чувствуетъ, что онъ на бѣломъ свѣтѣ не лишній. И нѣтъ такого новаго человѣка, который не нашелъ бы себѣ любимаго дѣла, потому что вообще нѣтъ того здороваго человѣка, который не былъ бы на что нибудь способенъ. И когда всѣ работники на земномъ шарѣ будутъ любить свое дѣло, тогда всѣ будутъ новыми людьми, тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни праздныхъ, ни филантроповъ, тогда дѣйствительно потекутъ тѣ «молочныя рѣки [1])»... и проч., и проч. Дѣйствительно нѣтъ того здороваго человѣка, который не былъ бы на что нибудь способенъ; но едва ли есть хоть одинъ здоровый человѣкъ, который обладалъ бы спеціальною способностію выносить, напр., изъ помойныхъ ямъ, а главное былъ бы до страсти влюбленъ въ эту работу, потому что иначе онъ не былъ бы новымъ человѣкомъ. Если же для непріятныхъ работъ невозможно найти новаго человѣка ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, то, слѣдовательно, одинаково невозможно, чтобы всѣ работники на земномъ шарѣ когда либо сдѣлались новыми людьми по отношенію къ этимъ работамъ, т. е. влюбились въ свое дѣло; а между тѣмъ такія работы существуютъ, значитъ трудъ мыслимъ и безъ новаго человѣка. Правда, 7 апрѣля 1772 г. въ Безансонѣ родился человѣкъ, который предполагалъ возможнымъ предаваться съ наслажденіемъ именно очисткѣ помойныхъ ямъ; за то же этотъ несчастный отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ впалъ въ умопомѣша-

[1]) Соч. Д. И. Писарева, ч. IV, стр. 10.

тельство; звали его Франсуа-Мари-Шарль Фурье [1]). Въ производящей не призрачныя, а дѣйствительныя богатства Франціи, Фурье, какъ извѣстно, не имѣлъ успѣха; но истолкователи его ученія въ Россіи, составившіе себѣ имя, главнымъ образомъ, благодаря пропагандѣ этого ученія, — Чернышевскій и Писаревъ,—считали своихъ послѣдователей тысячами. И теперь еще эмигрантъ Лавровъ, издатель безъ опредѣленныхъ сроковъ выходящаго въ Лондонѣ журнала «Впередъ», комментаторъ записокъ двухъ секцій Международнаго Общества Рабочихъ объ общественной службѣ на другой день послѣ побѣды пролетаріата и авторъ самостоятельнаго произведенія «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ», упорно стоитъ на мысли, что всякій трудъ въ новомъ обществѣ можетъ имѣть мѣсто только по добровольному влеченію, по страсти, иначе онъ будетъ принудительнымъ и для своего осуществленія непремѣнно потребуетъ авторитарнаго государства (какъ будто авторитарное государство, т. е. съ правительствомъ, власть имѣющимъ, пугаетъ кого либо кромѣ Лаврова и его единомышленниковъ). Доказательство, приводимое Писаревымъ, еще оригинальнѣе. Онъ самъ себѣ ставитъ возраженіе, самъ находитъ, что его предложеніе о будущемъ благосостояніи, основанномъ на выборѣ каждымъ труда себѣ по душѣ, -невозможно, но замѣчаетъ при этомъ, что было время, когда и паровыя машины были совершенно невозможны и заканчиваетъ афоризмомъ: «что было, то прошло, а чему быть, того не миновать». Да какъ же быть, когда этому никакъ не бывать, когда это совершенно, рѣшительно невозможно?

---

[1]) Біограф. Фурье см. у Louis Reybaud: Etudes etc. t. I, pp. 144—202.

Такая логика «Коробочки» менѣе всего, конечно, извинительна истолкователю «новыхъ людей», но она характеристична въ нашихъ публицистахъ шестидесятыхъ годовъ: а уважительное отношеніе къ произведеніямъ Писарева его читателей извѣстнаго пошиба, или, лучше сказать, его аудиторіи, показываетъ, что эту аудиторію нисколько не шокировала не только нравственная, но и логическая распущенность.

Между тѣмъ «новые люди» устраивали свою жизнь исключительно по уму; умъ—единственное проявленіе человѣческаго духа, которое они уважали: только уму они вѣрили, по словамъ Писарева. «Новые люди не грѣшатъ и не каются; они всегда размышляютъ, и потому дѣлаютъ только ошибки въ разсчетѣ, а потомъ исправляютъ эти ошибки и избѣгаютъ ихъ въ слѣдующихъ выкладкахъ. У новыхъ людей добро и истина, честность и знаніе, характеръ и умъ оказываются тожественными понятіями; чѣмъ умнѣе новый человѣкъ, тѣмъ онъ честнѣе, потому что тѣмъ меньше ошибокъ вкрадывается въ разсчеты [1]). Эта мораль еще замѣчательнѣе вышеприведеннаго образчика логики; она исповѣдуется всѣми прошедшими и настоящими нигилистами, чѣмъ и объясняется тотъ совершенно непонятный на первый взглядъ ихъ образъ мыслей, въ силу котораго они признаютъ не только глупымъ, но и подлымъ всякаго человѣка, не подходящаго подъ мѣрку «новыхъ людей» или въ чемъ нибудь уклоняющагося отъ образа жизни кружка. По ихъ понятіямъ — что умно, то и честно. Новые люди безспорно люди умные — это догматъ: а потому и честные. «Единственно честные люди въ современномъ обществѣ».

[1]) Соч., ч. 4, стр. 20.

Коль скоро неправильныя или вредныя дѣйствія новаго человѣка объясняются простыми погрѣшностями въ исчисленіяхъ, его, такъ сказать, неопытностью въ математическихъ выкладкахъ добра и зла, то было бы несогласно съ справедливостію подвергать его отвѣтственности за какіе бы то ни было проступки. Отсюда теорія безнаказанности, своеобразно построенная Чернышевскимъ на евангельскомъ ученіи въ статьѣ подъ заглавіемъ «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія». Относящійся въ одинаковой степени къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ 44 стихъ V главы Евангелія отъ Матѳея: «любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ», такъ дивно осуществленный божественнымъ Искупителемъ нашимъ, простершимъ свое всепрощеніе даже на распявшихъ его, Чернышевскій вмѣняетъ въ обязанность не нарушителямъ общественнаго порядка или новаторамъ, убѣжденнымъ въ своей правотѣ и думающимъ, что претерпѣваютъ несправедливыя гоненія,— а карающей ихъ во имя закона государственной власти. «При отсутствіи справедливости, говоритъ онъ, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія: при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ; но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемлется отъ возмездія—nemini fit injuria [1]), никто не подвергается страданію (!), ни даже во имя справедливости» [2]). Для доказательства своей теоріи, Чернышевскій не только односторонне примѣнилъ текстъ Св. Писанія, но не задумался даже совершенно исказить въ переводѣ на русскій языкъ смыслъ латин-

[1]) Никто не подвергается несправедливости (или обидѣ).

[2]) Стр. 23—24 приведенной въ текстѣ статьи, женевск. изд. 1877 г.

скаго слова injuria. Извѣстно, что injuria означаетъ несправедливость или обиду, такое дѣйствіе, которымъ нарушается право [1]). Слѣдовательно, положеніе: «никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости» принадлежитъ лично Чернышевскому, а не римскимъ юристамъ; юридическое правило: nemini fit injuria можетъ быть истолковано лишь въ томъ смыслѣ, что даже во имя справедливости никого нельзя подвергать обидѣ, т. е. такому наказанію, или такому страданію, которое не было бы предусмотрѣно въ законѣ, а потому и было бы не наказаніемъ, а обидою (injuria). Примѣнивши сказанное о невмѣняемости погрѣшностей новыхъ людей къ самому автору оригинальной теоріи безнаказанности, можно было бы замѣтить, что не только нѣтъ ни юридическаго, ни религіознаго основанія оставлять безнаказанными проступки прямо предусмотрѣнные закономъ, но что «новыми людми» могутъ быть умышленно совершаемы погрѣшности, съ цѣлью ввести въ заблужденіе людей мало опытныхъ или мало знающихъ. Къ такимъ умышленнымъ погрѣшностямъ, съ цѣлью сбить съ толку мало подготовленное юношество, относится именно неправильный переводъ слова injuria. Чернышевскій, какъ филологъ, и хорошо образованный филологъ, не могъ не знать, что искажаетъ смыслъ латинскаго юридическаго термина; но это искаженіе для него было выгодно, потому что, главнымъ образомъ, служило къ подтвержденію его ни на чемъ другомъ не основанной теоріи, если односторонность примѣненія текста изъ Св. Писанія не считать за новое съ тою же цѣлью искаженіе истины, и тоже умышленное.

[1]) Injuria est, ubi jus deest. На это опредѣленіе ссылается и самъ Чернышевскій въ вышеприв. статьѣ, стр. 24, примѣч.

Постоянно встрѣчаясь въ публицистикѣ шестидесятыхъ годовъ съ разнообразными подтасовками религіозныхъ и научныхъ догматовъ и истинъ, нельзя не согласиться съ однимъ изъ талантливыхъ нашихъ юмористовъ, на этотъ разъ, впрочемъ, сказавшимъ совершенно серьезно, что «литература — не совсѣмъ тотъ храмъ, при видѣ котораго бьются чистыя и честныя сердца и безъ котораго міръ былъ бы постылъ и безславенъ, но отчасти и клоака» [1]).

Нельзя, конечно, поставить въ вину Гоголю его «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», хотя первый и подорвалъ авторитетъ уѣздной администраціи по всей Россіи, а послѣднія обнаружили полнѣйшую нравственную несостоятельность разбросаннаго по деревнямъ полумилліоннаго дворянскаго сословія; Грибоѣдову— «Горе отъ ума», осмѣявшее служебное пресмыкательство отъ высшихъ до низшихъ ступеней чиновничьей іерархіи—эту болѣзнь чиновнаго міра тогдашняго времени; Салтыкову (Щедрину) его «помпадуровъ», постоянно смѣшивающихъ законную власть съ произволомъ самодурства и управляющихъ «обывателями» по внушенію личныхъ страстей; Островскому—его комедій, породившихъ «Мертвое царство» Добролюбова и обнаружившихъ семейный деспотизмъ, тупость, чванство капиталомъ и эксплуатацію роднаго и чужаго человѣка въ средѣ коренного русскаго купечества; Гончарову—его «Обломова» – этого типа помѣщичьей залежалости, безхарактерности и полнѣйшей неспособности на какую бы то ни было дѣятельность; Некрасову—его лиризма, въ которомъ во всей силѣ сказалась горечь сознанія собственнаго без и-

[1]) Салтыковъ, подъ псевдонимомъ Nemo: „Первое апрѣля. Первое мая". Отеч. Зап., 1879, № 8, стр. 314.

лія, участія къ падшей, вслѣдствіе нищеты, женщинѣ и къ долѣ убогаго русскаго мужика времень крѣпостной зависимости; Тургеневу– его «Записокъ охотника», вызвавшихъ живую симпатію къ русскому крестьянину, окончательно добившихъ крѣпостническое дворянство во мнѣніи подростающаго поколѣнія того же сословія и заставившихъ многихъ изъ этого поколѣнія задуматься надъ типомъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда»; нѣтъ достаточнаго основанія въ настоящее время поставить въ вину даже Огареву его «Элегій» и Герцену весьма многое изъ его «Колокола» и другихъ лондонскихъ изданій, въ которыхъ, по словамъ издателя, онъ «пытался приподнять только край тяжелой завѣсы, скрывающей насъ отъ Европы, и указалъ только на теоретическія стремленія, на отдаленныя надежды, на органическіе элементы будущаго развитія» [1]), если бы въ нихъ не было именно этихъ «органическихъ элементовъ будущаго развитія», которые смущали людей трезвыхъ и увлекали молодежь на ложный путь [2]). Всѣ эти явленія въ нашей литературѣ можно отнести къ физіологическому развитію естественнаго роста общества. Въ самихъ себѣ они носили отрицаніе, но отрицаніе дѣйствительно порочнаго, отжившаго или негоднаго для жизни: въ нихъ не было и тѣни нигилизма, потому что, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, дурныя стороны общества, они въ то же время приглашали его къ болѣе трезвой жизни, спасали грамотное молодое поколѣніе отъ застарѣлой рутины, не возбуждая въ немъ

[1]) „Русск. нар. и соціал.“, Лондонъ 1858 стр. 44.

[2]) Въ томъ же мѣстѣ Герценъ самъ говоритъ, что первая его книга лондонскихъ изданій произвела въ Россіи неблагопріятное впечатлѣніе, что ее порицали дружескіе голоса, изъ же уважаемые, видя въ ней обвиненіе на Россію (стр. 44—45).

къ то же время ненависти и презрѣнія ко всему окружающему. Дѣйствуя сами по себѣ, они дѣйствовали воспитательно, смягчая нравы, цивилизуя верхніе и средніе слои общества. Можно сказать съ увѣренностію, что реформа освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости не могла бы осуществиться съ такою готовностію дворянства принести въ жертву народному дѣлу свои матеріальные интересы, если бы литература въ значительной степени не расположила общественнаго мнѣнія къ воспринятію этой реформы, къ готовности протянуть руку помощи бѣдному и угнетенному.

Но съ призыва къ этой реформѣ [1]) начинается броженіе, уже не похожее на прежнюю подготовительную работу. Герценъ съ береговъ Темзы откликнулся на него слѣдующимъ восторженнымъ отзывомъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! Мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ преемникомъ Николая, а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи; онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николай. Онъ работаетъ съ нами для великаго будущаго» [2]). Бакунинъ писалъ въ 1862 году:

«Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью, свободою, благодѣтельствіемъ своего народа.

«19 февраля 1861 года Александръ II былъ самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ, который когда либо царствовалъ въ Россіи.

«Онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельную революцію,

[1]) Высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 г.

[2]) „Колоколъ“ 18 февр. 1858 г.

не проливъ капли крови. Онъ можетъ еще и теперь... Если бы царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было бы мѣры.

«Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибъ царь созвалъ теперь земскій соборъ, онъ впервые увидѣлъ бы себя окруженнымъ людьми, дѣйствительно ему преданными.

«Если бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ предъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной... Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, и вѣра возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все бы устроилось просто, естественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно... Руководимый такимъ царемъ, земскій соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и безъ шума, потому что никакой злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа.

«И теперь было бы еще не поздно. И теперь та же самая молодежь радостно пошла бы за нимъ, лишь бы онъ шелъ во главѣ народа...

«Теперь за кѣмъ мы пойдемъ? За Романовымъ, за Пугачевымъ, или, если новый Пестель найдется, за нимъ?

«Скажемъ правду: мы охотнѣе всего пошли бы за Романовымъ, еслибъ Романовъ могъ и хотѣлъ превратиться изъ петербургскаго императора въ царя земскаго».

Оба агитатора съ «того берега», корифеи русскаго революціоннаго движенія, вполнѣ опредѣленно высказали тѣ ожиданія, которыя реформа 19 февраля возбудила въ извѣстной части общества, продолжающей и въ настоящее время, т. е. 20 лѣтъ къ ряду, стремиться къ осуществленію программы, предначертанной никѣмъ инымъ, какъ Бакунинымъ въ согласіи съ лондонскою революціонною прессою. Герценъ былъ убѣжденъ, что работаетъ за одно съ предначертаніями Высочайшаго Освободителя. Такъ думалъ онъ въ 1858 году. Въ 1861 году, вслѣдъ за реформою, онъ первый привѣтствовалъ Государя именемъ «Освободителя» и, говоря о Его Величествѣ и Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, выражался съ теплымъ чувствомъ вѣры: «какая огромная полоса славы передъ обоими», а въ 1865 году счелъ умѣстнымъ печатно обратиться къ Монарху съ письмомъ, предлагая созвать земскій соборъ, чтобы порѣшить «общія дѣла общими силами». Иначе онъ и думать не могъ, считая Государя Императора не только преемникомъ Николая Павловича, но и прямымъ наслѣдникомъ декабристовъ. Каждая новая реформа нынѣшняго царствованія въ теченіе десяти лѣтъ, до изданія городоваго Положенія включительно, разематривалась, какъ развитіе конституціонной хартіи, дарованной земскимъ Царемъ въ день объявленія воли народу. И свободная заграничная пресса и пресса внутренняя, рѣдко сдерживаемая цензурою, несмотря на то, что строгія ограничительныя правила относительно печати существовали въ законѣ вплоть до 1865 года, въ сущности твердили за одно съ неразумною массою нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи, будто бы положеніе 19 февраля не есть «настоящая воля», что настоящая воля еще будетъ, и въ этомъ

направленіи постоянно поддерживали общественное мнѣніе. Онѣ никакъ не мирились съ мыслію, что земство есть не болѣе, какъ хозяйственный органъ государства, и притомъ ограниченный въ maximum'ѣ своего района дѣйствія предѣлами губерніи; что общественное призрѣніе, санитарная и въ особенности учебная части подлежатъ его вѣдѣнію только потому, что для успѣшнаго веденія дѣла нуждаются въ громадныхъ, безграничныхъ денежныхъ затратахъ, которыя поэтому могутъ быть дѣйствительно производимы лишь въ мѣрѣ платежныхъ средствъ населенія и его настоятельныхъ нуждъ, а то и другое никогда не можетъ быть опредѣлено съ достаточною точностію центральною властію, а главное ей не можетъ быть извѣстна степень готовности жертвъ каждаго плательщика на пользу общую, въ данной мѣстности и на опредѣленное дѣло: что реформа 19 февраля имѣла въ виду устройство экономическаго быта крестьянъ, а никакъ не отмѣну сословій и нивеллированіе всѣхъ въ политическомъ отношеніи: что крестьянское самоуправленіе и самосудъ никакъ не могутъ идти далѣе волости, какъ хозяйственной и именно податной, а никакъ не политической единицы; что волость есть именно крестьянская, а не всесословная или территоріальная группа, что поэтому, и именно поэтому, она не имѣетъ ничего общаго съ коммуною, въ противномъ случаѣ всякій человѣкъ, не принадлежащій къ крестьянскому обществу, «взялъ бы колъ въ руки», какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Герценъ, и пошелъ бы защищать себя и семью отъ крестьянскаго самосуда. Каждая реформа десятилѣтія, быстро слѣдовавшая одна за другою,— такъ что въ эти десять лѣтъ, по заявленію даже людей жалующихся на неполноту реформъ, сдѣлано

болѣе чѣмъ въ предшествовавшія сто [1]), не удовлетворяла общество, а возбуждала въ немъ новыя ожиданія, питала все бо́льшія надежды на ближайшее осуществленіе бакунинскаго проекта свободной земщины; но такъ какъ послѣдній проектъ не входилъ въ программу дѣйствій правительства, то каждая реформа неизбѣжно увеличивала лагерь недовольныхъ, и притомъ въ средѣ людей не консервативныхъ, а прогрессивно-либеральныхъ тенденцій. Консерваторы могли просто не сочувствовать нововведенію; коль скоро же оно становилось совершившимся фактомъ, правительство могло разсчитывать на строгое исполненіе имъ закона. За то надежды его на людей новыхъ, либеральнаго пошиба, никогда не оправдывались, да и не могли быть оправданы. Правило, что новое вино должно быть вливаемо въ новые мѣхи — несправедливо, если подъ новыми мѣхами не разумѣть такіе, какіе наиболѣе пригодны для сохраненія новаго вина. Въ числѣ исполнителей реформъ тогда бы только было желательно видѣть новыхъ людей, если бы эти реформы исходили изъ среды самого общества, которое, такимъ образомъ, не имѣло бы ни малѣйшаго повода считать свои желанія недосказанными и смотрѣть на реформы, не какъ на законъ, требующій примѣненія и точнаго исполненія, а какъ на временную мѣру, на опытъ, подлежащій непремѣнному развитію на практикѣ и дополненію вслѣдъ затѣмъ въ законодательномъ порядкѣ. Послѣдній взглядъ неизбѣженъ, коль скоро реформа исходитъ отъ правительства, рождается по его иниціативѣ, и такой именно взглядъ отличаетъ всѣхъ нашихъ не-

[1]) Проф. А. Градовскій: „Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи“ гл. V („Русская Рѣчь“ за мартъ 1879 г.).

полнителей изъ новыхъ людей. Кому не памятны дѣйствія весьма многихъ нашихъ мировыхъ посредниковъ, принявшихъ на себя роль народныхъ трибуновъ? Кому не памятны первые шаги либеральныхъ мировыхъ судей, задавшихся цѣлью нивелированія общественныхъ классовъ и приведенія къ нулю дѣятельности полиціи, вмѣсто добросовѣстнаго отправленія правосудія? Общія судебныя установленія также не разъ становились органами общественнаго мнѣнія. Можно было бы привести длинный списокъ рѣшеній по внутреннему убѣжденію совѣсти ни съ чѣмъ несообразныхъ.

„Довольно полнымъ выраженіемъ взглядовъ нашихъ развивателей реформъ, какъ нынѣ подвизающихся на многоразличныхъ поприщахъ, такъ и начавшихъ свою дѣятельность двадцать лѣтъ тому назадъ съ благословенія Герцена и Бакунина, могутъ служить статьи профессора Градовскаго, помѣщенныя въ «Русской Рѣчи» за текущій годъ. «Впечатлѣніе незаконченности, говоритъ онъ, производитъ, прежде всего, самая важная изъ всѣхъ совершившихся реформъ—реформа крестьянская. «Положеніе о крестьянахъ» намѣтило двѣ главныя цѣли преобразованія: освобожденіе крестьянской личности (цѣль юридическая) и хозяйственное обезпеченіе крестьянства (цѣль экономическая). Конечно, обѣ эти ближайшія цѣли, при надлежащемъ осуществленіи ихъ, должны были привести къ одному общему результату: къ образованію изъ крестьянства самостоятельнаго и равнаго со всѣми другими элемента русскаго общества. Но такой результатъ могъ получиться только при помощи ряда мѣръ, дополнявшихъ и развивавшихъ Положеніе 19 февраля [1]).

[1]) Вышеприв. статья, „Русская Рѣчь“ за мартъ 1879 г., стр. 97.

Но такъ какъ этого развитія не послѣдовалало и «свободный сельскій обыватель» остался отдѣленнымъ отъ другихъ «обывателей» платежомъ подушной подати, лишеніемъ права поступать въ государственную службу, примѣненіемъ къ нему наказанія розгами, какъ за «провинности», такъ и за неплатежъ податей, особенно строгою паспортною системою и т. д., то этими различіями ослаблены до minimum'а не только самостоятельность, но и безопасность крестьянской личности» [1]). Слѣдуя далѣе за развитіемъ мысли профессора Градовскаго, читатель доходитъ до сознанія, что въ положеніи необезпеченности личной безопасности и домашняго покоя у насъ находятся не только крестьяне, но всѣ вообще подданные безъ различія состояній. По его словамъ, «судебные уставы 1864 г. произвели на общество свѣтлое впечатлѣніе, между прочимъ, потому, что въ нихъ оно прочло подобіе знаменитаго англійскаго адажіо: nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, dissaisiatur, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo destruatur... nisi per legale judicium parium suorum, vel per legem terrae» [2]). «На самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, судебные уставы заключали въ себѣ существенныя гарантіи личной безопасности, домашняго покоя и чести. Но изданные въ замѣну второй части XV тома, они не распространили свое дѣйствіе на прочіе томы; спеціально же внѣ ихъ вліянія остался томъ XIV и еще спеціальный уставъ «о предупрежденіи и

[1]) Тамъ-же, стр. 98.

[2]) „Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ или заключенъ, перемѣщенъ съ мѣста жительства, или изгнанъ, или чѣмъ либо потревоженъ... иначе какъ по законному приговору себѣ равныхъ, или на основаніи закона страны". Загадочно, почему профессоръ Градовскій, печатая свою статью въ литературномъ, а не въ спеціальномъ юридическомъ журналѣ, не перевелъ латинской фразы? Для студентовъ что ли печатано?

пресѣченіи преступленій», сложившійся въ эпоху административнаго полновластія, слѣдовательно, не заключавшій въ себѣ обезпеченій ни для личности, ни для ея дома» [1]). Установленія стараго типа и старой «практики» составляютъ контрастъ съ новыми порядками и контрастъ «довольно раздражающаго характера», оттѣняя полицію съ «невыгодной» стороны: другими словами, полиція представляется бичемъ личной безопасности гражданъ, нарушительницею домашняго покоя подданныхъ государства [2]). Но разладъ и контрасты, по мнѣнію Градовскаго, идутъ гораздо дальше, выражаясь въ цѣлой системѣ учрежденій. «Въ моментъ своего появленія, земскія учрежденія привѣтствовались, какъ первый шагъ къ преобразованію всего мѣстнаго управленія. Такъ на нихъ смотрѣли, такое значеніе они должны были имѣть. Дѣйствительно, земскія учрежденія, какъ будущее, какъ цѣль реформы, имѣли высокій смыслъ и общество взглянуло на нихъ именно съ этой точки зрѣнія. Но, въ данномъ своемъ объемѣ, и въ данномъ кругѣ практическаго дѣйствія, учрежденія эти произвели не перемѣну системы, а внесли разладъ въ существующія отношенія» [3]). Оказывается на повѣрку.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 101—102.

[2]) Такой взглядъ картинно изображенъ Салтыковымъ (Щедринымъ) въ юмористическомъ разсказѣ „Монрепо-усыпальница“ (Отеч. Записки за іюль и августъ текущаго года), гдѣ авторъ представляетъ себя не находящимъ мѣста, куда бы спрятаться отъ заглядыванія „въ душу“ со стороны полицейскихъ властей. „Раздражающій характеръ“, о которомъ говоритъ Градовскій, отразился въ разсказѣ въ формѣ переговоровъ по телеграфу съ митрополитомъ Аѳинскимъ. Авторъ спрашиваетъ: „будетъ ли у васъ конституція?“ и получаетъ въ отвѣтъ: „конституція, спрѣчь уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи — будетъ“.

[3]) „Русская Рѣчь“, 1879 г., мартъ, стр. 102.

что и здѣсь поперекъ дороги будущаго, имѣющаго глубокій смыслъ развитія даннаго объема дѣятельности и практическаго дѣйствія земства является опять та же полиція и мѣстная правительственная администрація, благодаря которымъ земство никакъ не можетъ доразвиться далѣе своего перваго шага, т. е. далѣе дѣйствующаго закона, до захвата въ свое вѣдѣніе всего мѣстнаго управленія, т. е. до такой степени всесословнаго самоуправленія, до какой оно еще не достигло ни въ одномъ изъ конституціонныхъ государствъ западной Европы. Особенно не нравится профессору Градовскому или представляемой имъ партіи наименованіе земства общественнымъ учрежденіемъ. «Стало быть, говоритъ онъ, оно есть представитель нѣкотораго общества, въ отличіе и даже противоположеніе къ правительству» [1]). Будто за отсутствіемъ тожества непремѣнно должно явиться противоположеніе, а единеніе не мыслимо! Не нравится и то, что сословно-крестьянское самоуправленіе стоитъ рѣшительнымъ особнякомъ отъ управленія земскаго и что крестьянскія власти находятся въ дѣйствительной зависимости не отъ земства, а отъ полицейскихъ властей [2]). Градовскому, слѣдовательно, хочется не только единенія крестьянства съ земствомъ, но подчиненія перваго послѣднему. Этого мало, крестьянство должно быть «равнымъ со всѣми другими элементомъ общества» и если оно подчиняется земству, то очевидно тому же земству должны быть подчинены и всѣ остальные элементы: другими словами, общество должно быть подчинено земству, а не полиціи и мѣстной администраціи, постоянно угро-

[1]) Тамъ-же, стр. 103.

[2]) Тамъ-же, стр. 103—104.

жающимъ безопасности и домашнему покою гражданъ; слѣдовательно земство должно быть правительствомъ, а какъ двухъ правительствъ одновременно существовать не можетъ, то кромѣ земскаго немыслимо никакое иное правительство. Въ этомъ-то и заключается «высокій смыслъ», по словамъ Градовскаго, привѣтствованный обществомъ въ земскихъ учрежденіяхъ въ моментъ ихъ появленія, смыслъ невыясненный съ полною отчетливостію авторомъ статьи «Соціализмъ на Западѣ и въ Россіи», по причинѣ существующихъ у насъ цензурныхъ правилъ, но тѣмъ не менѣе достаточно понятный любому читателю «Русской Рѣчи». За то онъ высказанъ съ полною свободою въ вышеприведенной программѣ съ «того берега», высказанъ 17 лѣтъ тому назадъ и тѣмъ самымъ Бакунинымъ, котораго послѣ смерти [1]) профессоръ Градовскій признаетъ достойнымъ повѣшенія. Удивительно ли послѣ этого, что Герценъ дерзалъ считать Государя Императора наслѣдникомъ декабристовъ, что еще въ 1865 году онъ обращался съ предложеніемъ созвать земскій соборъ! Когда же надежды подпольной печати и настоящихъ преемниковъ декабристовъ оказались обманутыми дѣйствительностію, образовалось Ишутинское товарищество «Адъ» и послѣдовалъ злодѣйскій выстрѣлъ 4 апрѣля, мотивированный именно тѣмъ, что надежды извѣстной части общества, принимаемыя распаленнымъ воображеніемъ агитаторовъ за надежды всего народа — обмануты.

«Народъ обманутъ реформою 19 февраля 1861 года» есть именно лозунгъ подпольной агитаціи, начиная съ дѣлъ Михайлова и Обручева, съ проклама-

[1]) Бакунинъ умеръ въ 1876 году.

ціи «Къ молодому поколѣнію», «Молодой Россіи» и Великоросса». Чернышевскій въ своихъ «письмахъ безъ адреса», изданныхъ въ Цюрихѣ въ 1874 году редакціей журнала «Впередъ», объясняетъ какому-то дѣйствительному или воображаемому дѣятелю изъ чужаго лагеря:

«Неудачная политика, подвергнувшая страну несчастной войнѣ» (1853 — 1855 гг.), «доставила силу такъ называемой либеральной партіи [1]), требовавшей уничтоженія крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, власть принимала на себя исполненіе чужой программы, основанной на принципахъ, несогласныхъ съ характеромъ самой власти.

«Изъ этого разнорѣчія сущности предпринимаемаго дѣла съ качествами элемента, бравшагося за его исполненіе, должно было произойти то, что дѣло будетъ исполнено неудовлетворительно: источникомъ неизбѣжной неудовлетворительности былъ привычный, произвольный способъ веденія дѣла. Власть не замѣчала того, что берется за дѣло не ею придуманное, и хотѣла остаться полною хозяйкою его веденія. А при такомъ способѣ веденія дѣла оно должно было совершиться подъ вліяніемъ двухъ основныхъ привычекъ власти: первая привычка состояла въ бюрократическомъ характерѣ дѣйствій, вторая—въ пристрастіи къ дворянству» [2]). Подъ совокупнымъ вліяніемъ этихъ двухъ привычекъ оно рѣшено не только не по

[1]) Чернышевскій полагаетъ, что наиболѣе просвѣщенные люди изъ государственныхъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовенства и большинства безнадѣжныхъ чиновниковъ которое не получало большихъ выгодъ отъ бюрократическаго порядка, равно какъ и изъ самыхъ помѣщиковъ, образовалась одна партія, ставшая къ концу 50 годовъ называться у насъ либеральною партіей („Письма безъ адреса", стр. 21).

[2]) Стр. 25.

желанію 10 членовъ Редакціонной Коммиссіи, открытой 4 марта 1859 г., но даже и не по желанію ея предсѣдателя, который, разумѣется, имѣлъ свое мнѣніе или предположеніе о крестьянскомъ дѣлѣ, «какъ имѣлъ мнѣнія и предположенія о всякомъ другомъ предметѣ,— и о томъ, что Віардо хорошая пѣвица, и о томъ, что Вольтеръ былъ остроумный писатель, и о томъ, что пулковская обсерваторія хорошо устроена» [1]), но былъ связанъ мнѣніями цѣлаго круга, отъ котораго, по формальному своему полномочію, былъ совершенно независимъ [2]). Вслѣдствіе этого случилось, что въ основаніе дѣла легло рѣшеніе, несогласное ни съ убѣжденіемъ членовъ коммиссій (редакціонной и финансовой), ни съ желаніемъ ихъ предсѣдателя, ни съ намѣреніемъ высшаго правительства. «Случилось это по неизбѣжному характеру бюрократическаго порядка: предсѣдателю коммиссій показалось по какой-то догадкѣ, что хотятъ этого какія-то лица, которымъ необходимо угождать; членамъ коммиссій показалось, что слова предсѣдателя должны служить выраженіемъ неизмѣнной рѣшимости высшаго правительства; а высшее правительство, увидѣвъ такое рѣшеніе коммиссіи, убѣдилось, что нельзя уничтожить крѣпостнаго права, если уже спеціалисты, и притомъ извѣстные противники крѣпостнаго права, рѣшаютъ, что надобно сохранить его» [3]). По мнѣнію Чернышевскаго или группы «новыхъ людей», которой онъ былъ представителемъ и во многихъ отношеніяхъ вожакомъ и законодателемъ, «Положеніемъ о крестьянахъ» измѣнены только формы отношеній между помѣщиками и крестьянами, съ очень малымъ, почти незамѣтнымъ

[1]) Стр. 42.
[2]) Стр. 50.
[3]) Стр. 54.

измѣненіемъ существа прежнихъ отношеній. Этимъ думали удовлетворить помѣщиковъ. Результаты такого рѣшенія крестьянскаго вопроса весьма прискорбны: крѣпостные крестьяне не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена формальными перемѣнами, а помѣщики увидѣли себя не въ состояніи пользоваться выгодами, которыя были оставлены за ними. Отсюда повсемѣстныя, будто бы, столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшейся провести свое рѣшеніе. «Произошли сцены, которыхъ нельзя было видѣть хладнокровно. Массою другихъ сословій овладѣло состраданіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. А между тѣмъ крѣпостные крестьяне, несмотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли [1]). Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не исполнится. Такимъ образомъ, страна подвергалась смутамъ и опасается новыхъ смутъ. А смутное время бываетъ тяжело для всѣхъ. Изъ этого стала развиваться въ массѣ другихъ сословій мысль, что нужно измѣнить рѣшеніе крестьянскаго вопроса для отклоненія смутъ. Разъ будучи принуждены обстоятельствами думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно пе-

---

[1]) Въ литературной партіи, порицавшей нигилистическое направленіе и выступившей на сцену послѣ усмиренія, частію же во время польскаго мятежа, господствовалъ оригинальный взглядъ на крестьянскія волненія. Ихъ объясняли неумѣлостью администраціи и умышленнымъ преувеличеніемъ важности и размѣровъ отдѣльныхъ случаевъ сопротивленія властямъ, для того, чтобы вызвать вмѣшательство войскъ и тѣмъ еще болѣе раздражить крестьянское населеніе; что, будто бы, производилось по программѣ польскаго жонда его членами, носящими жандармскій мундиръ. Выраженіемъ этого взгляда можетъ служить довольно распространенный романъ Крестовскаго „Панургово стадо“

решли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. Тотчасъ же замѣтили они, что въ настоящемъ порядкѣ находятся черты, одинаково невыгодныя для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты, такъ какъ всѣ сословія чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства и отъ многосложной формалистичности законовъ» [1]). Дворянство, съ своей стороны, очень хорошо видѣло, что власть старалась сдѣлать для него все, что могла, и въ то же время ничего не сдѣлала «для сохраненія собственности помѣщиковъ или для ихъ вознагражденія». Поэтому дворянство естественно пришло къ выводу, что власть ничего и не можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. Изъ этого вывода вытекаетъ другой: значитъ, помѣщики должны сами о себѣ позаботиться; а изъ обоихъ — неизбѣжно слѣдовалъ третій: помѣщики никогда не держались собственною силою; но прежняя ихъ опора, т. е. власть, теперь оказывается слишкомъ слабою, а потому надобно отыскать новыя опоры. Случай найти нужную опору представлялся самъ собою въ общемъ движеніи противъ недостатковъ въ администраціи и судопроизводствѣ, отъ которыхъ дворянство страдало не менѣе другихъ сословій. Поэтому дворянство, имѣя организацію, дававшую ему возможность выражать свои желанія, не только примкнуло къ общему движенію, но сдѣлалось представителемъ стремленія къ реформамъ [2]). Такимъ

---

[1]) „Письма безъ адреса“, стр. 26—38.

[2]) Тамъ-же.

образомъ, экономическое положеніе, созданное начальною реформою нынѣшняго царствованія, вывело дворянство на путь дальнѣйшихъ реформъ, обѣщавшихъ ему новыя мѣста, нѣкоторое подспорье для жизни въ деревнѣ и веденія хозяйства, становившихся невозможными безъ наличныхъ денегъ, которыхъ у большинства помѣщиковъ не было. Вопросъ желудка преобладалъ надъ всѣми другими, хотя по наружному виду не было недостатка и въ либерализмѣ — «въ этомъ экзотическомъ растеніи, не имѣющемъ будущности на русской почвѣ» [1]).

Дворянство провело реформы въ высшихъ государственныхъ сферахъ, но не могло удержать за собою ихъ выгодъ, во первыхъ, по самому свойству реформъ, во вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что земельный цензъ переставалъ быть исключительнымъ достояніемъ дворянскаго сословія. Дешевый кредитъ для землевладѣнія, въ которомъ оно нуждалось гораздо болѣе, чѣмъ во времена крѣпостнаго права, былъ закрытъ. Самая вліятельная изъ финансовыхъ реформъ нынѣшняго царствованія—питейно-акцизная система, стремившаяся превратить винокуреніе изъ хозяйственной отрасли въ фабричную крупнаго производства, повела къ закрытію массы мелкихъ заводовъ, слѣдовательно къ обѣднѣнію большинства помѣщиковъ-винокуровъ и, заставивъ ихъ сократить количество рабочаго скота, уменьшила ихъ оборотный капиталъ, средства къ производству земледѣльческихъ продуктовъ. Спекулянтъ заступилъ [2])

---

[1]) Герценъ въ письмѣ къ Мишле.

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Новгородскою губ. земск. управою, въ періодъ съ 1866 по 1878 г. количество удобныхъ земель, принадлежащихъ дворянству губерніи, уменьшилось на 376 070 дес., или на 12%; только часть этихъ земель перешла къ крестьянамъ, на правѣ личной собственности

мѣсто хозяина, купецъ—дворянина. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій земледѣльческаго производства, естественно измѣнился и землевладѣльческій элементъ, вслѣдствіе чего земство и мировой судъ стали комплектоваться людьми новыми. Ходатай-ябедникъ, вносившій смуту въ отношенія крестьянъ къ бывшимъ помѣщикамъ, опустившійся дворянинъ изъ мелкопомѣстныхъ новаго пошиба, «отрѣшившійся отъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ», и въ томъ числѣ, конечно и прежде всего, отъ дворянскихъ традицій даже въ дѣлахъ чести [1]), пробирались въ земскіе дѣятели въ качествѣ гласныхъ отъ крестьянъ. Молодой человѣкъ «новаго направленія» съ теоретическою подготовкою, но совершенно незнакомый съ практическою жизнью, охотно былъ избираемъ въ мировые судьи и творилъ судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти, руководствуясь не столько справедливостію, основанною на законѣ, сколько теоретическимъ снисхожденіемъ и участіемъ къ низшей братіи, угнетенной, будто бы,

(43.168 дес. Череповецкаго уѣзда); остальныя же земли пріобрѣтены капиталистами промышленниками. То же явленіе обнаружилось въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, гдѣ изъ землевладѣнія исчезаютъ даже славянскій и христіанскій элементы. — и въ коренныхъ великорусскихъ губерніяхъ: Костромской, Ярославской, Владимірской, въ особенности же въ Московской, гдѣ поземельная собственность рѣшительно сосредоточивается въ рукахъ промышленнаго класса („Сборникъ" московскаго земства, т. V, вып. I).

[1]) По исчисленію газеты „Голосъ", фактовъ злоупотребленій и растратъ земскаго имущества въ теченіе 1876 года насчитывается до 30; изъ нихъ на злоупотребленія по денежной части приходится 22. „Виновниками большею частью оказываются предсѣдатели и члены управъ". Костромское губернское земское собраніе отдало подъ судъ всю мѣстную уѣздную управу. Разными составами губернской управы Херсонскаго земства произведены растраты земскихъ суммъ съ 1867 по 1875 годъ. Одинъ членъ управы Маріупольскаго земства (Гозданъ) „укралъ 70.000 шт. земскаго кирпича для устройства себѣ дома".

законными правами высшихъ; были даже судьи, ставшіе впослѣдствіе во главѣ соціально-революціоннаго движенія [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что слабый и угнетенный легче прежняго находили защиту своихъ дѣйствительныхъ правъ; но несомнѣнно также, что «слабые и угнетенные» нерѣдко выносили изъ рѣшеній мироваго суда совершенно превратныя понятія о своихъ правахъ. Въ земскихъ установленіяхъ и въ мировомъ судѣ дворянскій элементъ съ каждымъ годомъ уступалъ мѣсто всесословному, но что всего важнѣе сталъ поступаться своими консервативными традиціями передъ наплывомъ новыхъ идей и стремленій изъ чуждой ему среды, все болѣе и болѣе увлекавшихъ цѣлые органы общественнаго самоуправленія за черту строго законнаго круга дѣятельности [2]).

Неизвѣстная дотолѣ въ землевладѣльческой средѣ спекуляція,—этотъ бичъ народнаго хозяйства,—дала не только толчокъ частной дѣятельности въ сторону отъ производительныхъ занятій и породила множество рискованныхъ предпріятій, сначала промышленныхъ, а при усилившемся разстроеніи, по истощеніи старыхъ запасовъ, и финансовыхъ (акціонерные банки), но увлекала и цѣлыя земства, ринувшіяся было въ желѣзно-дорожное предпринимательство [3]). Народ-

[1]) Таковъ, напр., Войнаральскій, человѣкъ съ вполнѣ обезпеченнымъ состояніемъ.

[2]) Чернышевскій („Письма безъ адреса") въ 1862 году говорилъ о серьезномъ движеніи въ средѣ дворянъ. Извѣстны движенія шестидесятыхъ годовъ въ губерніяхъ Московской и Тверской, рѣчи въ собраніяхъ петербургскаго земства, вызвавшія закрытіе собраній въ 1867 году и указъ отъ 13 іюля того же года объ усиленіи власти предсѣдателей земскихъ собраній и о порядкѣ ихъ назначенія.

[3]) Только въ 1868 году пріостановлена выдача концессій на желѣзныя дороги съ гарантіей отъ земства.

ное образованіе, на началахъ устраненія правительства отъ надзора, а духовенства отъ преподаванія въ школахъ, нерѣдко занимало собранія земцевъ изъ «новыхъ людей» болѣе, чѣмъ вопросы мѣстнаго хозяйства. Явились земцы-устроители банковъ [1]), земцы-педагоги [2]); но земцы-хозяева, знающіе дѣло и ему преданные, были почти что исключеніемъ: мосты и гати по прежнему поглощали громадныя суммы, даже гораздо бо́льшія прежнихъ, и по прежнему были старательно объѣзжаемы; грунтовыя дороги по прежнему исправлялись только на случай экстренныхъ проѣздовъ [3]). Земство не было богато ни практическими знаніями, ни средствами, и его представители болѣе мечтали о его будущности и о своемъ политическомъ призваніи, чѣмъ занимались изысканіемъ средствъ на покрытіе неизбѣжныхъ или обязательныхъ издержекъ по общественному благоустройству и мѣръ къ возможно болѣе производительному расходованію этихъ средствъ. Изъ его среды непосредственно выходили люди, составившіе себѣ извѣстность своими литературными трудами по части развитія земскаго самоуправленія, какъ Васильчиковъ, Ю. Самаринъ и др.; но еще болѣе поддерживала его въ этомъ направленіи столичная печать, постоянно толкуя о достоинствѣ и самостоятельности его исполнительныхъ органовъ въ отношеніяхъ къ мѣстнымъ правительственнымъ властямъ, о его политической

---

[1]) Напр., т. н. земскій банкъ Херсонской губерніи, получившій отъ мѣстнаго земства въ ссуду 100.000 р. и впослѣдствіи распространившій районъ своего дѣйствія за предѣлы Херсонской губерніи.

[2]) Напр., извѣстный баронъ Корфъ — дѣятель Екатеринославскаго земства.

[3]) Въ 1868 году правительство вынуждено было подчинить земскія сооруженія на дорогахъ надзору губернскихъ строительныхъ отдѣленій.

будущности, долженствовавшей наступить послѣ смѣны бюрократическаго порядка организаціей всесословнаго представительства во всѣхъ частяхъ государственнаго механизма.

Въ эту эпоху, какъ и всегда, взаимодѣйствіе печати и общества были неизбѣжны. Всеобщее настроеніе интеллигентныхъ людей было таково, что печать не могла не либеральничать, иначе издателямъ журналовъ и газетъ угрожало бы банкротство, за отсутствіемъ подписчиковъ и даже сотрудниковъ: никто не желалъ себя компрометировать отсталостью. До 1862 года либеральничала не только петербургская пресса, но и редакторы «Московскихъ вѣдомостей» и «Русскаго вѣстника». Червь либерализма проточился и въ правительственные органы: либеральничали издаваемыя при губернскихъ правленіяхъ «Губернскія вѣдомости», либеральничалъ «Военный сборникъ» [1]), а «Морской сборникъ» считался даже въ числѣ коноводовъ современнаго движенія. До 1866 г., не только общественныя учрежденія, но и разныя казенныя вѣдомства въ провинціи стремились стать въ совершенно независимое положеніе отъ мѣстной администраціи. Въ министерствѣ финансовъ, напр., подыскивали людей, способныхъ отстоять новую акцизную систему отъ вмѣшательсева въ продажу питей и устройство заводовъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ управляющіе отдѣленіями государственнаго банка принимались петрашевцы, подвергнутые законному преслѣдованію за участіе въ заговорѣ 1849 г. Мировые судьи, судебные слѣдователи и прокуроры, опираясь на судебные уставы, ополчились на полицію и, конечно, сильнѣе гоголевскихъ Сквозника-Дму-

[1]) Его редакторомъ одно время былъ Н. Г. Чернышевскій.

хановскаго и Держиморды способствовали ея униженію въ глазахъ общества [1]). Высшая правительственная администрація въ губерніяхъ также принизилась, прислушиваясь къ печатному слову, придерживаясь системы, имѣвшей много общаго съ правиломъ laissez faire, laissez passer. При такихъ условіяхъ общество только отвыкало отъ государственной опеки, не научаясь въ дѣйствительности дѣлать дѣло, трудиться въ рамкѣ предоставленной ему закономъ компетентности. Вѣра въ консервативныя начала и въ нераздѣльно соединенную съ ними силу правительства, поколебленная направленіемъ, принятымъ реформами, заглушенная во всѣхъ своихъ проявленіяхъ повсемѣстною и всесферною погонею за либерализмомъ, ослабѣла даже въ средѣ земледѣльческаго дворянства, силою обстоятельствъ втянутаго въ движеніе, не согласное съ его традиціями и даже съ условіями его существованія. Ряды консервативнаго дворянства порѣдѣли; его вліяніе на общество стушевывалось и не переставало стушевываться [2]); оно не только стало вырождаться, но и вымирать. Слѣдующія статистическія данныя говорятъ слишкомъ убѣдительно:

---

[1]) Еще въ настоящее время полиція лишена права обжаловать рѣшенія мировыхъ судей, по дѣламъ сю возбужденнымъ, иначе какъ съ разрѣшенія прокурорскаго надзора, и не избавлена отъ предостереженій со стороны мировыхъ установленій и прокуратуры помимо своего непосредственнаго начальства, хотя и предположено измѣненіе такого порядка.

[2]) Достойны замѣчанія, открываемые въ это время повсюду и поощряемые властями, всесословные клубы, взамѣнъ прежнихъ дворянскихъ.

	Числилось въ Европейской Россіи. въ 1858 г.	въ 1870 г.	Прибыль и убыль въ %
Дворянъ потомственн.	609.873	544.188	—11 [1])
» личныхъ и чиновниковъ. . .	277.809	316.994	+14
Духовенства . . .	601.929	608.629	+ 1
Городскихъ сословій.	4.300.355	6.090.508	+45
Сельскихъ » .	48.953.483	53.630.522	+10
Военныхъ » .	3.767.436	3.981.319	+ 5
Иностранцевъ . . .	61.078	149.283	+131
Лицъ прочихъ состояній.	730.183	383.116	—48

Итакъ десятилѣтіе реформъ къ своему исходу дало убыль потомственнаго дворянства на 11 процентовъ и такой незначительный приростъ духовенства, что относительно численнаго своего состава оно представляется въ неподвижномъ состояніи. За то численность городскихъ сословій достигла чрезвычайныхъ размѣровъ вслѣдствіе обращенія къ ремесленнымъ занятіямъ въ городахъ массы дворовыхъ людей и развитія наклонностей къ торговой предпріимчивости. Постройка желѣзныхъ дорогъ и другихъ техническихъ сооруженій привлекла небывалый прежде наплывъ иностранцевъ [2]).

Появился пролетаріатъ изъ потомственныхъ дворянъ; пролетаріатъ въ средѣ людей духовнаго званія всегда существовалъ, но въ эпоху всеобщаго возбуж-

[1]) Нельзя не замѣтить поразительнаго соотвѣтствія % убыли потомственныхъ дворянъ съ вышеприведеннымъ % перехода дворянской земельной собственности въ другія руки.

[2]) Статист. свѣд. заимствованы изъ Ст. табл. Мин. Вн. Д., за 1858 г., и изъ Военн. ст. сб. за 1870 годъ. Историч. очерки Россіи (1855—1878). Лейпцигъ, 1879, т. II, в. 1. Данныя эти провѣрены также справкою въ центральномъ статистическомъ комитетѣ.

денія, начавшуюся съ переустройства экономическаго быта сельскихъ сословій, онъ сильнѣе чувствовалъ горечь своего положенія. Этимъ, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что крайняя степень недовольства существующимъ порядкомъ, выразившаяся въ подпольномъ движеніи, получила свое развитіе отъ лицъ духовнаго званія и нашла наиболѣе сочувственный откликъ въ средѣ молодежи изъ дворянъ. Писаревъ, близко знакомый съ дѣломъ, прямо говоритъ: «Бурсаки очень бѣдны, бѣднѣе всѣхъ другихъ обучающихся въ Россіи юношей. и при этомъ они, однако же, имѣютъ возможность и желаніе читать серьезныя книги. Этого совершенно достаточно, чтобы приготовить самое полное торжество отрицательныхъ идей во всѣхъ духовныхъ училищахъ» [1]). Того же мнѣнія былъ и другой спеціалистъ этого дѣла Бакунинъ [2]). Кромѣ «серьезныхъ» книгъ, т. е. ведущихъ прямо къ отрицанію и которыми съ такимъ избыткомъ снабжала читающую публику наша литература, отрицаніемъ прошлаго служили реформы, отрицаніемъ настоящаго— взгляды общества на эти реформы, отрицаніемъ этихъ взглядовъ,—что было въ глазахъ либеральной публики равносильно отрицанію справедливыхъ надеждъ на будущее, — были правительственныя мѣропріятія, клонившіяся къ разъясненію истины и возвращенію каждаго на свое мѣсто. Правительство не могло поступить иначе; но, къ сожалѣнію, сдѣлало рѣшительный шагъ уже тогда, когда и общество, и земство, и судъ, и администрація уже вышли изъ колеи.

---

[1]) „Наши усмирители“, стр. 9.

[2]) Рѣчь на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы.

II.

Чѣмъ долженъ быть трудъ съ точки зрѣнія соціалистовъ? — „Экономическая дѣятельность и законодательство“ Чернышевскаго.—Значеніе среднихъ логическихъ моментовъ по Гегелю.—Границы возможнаго, по мнѣнію Чернышевскаго, и программа дѣйствія.—Понятія Чернышевскаго о закопѣ и общинномъ землевладѣніи; основной принципъ шеллинговой философіи.—Мнѣніе Герцена о консерватизмѣ народа.—Разрушительность нигилизма.—Наша революціонная фаланга со словъ Бакунина. — „Мыслящій пролетаріатъ“ изъ дѣтей дворянъ и духовенства.—Дореформенное значеніе дворянства.—Вліяніе на молодежь реформъ нынѣшняго царствованія; отрѣшеніе отъ прошлаго, неопредѣленность будущаго. – Совмѣстное вліяніе реформъ и литературы.—Почему Чернышевскимъ отдано предпочтеніе принципу Фурье?—Жизненныя задачи „новыхъ людей“ и романъ„ Что дѣлать?“—Отзывъ Герцена о нашихъ эмигрантахъ.—Кружковая жизнь, ея вліяніе на молодежь и сила традиціи.—Единственное средство искоренить традицію нигилизма. — Пропаганда. — Пропагандисты и ихъ нравственная испорченность —Дѣятельное участіе женщинъ въ подпольной агитаціи. — Пониженіе образовательнаго уровня въ средѣ революціоннаго пролетаріата.

Трудъ составляетъ главную основу жизни; но по ученію соціалистовъ онъ не долженъ служить только средствомъ для производства цѣнностей, тяжелою обязанностью или необходимостью для пролетарія поддерживать свое существованіе. Трудъ долженъ быть и производителенъ и согласоваться съ наклонностями каждаго, доставлять нравственное наслажденіе работнику; тогда только онъ получитъ культурное значеніе

въ обществѣ и сдѣлается основою его благосостоянія, матеріальнаго и нравственнаго. Такимъ образомъ, поставленная задача труда дѣлается чрезвычайно сложною и неразрѣшимой при какомъ бы то ни было порядкѣ вещей. Никакія перераспредѣленія богатствъ, никакія гарантіи труда отъ эксплуатаціи капиталомъ, никакіе «свободные союзы свободныхъ производителей» не въ состояніи, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія индивидуальныхъ наклонностей и темпераментовъ, доставить каждому человѣку трудъ, не только наиболѣе соотвѣтствующій его способностямъ, но и доставляющій ему наслажденіе. Мускульный трудъ вообще, а при участіи въ производствѣ паровыхъ двигателей, превращающихъ человѣческую работу въ автоматическія движенія, въ особенности, не можетъ стать объектомъ нравственнаго наслажденія. Только Людовикъ XVI, по ѣдкому замѣчанію одного изъ его недоброжелателей, могъ быть «слесаремъ по страсти и королемъ по обязанности». Обыкновенные же люди, при сколько нибудь нормальномъ состояніи развитія, всегда предпочтутъ мускульному труду умственную или эстетическую работу. На условіи свободнаго выбора занятій, даже помимо предпочтенія труда мускульнаго труду умственному, ни одна форма человѣческаго общежитія существовать не можетъ уже потому, что есть много работъ непріятныхъ по самому своему свойству, тяжелыхъ и опасныхъ для здоровья и жизни, а между тѣмъ производство ихъ рѣшительно необходимо, какъ для благосостоянія въ цѣломъ всего общества, такъ и для благосостоянія каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности. Кабэ попытался было осуществить на практикѣ фантастическій принципъ Фурье и съ этою цѣлью основалъ въ Америкѣ свою знаменитую Икарію; но икарійцы, не прожившъ

вмѣстѣ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, перессорились между собою и разбрелись въ разныя стороны [1]). Такая участь постигла небольшую группу людей, вполнѣ подготовленныхъ по образу мыслей къ заданной формѣ жизни; какой же вѣроятности успѣха можно было ожидать послѣ этого отъ примѣненія принципа фурьеристовъ къ обществу, живущему на совершенно иныхъ началахъ? Тѣмъ не менѣе, ни печальный опытъ Кабэ, ни простое разсужденіе, основанное на здравомъ смыслѣ, не помѣшали и теперь еще не препятствуютъ послѣдователямъ этого принципа пропагандировать его. Въ статьѣ, озаглавленной: «Экономическая дѣятельность и законодательство», Чернышевскій высказывалъ такія мысли: «Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточные для общества; будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ— тщеславіе. Итакъ, съ одной стороны, трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны, все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ безполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда нибудь къ уравновѣшенію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и, между про-

---

[1]) Подобная попытка была сдѣлана въ текущемъ десятилѣтіи агитаторомъ Чайковскимъ, основавшимъ въ Канзасѣ на добытыя отъ одной изъ ревностныхъ послѣдовательницъ соціалистическаго ученія деньги, около 20 т. р., образцовую коммуну. Это предпріятіе погибло черезъ 3 года, съ потерею всего затраченнаго въ него капитала.

чимъ, прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости превратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для васъ скучно не посвящать (на это?) каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и всетаки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія; тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ, мѣста всѣмъ достанетъ.

«Надежда на такое время—простой ариѳметическій разсчетъ. Время это настанетъ: тутъ разсчетъ также вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи

1. 2. 4. 8. 16.

явятся, наконецъ, члены, которые будутъ болѣе милліоновъ, или какого вамъ угодно числа. Но близко ли или далеко до этихъ членовъ, близко ли или далеко это время,—вопросъ другой; мы думаемъ, что оно еще очень далеко, хотя, быть можетъ, и не на

тысячу лѣтъ отъ насъ, но, вѣроятно, больше, нежели на сто, или на полтораста» [1]).

Для Чернышевскаго вопросъ не въ существѣ дѣла, а во времени. Свѣтлая будущность представляется ему логическимъ послѣдствіемъ развитія просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь. Въ его воображеніи всякій трудъ въ будущемъ не только теряетъ свой принудительный характеръ, не только не заключаетъ въ себѣ ничего тяжелаго, но превращается въ пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, слѣдовательно, нераздѣльно связывается съ самою природою человѣка, точь въ точь какъ у пчелъ, муравьевъ или бобровъ, которымъ такъ завидовалъ его учитель Фурье. Если бы затѣмъ разрѣшеніе рабочаго вопроса Чернышевскій предоставилъ свободному теченію событій во времени, то его гипотеза не вышла бы изъ разряда экономическихъ грезъ, вообще свойственныхъ каждому человѣку мало знакомому съ условіями практической жизни. Но въ дѣйствительности эта гипотеза имѣетъ претензію на близкое осуществленіе, на ускореніе процесса развитія, опираясь на одно изъ положеній гегелевской философіи, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что извѣстный средній моментъ достигъ бытія гдѣ нибудь и когда нибудь, этимъ избавляется процессъ развитія во всѣхъ другихъ временахъ и мѣстахъ отъ необходимости доводить его до дѣйствительнаго осуществленія. Другими словами, если для достиженія болѣе совершенной степени общественнаго устройства формы общежитія должны пройти черезъ извѣстные историческіе или логическіе [2]) мо-

[1]) Женевское изданіе (журнала „Набатъ“) 1877 г., стр. 99—101.

[2]) Въ данномъ смыслѣ эпитеты историческій и логическій по Гегелю

менты развитія, то для того, чтобы ввести такое же устройство въ данномъ обществѣ, вовсе нѣтъ надобности проходить чрезъ всѣ послѣдовательныя формы его историческаго развитія: достаточно и того, что это развитіе имѣло мѣсто когда то-въ исторіи человѣческаго общества [1]). На этомъ основаніи можно идти весьма далеко въ дѣлѣ пересозданія условій жизни, въ томъ числѣ и экономическаго быта страны отставшей отъ культуры другихъ странъ. Для опредѣленія границъ служатъ только двѣ нормы: здравый разсудокъ и справедливость [2]). Главное правило разсудка: «берись только за то, что возможно». Но при этомъ не надо забывать, во первыхъ, что часто называютъ невозможнымъ то, что непріятно. «Напримѣръ, можетъ ли Франція употребить полмилліарда франковъ на занмообразное пособіе промышленнымъ товариществамъ людей, занимающихся черною работою? Единственный отвѣтъ всѣхъ обскурантовъ, реакціонеровъ и отсталыхъ экономистовъ: «не можетъ». Почему же? «Ей негдѣ взять такую страшную сумму, въ бюджетѣ и безъ того дефицитъ», нація и безъ того обременена налогами, государственный долгъ и безъ того громаденъ». Ну, а Крымскую войну могла ли она вести? могла истратить на нее болѣе милліарда? И теперь можетъ начать новую войну, которая будетъ стоить еще гораздо дороже? Это она не только «можетъ сдѣлать, это она сдѣлала и сдѣлаетъ». Во вторыхъ, «неумѣнье или нежеланіе принять нужныя средства

тожественны, такъ какъ по его ученію все существующее и существовавшее, слѣдовательно все историческое—разумно, а потому и логично.

[1]) Такой образъ мыслей развитъ Чернышевскимъ съ полною ясностью въ вышеприведенной статьѣ его: „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія.“

[2]) Экон. дѣят. и закон., стр. 120—122.

смѣшиваютъ съ невозможностію предмета. Напримѣръ, въ Англіи государство не успѣваетъ улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ посредствомъ подати въ пользу бѣдныхъ; изъ этого заключаютъ, что государство и не можетъ помочь имъ прямымъ образомъ. Но какъ употребляются деньги, доставляемыя этою податью? Обращаются ли онѣ на отстраненіе причинъ, производящихъ бѣдность? Нѣтъ, напротивъ, употребляются такъ безразсудно, что содѣйствуютъ усиленію этихъ причинъ... Если есть охота, если есть умѣнье, — область возможнаго очень велика... изъ нихъ главное — охота: умѣнье всегда приходитъ вслѣдъ за нею» [1]). Такимъ образомъ, здравый разсудокъ сводится постепенно на доброе желаніе, на охоту къ извѣстному дѣлу, вслѣдствіе чего область возможнаго можетъ быть расширена до безконечности. Другая ограничительная норма есть справедливость; но и эта норма надѣваетъ узду на доброхотныхъ дѣятелей только въ томъ случаѣ, если они хотятъ чего либо неблагопріятнаго правамъ человѣческой личности, потому что, по опредѣленію Чернышевскаго, «справедливо то, что благопріятно правамъ человѣческой личности; всякое нарушеніе ихъ противно справедливости; потому отстраненіе всего противнаго человѣческимъ правамъ требуется справедливостью» [2]). О человѣческихъ правахъ, конечно, естественныхъ, а не историко-юридическихъ, Чернышевскій умалчиваетъ, остерегаясь, вѣроятно, цензуры, которая, несмотря на всю свою снисходительность въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, могла бы косо взглянуть на изложеніе теоріи этихъ правъ въ повременныхъ изданіяхъ; но

[1]) Тамъ-же.

[2]) Стр. 122.

это умалчиваніе только обобщаетъ изложенную имъ теорію партіи дѣйствія. То ссылаясь на Гегеля, то прибѣгая къ примѣрамъ, легко примѣнимымъ ко всякому государству, говоря съ своею аудиторіею болѣе всего языкомъ междустрочнымъ, «извиваясь, по выраженію Щедрина, какъ вьюнъ на сковородѣ», Чернышевскій при помощи цензурныхъ изданій формулировалъ съ достаточною ясностію слѣдующую программу дѣйствія:

1) Для переустройства началъ экономическаго быта не слѣдуетъ стѣсняться ни настоящимъ, ни историческимъ прошлымъ народа, коль скоро это переустройство имѣетъ въ виду установленіе справедливости. Нечего бояться искусственности въ созиданіи новаго порядка вещей, потому что весь человѣческій прогрессъ держится на искусственности, «насплованіи натуральнаго порядка». «По нашему, говоритъ онъ, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Луи-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пашущихъ землю, — вѣдь это тоже насплованіе натуральнаго порядка» [1]).

2) Все неблагопріятное правамъ человѣческой личности не только можетъ, но и должно быть устранено.

3) Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта; это неизбѣжно и съ развитіемъ просвѣщенія само собою наступитъ для всего человѣчества черезъ какіе нибудь 150 лѣтъ съ небольшимъ; но этотъ срокъ можно сократить соотвѣтствующимъ переустройствомъ, устраненіемъ всего неблагопріятнаго правамъ человѣческой личности, — была бы только охота, а умѣнье само собою явится.

---

[1]) Стр. 125.

4) Самый процессъ ускоренія совершается черезъ простое сближеніе отставшаго съ передовымъ [1]).

Въ присутствіи цензора трудно было высказать что либо болѣе опредѣленное.

Чернышевскій ничего не имѣетъ противъ вмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Онъ самъ призываетъ это вмѣшательство, горячо споритъ съ послѣдователями теоріи Жана Батиста Сэ и прямо заявляетъ, что «гдѣ нѣтъ закона, тамъ произволъ, а произволъ самъ по себѣ есть стѣсненіе» [2]). По его мнѣнію, «безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ устанавляемыхъ разсудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самыми потребностями» [3]). Когда общество дойдетъ до того, что «каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта», тогда, конечно, законы окажутся излишними по причинамъ вышеизложеннымъ. Но при всемъ томъ Чернышевскій понимаетъ законъ далеко не въ общепринятомъ смыслѣ правительственнаго акта, въ законодательномъ порядкѣ изданнаго. Онъ присвоиваетъ наименованіе закона исключительно такому законодательному акту, который соотвѣтствуетъ понятію о справедливости, т. е. непосредственно благопріятствуетъ правамъ человѣческой личности, иначе: «ограждаетъ и развиваетъ свободу»; всякое же законодательное постановленіе, не имѣющее этого непосредственнаго характера, онъ именуетъ регламентаціей и считаетъ нелѣпостью [4]).

---

[1]) Крит. филос. пред. пр. общ. влад., стр. 35, 43.

[2]) Экон. дѣят. и закон., стр. 108.

[3]) Стр. 96. [4]) Стр. 103.

По спеціальному вопросу объ организаціи экономическаго быта крестьянъ, Чернышевскій становится на сторону общиннаго порядка, въ защиту котораго написана имъ, между прочимъ, статья: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія». Послѣдователи системы индивидуальной собственности приводили въ доказательство несостоятельности общиннаго порядка примѣръ западной Европы, гдѣ этотъ порядокъ существовалъ въ свое время, но мало по малу уступилъ мѣсто индивидуальному владѣнію, какъ болѣе совершенной формѣ поземельной собственности. Чернышевскій не видитъ надобности, съ философской точки зрѣнія, къ такой замѣнѣ одной формы другою. Самый процессъ развитія этого не требуетъ, потому, будто бы, что «по формѣ высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго она отправляется»—это основной принципъ шеллинговой философіи. Для чего же тогда уничтожать ту именно форму, къ которой, совершивъ извѣстный циклъ развитія, жизнь приводитъ сама собою, въ силу неизбѣжнаго міроваго закона? Индивидуальная собственность, по мнѣнію Чернышевскаго, не есть конечная форма потому, что уже въ настоящее время она не удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ производства. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обработывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостью или безъ нея); но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только въ самой незначи-

тельной степени участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ при частной собственности огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею, за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства и съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство» [1]).

Въ приведенной выпискѣ сначала указывается на

[1]) Женев. изд. 1877 г., стр. 27—28.

то, что личная поземельная собственность перестала быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли, а ниже, въ пользу общиннаго владѣнія, безъ всякой связи съ предыдущимъ, приводится уже тотъ доводъ, что при системѣ личной собственности огромное большинство земледѣльцевъ устранено отъ пользованія вознагражденіемъ за улучшенія, производимыя трудомъ. Но если бы даже повѣрить Чернышевскому въ его логичности на слово, какъ это дѣлала университетская молодежь, въ средѣ которой онъ постоянно вращался въ періодъ своей литературной дѣятельности въ Петербургѣ [1]), и признать, что и то, и другое обстоятельство могутъ служить достаточными аргументами въ пользу замѣны личной поземельной собственности общиннымъ владѣніемъ, то и тогда можетъ имѣть мѣсто вопросъ: дѣйствительно ли эти обстоятельства обладаютъ придаваемымъ имъ характеромъ фактическихъ данныхъ. дѣйствительно ли фермерскіе капиталы и трудъ, затраченные на улучшеніе земли, остаются безъ вознагражденія, уступая его владѣльцу, который будто бы одинъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія? Не только подобныя явленія никогда и нигдѣ не имѣли мѣста, но одной вѣроятности было бы достаточно, чтобы цѣлый классъ фермеровъ превратить изъ культурныхъ дѣятелей, какими они являются на Западѣ, въ эксплуататоровъ, истощающихъ почву и вообще истребляющихъ естественныя богатства, какими они являются, напр., у насъ. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что и на Западѣ въ дѣлѣ

[1]) По словамъ его біографа, Чернышевскій удалялся отъ большаго свѣта литературы и работалъ съ утра до ночи, бесѣдуя съ молодыми студентами („Судъ надъ Чернышевскимъ“, при изданіи его сочиненія „Лессингъ“ и проч. Элпидинымъ, 1877 г.).

улучшенія почвы фермерамъ принадлежитъ далеко не первенствующее мѣсто. Въ Англіи, гдѣ фермерство достигло своего наивысшаго развитія, постоянно усиливающаяся потребность въ увеличеніи земледѣльческихъ продуктовъ вызвала разработку земель низкаго качества, а приготовленіе подъ пашню такихъ земель и примѣненіе на широкихъ основаніяхъ паровыхъ двигателей къ земледѣлію требуютъ капиталовъ, которые становятся рѣшительно не подъ силу фермерамъ и могутъ быть затрачиваемы только самими землевладѣльцами [1]), составляющими, какъ извѣстно, въ этой странѣ классъ крупныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Какъ невозможно найти даромъ улучшающихъ почву фермеровъ, такъ невозможно найти и даровыхъ работниковъ, какимъ-то чудомъ улучшающихъ почву трудомъ безъ затраты капитала. Развѣ плата за трудъ не есть затрата капитала? А разъ эта плата производится, очевидно, что всякое новое улучшеніе посредствомъ труда дастъ новые заработки тѣмъ, кто трудится. Чистая прибыль съ производительно затраченнаго капитала, при существующемъ экономическомъ порядкѣ, конечно, поступаетъ въ пользу капиталиста, но чистая прибыль образуется за вычетомъ всѣхъ другихъ расходовъ, слѣдовательно прибыль валовая, сказывающаяся въ улучшеніи, поступаетъ далеко не въ исключительную пользу собственника. Вслѣдствіе обилія капиталовъ и происходящей отсюда незначительности размѣровъ чистой прибыли во всѣхъ отрасляхъ промыш-

[1]) Этотъ фактъ изъясненъ, между прочимъ, лордомъ Биконсфильдомъ въ рѣчи, произнесенной нынѣшнимъ лѣтомъ на банкетѣ у лорда мэра. Несостоятельность фермеровъ въ виду современныхъ требованій земледѣльческой промышленности имѣла послѣдствіемъ особенно усиленное въ текущемъ году выселеніе ихъ въ Америку.

ленности, вопросъ о наибольшей производительности имѣетъ на Западѣ значеніе жизненнаго вопроса для всякаго предпріятія; земледѣльческая промышленность, несмотря на свой привиллегированный характеръ въ нѣкоторыхъ странахъ по отношенію къ собственникамъ, не миновала общей участи, а потому естественно возникъ вопросъ о выборѣ между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ и, вслѣдствіе развитія крупной промышленности вообще, выборъ естественно сталъ склоняться на сторону крупнаго землевладѣнія Но отсюда до идеи объ общинномъ порядкѣ еще далеко; къ тому же противниками этой идеи являются именно мелкіе собственники, которымъ годъ отъ году становится труднѣе выдерживать конкурренцію съ крупными землевладѣльцами. Такое настроеніе мелкихъ собственниковъ достаточно подтверждается какъ самыми фактами, такъ и свидѣтельствомъ публицистовъ, подобныхъ Прудону, личное расположеніе которыхъ въ пользу общиннаго владѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вопросъ объ этой отжившей формѣ собственности на Западѣ поднятъ и поддерживается исключительно соціалистическою партіей и сравнительно небольшимъ числомъ экономистовъ. склоняющихся на сторону соціалистическаго ученія въ вопросѣ о способѣ вознагражденія за трудъ и большей производительности послѣдняго; но въ своей цѣли онъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ достиженія высшей степени производительности земледѣльческой промышленности, а лишь болѣе равномѣрное распредѣленіе богатствъ между членами общества, такъ называемую эмансипацію четвертаго сословія.

На сколько всѣ эти вопросы далеки отъ постановки на очередь въ экономической жизни нашего отечества, Чернышевскому не могло быть неизвѣстно,

какъ русскому экономисту [1]). Усматривая въ общинномъ владѣніи «высшую форму отношеній человѣка къ землѣ» и потому дѣлая его общимъ правиломъ землевладѣнія, онъ самъ находитъ нужнымъ анализировать факты для разрѣшенія вопроса: «дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе» [2]). Но Чернышевскій, какъ и вся партія дѣйствія, созданная непосредственно имъ или образовавшаяся подъ его вліяніемъ, пользовалась и кстати и не кстати философскими наведеніями и примѣрами изъ западноевропейской жизни для пропаганды идеи экономическаго устройства по фурьеристскому типу, нисколько не заботясь о своевременности и успѣшности своей агитаціи. О человѣкѣ, раздѣляющемъ принципъ «вѣчнаго отверженія» (по Гегелю) формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, ради усиленія «того же стремленія», ради высшаго развитія того же содержанія, Чернышевскій говоритъ въ поясненіе проводимой сквозь цензурныя путы мысли: «о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab'mein Sach'auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt, —

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: «пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ

---

[1]) Примѣчанія и дополненія къ „основаніямъ политической экономіи“ Дж. Ст. Милля доставили Чернышевскому почетный отзывъ, съ наименованіемъ „замѣчательнаго русскаго экономиста“, въ средѣ бельгійскаго интернаціонала (вышеприв. записка Брюссельской секціи на конгрессѣ 1875 г.).

[2]) Крит. фил. пред и проч., стр. 28.

концѣ концовъ всетаки на нашей улицѣ праздникъ» [1])!

Въ такихъ «цензурныхъ» выраженіяхъ подстрекала наша публицистика шестидесятыхъ годовъ къ безпощадному отверженію всего отживающаго свое время, по понятіямъ «новыхъ людей», къ безшабашному стремленію къ передѣлкамъ: «пусть будетъ, что будетъ!»

«А вотъ, продолжаетъ онъ, намекая на возможность миновать въ жизни посредствующіе логическіе моменты, второй принципъ— о, второй принципъ чуть ли не интереснѣе даже перваго! Какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ называемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или другаго учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе,—готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ, мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ:

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,—
Но то, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ [2])».

Чернышевскій шелъ гораздо далѣе Герцена въ своей теоріи возможнаго.

Герценъ писалъ къ Мишле въ 1851 году: «Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ въ

[1]) Тамъ-же, стр. 47.
[2]) Стр. 47—48.

свѣтѣ; что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому?... Но что служитъ исходной точкой новой исторіи Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?» Въ 1857 году онъ въ слѣдующихъ словахъ обрисовывалъ наиболѣе характерныя черты гражданскаго и экономическаго склада русской жизни: «въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта. въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужаго—мы имѣемъ шагъ передъ народами вполнѣ сложившимися и усталыми» [1]). Наконецъ, онъ былъ убѣжденъ, что «Россія никогда не будетъ juste-milieu [2]), что «русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію», не болѣе, «какъ посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европою», и что «человѣкъ будущаго въ Россіи- мужикъ, точно также какъ во Франціи работникъ» [3]). Но въ то же время онъ горячо возставалъ противъ людей, полагающихъ возможнымъ «начать экономическій переворотъ съ tabula rasa, съ вникиванья то тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это съ своими полосами и плевелами, составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утѣшеніе». «Съ консерватизмомъ народа, говоритъ онъ, труднѣе бороться чѣмъ съ консерватизмомъ трона и амвона. Правительство и церковь сами початы духомъ отрицанія, борьба мысли не даромъ шла подъ ихъ ударами: она заразила разящую руку; самозащищеніе правительства корыстно и гоненія церкви ли-

[1]) „Еще варіація на старую тему". Т. X, стр. 291.

[2]) Русск. нар. и соц., стр. 41.

[3]) Тамъ-же, стр. 29.

цемѣрны» [1]). Но «народъ консерваторъ по инстинкту и потому, что онъ не знаетъ ничего другаго; у него нѣтъ идеаловъ внѣ существующихъ условій; его идеалъ буржуазное довольство, такъ какъ идеалъ Атта-Троля у Гейне абсолютно бѣлый медвѣдь» [2]). Герценъ заканчиваетъ свою мысль слѣдующимъ справедливымъ замѣчаніемъ: «Нельзя людей освобождать въ наружной жизни больше, чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что *народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы* [3])».

Эти свидѣтельствующія о вѣрномъ взглядѣ на народную сущность слова революціонера по духу, соціалиста по убѣжденію, писаны въ 1869 г.; но въ то время наша партія дѣйствія уже прошла школу «новыхъ людей» и голосъ «съ того берега» считала отсталымъ, какъ нѣкогда Бакунинъ «уличалъ въ консерватизмѣ» французскихъ революціонеровъ 1848 года. Въ эту эпоху гораздо большее вліяніе имѣлъ Бакунинъ; онъ ободрялъ и даже подстрекалъ нашихъ агитаторовъ идти по избранному ими пути; но не имъ былъ данъ первый толчекъ тому направленію, которое приняли нечаевцы, а за ними новѣйшее «Общество Народнаго Освобожденія». Еще на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1868 году онъ заявлялъ, что «честь» составленія разрушительной программы дѣйствія, приведшей въ смущеніе западно-европейскихъ представителей Лиги, принадлежитъ всецѣло русской молодежи, которая въ томъ же духѣ, хотя и

[1]) Сб. посм. ст., изд. 1874 г., стр. 306.
[2]) Тамъ-же, стр. 306—307.
[3]) Стр. 307.

въ иной формѣ, тайно отпечатала въ Россіи, въ 1862 году, воззваніе, извѣстное подъ именемъ манифеста Молодой Россіи [1]).

Ничего разрушительнѣе нигилизма не придумывалъ ни Бакунинъ въ своей неутомимой жаждѣ разрушенія троновъ, амвоновъ и государствъ всего міра. ни самъ патріархъ подпольныхъ агитаторовъ нынѣшняго вѣка—Кай Гракхъ [2]) Бабефъ, ни его ученики-соучастники, ни кто-либо изъ послѣдующихъ революціонеровъ и заговорщиковъ противъ общественнаго спокойствія и безопасности. Французскіе революціонеры никогда не забывали прикрываться знаменемъ братства и равенства; Прудонъ и порожденные имъ анархисты отрицали всякую форму государственнаго устройства, требовали ликвидаціи общества, но возставали противъ коммунизма во имя человѣческой нравственности и отступали передъ такими мѣрами, которыя не могли найти сочувствія въ народѣ. Наши нигилисты не только отрицали все, что̀ до нихъ было отрицаемо, но и всю нравственную сторону человѣческой природы; нежеланіе народа идти за ними не составляло для нихъ никакого препятствія: они шли, куда сами хотѣли, дѣлали, что имъ вздумается.

Такое направленіе никоимъ образомъ не могло явиться преемственно, какъ революціонная традиція, видоизмѣненная сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста. Съ другой стороны, только человѣкъ, совершенно оторванный отъ жизни общества, изолированный или почему либо иному чуждый народу, можетъ сдѣлать свое *я* исходнымъ пунктомъ революціоннаго

---

[1]) Истор. разв. инт., ч. I, стр. 354.

[2]) Его настоящее имя Франсуа-Ноэль Al. Sudre: Histoire du communisme, pp. 289—306.

движенія. По заявленію Бакунина, нашу революціонную фалангу составляютъ: по образованію—молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ гимназій, и университетовъ; по общественному положенію—дѣти мѣщанъ или раззорившагося мелкаго дворянства, юноши, почти лишенные средствъ къ существованію, «въ особенности» же дѣти сельскаго духовенства, «большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе, притомъ самые умные и сильные, вырываются оттуда полные энергіи и ненависти ко всему существующему строю» [1]). Не соприкасаясь еще съ этимъ строемъ въ дѣйствительной жизни, они уже полны ненависти къ нему. Бакунинъ говоритъ правду; такъ дѣйствительно было. Это «огорченные», «униженные и оскорбленные» нашей литературы, которыхъ, однако, никто не огорчалъ, никто не унижалъ и не оскорблялъ. Напротивъ, о нихъ заботились: ихъ учили; но они вырываются изъ школы, по выраженію Бакунина. Чтобы духъ отрицанія могъ овладѣть юношей до степени озлобленія на весь окружающій міръ, недостаточно тѣхъ «серьезныхъ книгъ», о которыхъ говоритъ Писаревъ, недостаточно даже учителей — совратителей юношества, занимающихъ не послѣднее мѣсто въ исторіи революціоннаго движенія въ нашемъ отечествѣ. Для того, чтобы утопія могла дѣйствовать съ полною силою даже на незрѣлое воображеніе, необходимо, чтобы въ настоящей жизни или въ неминуемо предстоящей будущности молодаго человѣка заключалась почва, способная ростить сѣмена извѣст-

[1]) Четв. рѣчь на конгрессѣ Лиги Мира и Свободы. Истор. разв. инт., ч. I. стр. 355.

наго ученія, начала прямо противоположныя основамъ существующаго порядка вещей. Это одинаково необходимо какъ для успѣховъ пропаганды, такъ и для образованія пропагандистовъ. Бакунинъ потому возлагалъ надежды на русскую революціонную фалангу, что она состоитъ изъ молодежи, стремящейся къ уничтоженію существующаго порядка вещей не только по принципамъ, но, «что еще важнѣе, по самому своему положенію» [1]).

До реформы 19 февраля дворянство было и обезпеченнѣе и усидчивѣе на мѣстахъ. Пролетаріи изъ его сословія всегда находили пріютъ въ деревняхъ у скучающихъ помѣщиковъ. Рѣзкая розпь, существовавшая между ними и людьми изъ крѣпостнаго состоянія, мѣшала даже и думать о сліяніи съ народомъ. Положеніе пролетарія изъ высшаго сословія было, конечно, унизительно само по себѣ, какъ положеніе мелкой польской шляхты при дворахъ магнатовъ; но мѣстное значеніе дворянства и постоянная потребность правительства въ служилыхъ людяхъ всегда открывали возможность молодымъ людямъ пристроиться такъ или иначе, сообразно своему званію и привычкамъ, не прибѣгая къ мускульному труду. Меньшая требовательность въ образовательномъ цензѣ также значительно облегчала доступъ на государственную или общественную, по выборамъ отъ дворянства, службу. Наконецъ, дешевизна жизни и отсутствіе спекулятивныхъ тенденцій въ помѣщичьей средѣ давали возможность существовать цѣлымъ семьямъ при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Нельзя не упомянуть также и о томъ, что сословный духъ естественно развивалъ товарищество, равенство происхожденія сглаживало неравенство состояній. Бѣд-

[1]) Тамъ-же, стр. 356.

ный дворянинъ гордился своимъ происхожденіемъ, гордился своимъ правомъ служить государю, гордился своими заслугами и отличіями, полученными на служебномъ поприщѣ. Послѣднія привлекали даже и лицъ не дворянскаго происхожденія, потому что давали почетъ въ дворянской средѣ и, награждая правами потомственнаго дворянства, награждали дѣйствительными преимуществами и такими выгодами въ общественномъ положеніи человѣка, которыя ни съ чѣмъ не могутъ быть сравнены въ настоящее время, если не ставить имъ въ параллель благосостоянія крупныхъ капиталистовъ новѣйшаго происхожденія.

Приведенныя выше статистическія данныя о переходѣ помѣщичьей собственности въ другія руки и уменьшеніи численности дворянскаго сословія служитъ яснымъ указаніемъ на разстройство экономическаго быта дворянъ. Но такъ какъ прежде, чѣмъ выразиться въ подобныхъ цифровыхъ данныхъ, неблагопріятныя условія для существованія цѣлаго сословія должны принять въ самой жизни чрезвычайно острый характеръ, то эти данныя служатъ не полнымъ выраженіемъ, а только главнѣйшими чертами послѣдствій измѣненнаго порядка вещей. Вся тяжесть этихъ послѣдствій легла, конечно, на болѣе слабыхъ. Мелкопомѣстные потеряли свою самостоятельность — независимыя средства къ существованію; безземельные, лишившись сословной поддержки, очутились въ положеніи худшемъ рабочаго пролетаріата, потому что не могли заниматься ремеслами, не умѣли работать и не имѣли времени приготовиться къ новымъ условіямъ жизни, наступившимъ совершенно неожиданно для большинства [1]). Положеніе дворянскаго пролета-

[1]) За годъ до Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 года Ю. О. Самаринъ писалъ въ своей запискѣ о крѣпостномъ состояніи:

ріата послѣ 1861 года можно сравнить, и то лишь въ его слабѣйшихъ проявленіяхъ, съ положеніемъ рабочаго пролетаріата въ моменты промышленнаго кризиса. Если это положеніе не сказалось ощутительно для общественнаго спокойствія тотчасъ же, то причинами тому были, во первыхъ, изолированность поставленныхъ въ тяжелое положеніе семей и лицъ, во вторыхъ, болѣе высокая нравственность пролетарія-дворянина, не допускавшая его до совершенія преступленія противъ собственности общаго характера. Но та же причина, которая понуждаетъ на непосредственное правонарушеніе грубаго человѣка, дѣйствующаго болѣе по инстинкту, не знающаго иныхъ лишеній кромѣ крайнихъ ощущеній голода и холода, въ человѣкѣ болѣе развитомъ, думающемъ объ удовлетвореніи не одинѣхъ только инстинктивныхъ потребностей, зарождаетъ прежде всего сознаніе неправоты по отношенію къ нему лично исторически сложившагося или узаконеннаго порядка вещей. Какъ тотъ такъ и другой преступны передъ обществомъ и передъ охраняющимъ его закономъ; но человѣкъ развитой преступенъ не по инстинкту, а сознательно; движимый лишеніями и даже нуждою онъ не крадетъ и не грабитъ перваго встрѣчнаго, первую попавшуюся подъ руки вещь, какъ большинство воровъ и грабителей по нуждѣ; но онъ возмущается экономическимъ поряд-

---

«Правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство: оно изъято безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно; самые отдаленные намеки на вредныя его стороны преслѣдуются цензурою съ безпощадною строгостью; наконецъ, въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали являться апологіи крѣпостнаго права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ, религіозно-нравственныхъ началъ—апологія самаго существа крѣпостнаго права". Полн. собр. соч., т. II, стр. 21.

комъ, заставляющимъ его завидовать участи чернорабочаго, довольнаго тѣмъ, что имѣетъ работу; возмущается закономъ, ограждающимъ этотъ порядокъ: ненавидитъ классы, живущіе въ довольствѣ подъ охраною этого закона: ненавидитъ создаваемыя ими или ими поддерживаемыя правительства; словомъ сказать, онъ озлобляется на все окружающее, безо всякаго постороннято внушенія становится готовымъ государственнымъ преступникомъ по своимъ чувствамъ и овладѣвшему его сознаніемъ отрицанію существующаго общественнаго и государственнаго строя. По самой сущности своихъ стремленій, по ихъ исходной точкѣ, такой человѣкъ не имѣетъ и не можетъ имѣть живой связи ни съ народомъ, историческую жизнь котораго отрицаетъ въ его настоящемъ, ни даже съ національностью, къ которой принадлежитъ, но сущность которой остается ему чуждою по духу. Соціалистъ всегда космополитъ и не только не бываетъ, но и не можетъ быть націоналистомъ. Поэтому прежде, чѣмъ сдѣлаться преступникомъ передъ законами своего государства, онъ становится интернаціональнымъ врагомъ экономическаго порядка, въ главныхъ своихъ чертахъ общаго всѣмъ цивилизованнымъ странамъ [1]). На этомъ основаніи предположеніе, что соціалистическое движеніе можетъ быть остановлено или предотвращено дарованіемъ болѣе широкихъ политическихъ правъ [2])—не выдерживаетъ критики; эти права повели бы только къ усиленію аги-

[1]) Это обстоятельство слѣдовало бы имѣть въ виду при заключеніи международныхъ трактатовъ о выдачѣ преступниковъ. Къ сожалѣнію бывшій недавно въ Брюсселѣ съѣздъ ученыхъ представителей международнаго права не пришелъ по этому предмету ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ.

[2]) Какъ полагаетъ, напр., проф. Градовскій и нѣкоторые органы нашей печати („Новое время“, „Русская правда“ и др.).

таціи: никакія права, не имѣющія непосредственною цѣлью измѣненіе экономическаго быта самихъ агитаторовъ, не могутъ ослабить ихъ стремленія къ перевороту, напротивъ, предоставляя имъ бо́льшую свободу слова и дѣйствія, они превращали бы въ законное явленіе пропаганду и сходки, которыя при ограниченности этой свободы считаются противозаконными и потому могутъ быть въ значительной степени предотвращены хорошо организованною и имѣющею власть полиціей. Мѣры строгости, въ соединеніи съ дѣятельностію полицейскихъ властей, не искореняютъ исходной причины неудовольствія, но естественно препятствуютъ его проявленію и попыткамъ распространенія изъ кружковой среды въ народъ. Движеніе къ политическому либерализму, ведущее свое начало отъ декабристовъ, шло и идетъ совершенно другими слоями общества, чѣмъ соціалистическая пропаганда. Первое составляло и составляетъ достояніе классовъ имущихъ; вторая вышла непосредственно изъ пролетаріата и имъ держится. Вслѣдствіе исключительныхъ особенностей этого пролетаріата, не составляющаго массы, соціалистическое движеніе у насъ неминуемо должно было обостриться. Его не умѣряли никакія непосредственныя задачи рабочихъ массъ, съ которыми можно сойтись только въ кругѣ ихъ понятій и на условіи удовлетворенія ихъ ближайшихъ нуждъ. Пролетаріатъ дворянскій, сравнительно новаго происхожденія, и давній пролетаріатъ изъ среды духовенства поставлены далеко не въ одинаковыя условія съ жизнью простаго народа, въ особенности же сельскаго населенія. Иныя потребности, иныя понятія. Наши «новые люди» были вполнѣ новыми людьми, безъ малѣйшихъ слѣдовъ преемственности ни отъ народа, начавшаго свою новую исторію

съ 1861 г., ни отъ подпольныхъ и явныхъ либеральныхъ движеній прошлаго времени. Если нѣкоторые изъ нихъ и ссылаются на Стеньку Разина и Пугачева, то единственно по недоразумѣнію, а о декабристахъ или петрашевцахъ никто и не вспоминалъ; даже Герценъ во многомъ чужой для нихъ человѣкъ. Окончательно организованное передъ польскимъ мятежемъ и въ связи съ нимъ тайное общество «Земля и воля» было лишь слабымъ отпрыскомъ сепаратистовъ по программѣ петрашевцевъ, но съ подавленіемъ мятежа оно распалось само собою, несмотря даже на свой соціалистическій оттѣнокъ и на то, что большинство его членовъ успѣло избѣгнуть законнаго преслѣдованія [1]).

Въ первое время «новые люди» какъ бы изобрѣли свое ученіе исключительно для себя. Въ немъ сказывались крайняя эгоистичность и полнѣйшая изолированность отъ интересовъ массы. На первомъ планѣ стояла не эмансипація рабочаго класса, а эмансипація личности, не организація труда, а приспособленіе его къ личнымъ цѣлямъ каждаго.

Пролетаріатъ изъ дѣтей приходскаго духовенства, подъ вліяніемъ «духа времени» отказавшихся отъ священнической рясы, изъ дѣтей дворянъ и чинов-

---

[1]) Ткачевъ говоритъ: „Число членовъ общества доходило до 1.500 чел. Послѣ неудачи польскаго возстанія, ареста многихъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей общества и начавшейся затѣмъ реакціи, общество распалось, или, лучше сказать, разложилось, на нѣсколько самостоятельныхъ революціонныхъ кружковъ. Такимъ образомъ, эта тайная организація умерла, если можно такъ выразиться, своей естественной смертью; правительство, несмотря на всѣ поиски, ничего не открыло, ни одинъ изъ арестованныхъ членовъ не могъ быть суднмъ за принадлежность къ ней. Большинство же членовъ не только не подверглось никакимъ преслѣдованіямъ, но даже осталось и навсегда останется совершенно, абсолютно неизвѣстнымъ полиціи". Набатъ, 1878, стр. XXXIX.

никовъ, сторонившихся отъ своихъ отцовъ, какъ отъ «взяточниковъ и низкопоклонниковъ» [1]), и подъ вліяніемъ того же духа времени и литературы, — предававшей поруганію все служилое, — отшатнувшихся отъ служебной карьеры, «чтобъ заняться чѣмъ нибудь болѣе соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству» [2]), пролетаріатъ, съ такими основными элементами и примѣсью мелкаго мѣщанства, пробившагося къ высшему образованію и потому порвавшему всякую связь съ ремесломъ и прилавкомъ, не былъ обремененъ ежедневною заботою объ уплатѣ недоимокъ по налогамъ и сборамъ, о прокормленіи семьи, призрѣніи стариковъ и увѣчныхъ—этими насущными вопросами крестьянина и фабричнаго рабочаго; для него весь вопросъ сводился на устройство личной судьбы въ новой жизни, связь которой съ традиціями дѣтства порвана на всегда и безповоротно. Съ положеніемъ этого «мыслящаго пролетаріата» какъ нельзя болѣе согласовался принципъ Фурье о свободномъ выборѣ занятій. Чернышевскій былъ очень хорошо знакомъ съ другими соціалистическими ученіями, напр., съ ученіемъ Сенъ-Симона и непосредственныхъ его учениковъ: Базара, Анфантена и Ог. Конта [3]), однако не рѣшился предложить ни одного изъ этихъ ученій своей аудиторіи, вѣроятно, потому собственно, что въ

---

[1]) „Наши усыпители“, стр. 3. Соч. Д. И. Писарева, ч. 4.

[2]) Біографъ Чернышевскаго ставитъ послѣднему въ заслугу совращеніе молодыхъ чиновниковъ въ Саратовѣ (гдѣ Чернышевскій былъ учителемъ гимназіи въ началѣ 59-хъ годовъ), которые подъ его вліяніемъ выходили въ отставку именно для того, „чтобы заняться чѣмъ нибудь болѣе соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству“ („Судъ надъ Чернышевскимъ“, стр. VII).

[3]) Объ основательномъ знакомствѣ съ этими ученіями свидѣтельствуетъ обстоятельно разобранный имъ процессъ Анфантена и его секты въ сочиненіи „Іюльская монархія.“

нихъ и рѣчи не было о свободномъ выборѣ занятій, а шла, напротивъ, рѣчь объ обязательномъ трудѣ и серьезныхъ научныхъ работахъ (Сенъ-Симона). Выйдя самъ изъ среды той же молодежи, которой впослѣдствіи сдѣлался наставникомъ съ школьной каѳедры и въ критическомъ и политическомъ отдѣлѣ „Современника», а также у себя на дому, онъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Кому изъ студентовъ на первыхъ же порахъ не приходилось самому избирать свою спеціальность? Фурье же говоритъ, что иначе и быть не должно,—значитъ его принципъ не только справедливъ, но и практически вѣренъ. Съ этой стороны побѣда надъ мыслящимъ пролетаріатомъ одержана полная. Оставалось подвинуть его на соотвѣтствующую дѣятельность, что́ также было достигнуто поднятіемъ въ учащейся молодежи самомнѣнія и внушеніемъ ей надежды на успѣхъ. Этому преступному дѣлу помогли сами обстоятельства. Постоянно слыша, что высшая школа есть разсадникъ свѣжихъ нравственныхъ силъ въ обществѣ и въ народѣ, учащаяся молодежь во всѣ времена склонна проводить въ жизнь теоретически усвояемые ею принципы. Когда естественное поступательное движеніе народной жизни не ускоряется напискомъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ преобразованій, тогда просвѣщенныя наукою свѣжія силы молодежи входятъ въ общее движеніе на пополненіе энергіи отживающихъ свое время двигателей и поступательное движеніе продолжается безостановочно, не выходя изъ колеи стараго, т. е. историческаго пути. Но когда движеніе, сообщенное преобразованіемъ, расшатываетъ всѣ старыя основы, каковъ бы ни былъ характеръ послѣднихъ, общественная жизнь уже не можетъ удержать своего равновѣсія и было бы даже странно надѣяться на прежъ-

нюю ея устойчивость. Едва ли найдутся несогласные съ тѣмъ, что въ минувшее десятилѣтіе въ отношеніяхъ между собою общественныхъ слоевъ и въ ходѣ государственнаго механизма сдѣлано у насъ болѣе преобразованій, чѣмъ въ теченіе предшествовавшаго этому историческому періоду цѣлаго столѣтія.

Великія реформы нынѣшняго царствованія отворачивали большинство, состоявшее тогда изъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ, готовящейся къ дѣятельности молодежи отъ начисто выскобленнаго изъ свода законовъ экономическаго и юридическаго прошлаго высшаго въ государствѣ сословія и всей массы сельскаго населенія, призывавшагося къ болѣе самостоятельной жизни; но взамѣнъ обреченнаго на вѣчное забвеніе прошлаго, составлявшаго, однако, единственную традицію этой молодежи, воспоминанія дѣтства, какую новую форму жизни готовила для нея будущность? Кто изъ людей тогдашняго общества могъ опредѣлить съ увѣренностью, на чемъ остановятся реформы, до какихъ границъ будетъ съуженъ кругъ дѣятельности правительственной администраціи?

При такихъ условіяхъ, въ самую эпоху преобразованій молодежь, какъ и всѣ остальные возрасты, не можетъ оставаться равнодушною къ событіямъ, ежедневно совершающимся за стѣнами учебныхъ заведеній; наиболѣе мыслящая часть изъ готовящихся къ дѣятельности уже не смотритъ на себя, какъ на контингентъ свѣжихъ силъ вполнѣ сложившагося общества, а придаетъ себѣ значеніе будущаго этого общества, перерождающагося, или, вѣрнѣе, перестраиваемаго на ея глазахъ. Ходячая фраза: «молодое поколѣніе есть будущее государства» понимается ею въ буквальномъ смыслѣ: она начинаетъ думать, что въ ней-то и есть вся суть, вся нравственная сила обнов-

ляющагося общества, что она, и только она, призвана продолжать поступательное движеніе естественнаго развитія, потому что все принадлежащее къ старѣйшему возрасту есть не болѣе, какъ «черноземъ» [1]), общественный пластъ, образовавшійся изъ остатковъ прежней органической жизни. Это самомнѣніе, вызванное обстоятельствами и поднятое на ходули литературою, въ свою очередь считавшею своимъ призваніемъ поучать общество и правительство, повело къ тому прискорбному явленію, что нашъ «мыслящій пролетаріатъ» не на шутку вообразилъ принципы своего круга единственно пригодными для новой жизни всего общества, имѣющими міровое значеніе.

Принципъ труда по избранію оказался несложнымъ и удобопримѣнимымъ. Трудъ получилъ характеръ исполненія пріятной обязанности по отношенію къ самому себѣ, чѣмъ-то дѣйствительно въ родѣ отправленія «физіологической потребности».

Моральные принципы, если можно назвать этимъ именемъ совѣты основывать всѣ свои дѣйствія на непосредственной природѣ, очищенной свободнымъ мышленіемъ отъ всего предразсудочнаго, отъ всего условнаго, преподаны Чернышевскимъ молодому поколѣнію въ романѣ «Что дѣлать?» съ такою цинической наготою, что приходится недоумѣвать, какими путями или по какимъ соображеніямъ этотъ романъ, писанный уже послѣ ареста его автора, могъ проникнуть въ печать [2]). Въ немъ положены главныя основанія своеобразной морали «новыхъ людей», отрицающей

[1]) Техническое выраженіе нашей молодежи реформенной эпохи для обозначенія старшаго возраста. „Отцы и дѣти“ Тургенева.

[2]) Со стороны цинизма романъ подробно разобранъ проф. Цитовичемъ въ брошюрѣ: „Что дѣлали въ романѣ Что дѣлать?“ Одесса 1879 г.

всякія обязанности по отношенію къ ближнимъ, возвышающей собственное сужденіе на степень непогрѣшимости и возводящей инстинктивное стремленіе къ наслажденію въ правило высшей нравственности, хотя и вполнѣ осуществимое только въ будущемъ. «Будущее, поучаетъ Чернышевскій, свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: на столько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, на сколько вы съумѣете перенести въ нее изъ будущаго». Мыслящій пролетаріатъ такъ и сталъ поступать тѣмъ съ большею охотою, что въ настоящемъ ему терять было нечего и не зачѣмъ было додумываться до содержанія будущаго, изъ котораго слѣдовало черпать все, что возможно, для счастія въ настоящемъ: программа поведенія дана въ самомъ романѣ «Что дѣлать?» Основная идея романа состоитъ въ томъ, какъ поясняетъ Писаревъ, что «людямъ мѣшаютъ наслаждаться или собственные ихъ предразсудки, или внѣшнія обстоятельства [1]). Прежде всего слѣдуетъ отрѣшиться отъ предразсудковъ, что́ вовсе не трудно для «новаго человѣка», т. е. для человѣка съ самостоятельнымъ образомъ мыслей, такъ какъ предразсудки — личное дѣло каждаго. Всякій обыкновенный человѣкъ, всякій «убѣжденный» [2]), коль скоро найдетъ свой любимый трудъ, можетъ не стѣс-

---

[1]) „Мыслящій пролетаріатъ“, стр. 43, соч. Д. И. Писарева, ч. IV, изд. 1867 г.

[2]) Это наименованіе нашими подпольными агитаторами членовъ своего круга („Кружковщина“ Дьякова, подъ псевдонимомъ Незлобина) заимствовано въ смыслѣ извѣстнаго изрѣченія Дж. Ст. Милля, что „одинъ человѣкъ съ убѣжденіями стоитъ 99 съ мнѣніями“. Наименованіе „новыхъ людей“ убѣжденными впервые пущено въ ходъ Писаревымъ. „Наши усыпители,“ стр. 4.

няться людскими предразсудками и жить по своему. Примѣромъ тому служатъ Лопуховъ и Кирсановъ, отрѣшившіеся отъ предразсудка семейной чести. Даже героиня романа, Вѣра Павловна, которая была еще не настолько «убѣждена», чтобы безъ всякаго возраженія допустить себя до свободнаго сожительства съ мужчиною внѣ брачнаго союза, и та отрѣшилась отъ предразсудка привязанности къ родителямъ и эмансипировала себя отъ родительской власти выходомъ замужъ какъ бы «до поры до времени». Что касается до борьбы съ внѣшними обстоятельствами, не зависящими отъ воли каждаго единичнаго человѣка, имѣющими стихійный характеръ, то такая борьба не подъ силу людямъ обыкновеннымъ. Для такой борьбы необходимы закаленные характеры, аскеты подобные Рахметову, готовые перенести всевозможныя лишенія и заглушающіе въ себѣ всякое живое чувство, кромѣ состраданія къ черному народу, уваженіе котораго къ себѣ они снискиваютъ своею непомѣрною физическою силою. Такіе люди стяжаютъ себѣ славу «Никитушки Ломова» или «Ваньки Каина» и, какъ слѣдовало ожидать, менѣе всего тратятъ времени на умственныя занятія.

Обоими этими типами, то въ чистомъ, то въ смѣшанномъ видѣ, изобилуетъ контингентъ нашихъ революціонеровъ, начиная съ 1863 г. Встрѣчаясь съ ними въ Лондонѣ, Герценъ далъ имъ мѣткое прозвище «дантистовъ базаровской безпардонной вольницы», а наиболѣе свирѣпыхъ называетъ «Собакевичами и Ноздревыми нигилизма» [1]). Несмотря на всю свою терпимость по отношенію къ государственнымъ преступникамъ, которыхъ считалъ

[1]) „Былое и Думы“: Общій фондъ, стр. 188.

мученикамш за правое дѣло, онъ въ слѣдующихъ краскахъ описывалъ новѣйшую русскую эмиграцію:

«Большею частью они не имѣли той выправки, которую дастъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

«Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебѣлыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ.

«Съ одной стороны реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отмѣстку. Вы лицемѣры, мы будемъ цинпками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

«Но съ другой стороны эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была

полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго «Пѣтуха», и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ также мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ...

«Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію, по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

«Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С. Милля ракальей, забывая всю службу его, — развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло...».

«Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ» [1]).

Быть можетъ Чернышевскій слишкомъ вѣрилъ въ умственную культуру мыслящаго пролетаріата и потому такъ слѣпо предложилъ ему положиться на свою собственную природу. Но эта послѣдняя оказалась

---

[1]) „Былое и Думы“: Общій фондъ, стр. 188—191.

искаженною неправильнымъ воспитаніемъ съ дѣтства, а умственная культура «новыхъ людей» далеко не достигла той высокой степени развитія, когда въ силу размышленія душевныя потребности берутъ рѣшительный верхъ надъ инстинктами животной природы человѣка. По отношенію къ той части молодежи, которая задумала освободиться отъ условныхъ формъ общежитія и установить независимыя правила поведенія, романъ Чернышевскаго имѣлъ такія же пагубныя и по всей вѣроятности не входившія въ планы автора послѣдствія, какія выпали на долю извѣстнаго «Assommoir» Эмиля Золя, сдѣлавшагося въ Парижѣ настольною книгою развращенныхъ юношей даже изъ порядочныхъ семействъ [1]). Реалистъ Писаревъ, по своей нигилистической сущности вѣрно отражавшій впечатлѣнія «мыслящаго пролетаріата», въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывался о Чернышевскомъ и его романѣ вскорѣ послѣ напечатанія послѣдняго: «Кто старается пробудить уваженіе обыкновенныхъ людей къ ихъ природѣ, возвысить уровень ихъ требованій, возбудить въ нихъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и внушить имъ надежду на успѣхъ, тотъ посвящаетъ свои силы великому и прекрасному дѣлу разумной любви; въ такой дѣятельности выражается живое стремленіе къ будущему, потому что свѣтлое будущее можетъ быть достигнуто только тогда, когда много единичныхъ силъ будетъ потрачено на такую дѣятельность. Романъ г. Чернышевскаго дѣйствуетъ

[1]) Процессъ Абади, бывшій нынѣшнимъ лѣтомъ въ парижскомъ ассизномъ судѣ, обнаружилъ, что мальчики отъ 14 до 17 лѣтъ, исключительно составлявшіе шайку этого также несовершеннолѣтняго вора и убійцы, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ основательно изучили Золя и взяли себѣ за образецъ наиболѣе циничныхъ и преступныхъ дѣятелей трущобнаго міра, изображеннаго талантливымъ беллетристомъ съ точностію фотографическаго снимка.

именно въ этомъ направленіи, между тѣмъ какъ вся остальная масса нашей беллетристики сама ходитъ ощупью и не дѣйствуетъ ни въ какомъ направленіи» [1]).

Романъ «Что дѣлать?» отвѣтилъ на вопросъ и далъ готовые образцы для подражанія. По нимъ кроила учащаяся молодежь жизнь своего круга и собственнымъ примѣромъ думала пропагандировать новую мораль, но въ дѣйствительности только нравственно калѣчила проходившіе сквозь кружковую жизнь, послѣдовательно смѣняя другъ друга, ряды новичковъ обоего пола. Эта разрушительная работа продолжается и въ наше время и будетъ продолжаться, покуда строгая нравственная опека не получитъ права гражданства, не будетъ утверждена радикальнымъ измѣненіемъ во внутренней администраціи и жизненной обстановкѣ учащихся въ нашихъ школахъ средняго и высшаго разрядовъ. Преемственность тенденцій того или другаго характера такъ понятна для всякаго, знакомаго съ условіями кружковой жизни, такъ очевидна для посторонняго наблюдателя, который можетъ судить по самому факту, — по наглядной типичности воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній, — что едва ли нужны какія либо доказательства въ подтвержденіе неоспоримаго воспитательнаго значенія не только программы преподаванія, но именно, и главнымъ образомъ, системы надзора за юношествомъ и образа жизни послѣдняго внѣ аудиторій и классныхъ комнатъ. Полумѣры въ этомъ отношеніи безсильны принести самомалѣйшую пользу, потому что дѣло идетъ не объ извѣстномъ направленіи, а объ искорененіи традицій, преемственно переходящихъ отъ

[1]) „Мыслящій пролетаріатъ“, стр. 40.

старшихъ возрастовъ къ младшимъ, иначе эти традиціи постоянно будутъ сворачивать въ сторону глубоко задуманныя и наиболѣе благонамѣренныя направленія. Традиція сильнѣе слова наставника, потому что она есть общественное мнѣніе кружка, всегда безпощаднаго въ отношеніи отщепенцевъ. Доброе мнѣніе кружка и въ прежнее время не разъ заставляло ложиться подъ розги, а въ наши дни побуждаетъ совершать злодѣянія, ведущія виновныхъ прямо на висѣлицу.

Упадокъ нравственности, отъ чего бы онъ не происходилъ,—отъ заглушенія ли человѣческихъ стремленій побужденіями насущной потребности животнаго организма, каковы, напр., потребности пищи и тепла, или отъ непосредственнаго искаженія нравственности неправильнымъ воспитаніемъ и ложными взглядами на жизненныя отношенія,—всегда имѣетъ непосредственнымъ результатомъ увеличеніе числа преступленій, такъ что криминальную статистику какого либо государства принимаютъ за мѣрило нравственнаго состоянія общества. Но преступленія государственныя считаются иногда доказательствомъ противнаго, т. е. указаніемъ на бо́льшую требовательность общества сравнительно съ нравственнымъ уровнемъ правительства: весьма многіе склонны принимать государственныхъ преступниковъ за людей, протестующихъ противъ правительственнаго насилія во имя обезпеченія правъ личности. Такой взглядъ раздѣляется не только людьми одного духа съ революціонерами по профессіи, но находитъ себѣ сторонниковъ и въ средѣ охраняющихъ общественное спокойствіе судебныхъ установленій, не говоря уже о представителяхъ юридической науки. Дѣйствительно исторія представляетъ не мало примѣровъ высокаго нравственнаго достоинства лю-

дей, принявшихъ на себя инпціативу въ заявленіи народныхъ нуждъ и пострадавшихъ за энергическое отстаиваніе праваго дѣла. Но когда движеніе, производящее смуту въ обществѣ, не имѣетъ народнаго характера, то какъ бы высоко гуманны ни были его цѣли сами по себѣ, оно безнравственно въ своемъ исполненіи, безнравственно уже потому, что есть прямое насиліе народной воли; нравственныя достоинства его вожаковъ по этому самому подлежатъ сомнѣнію. Когда же для того, чтобы достигнуть цѣли, заговорщиками употребляются средства, насилующія права отдѣльныхъ лицъ, тогда не только ихъ преступность, но и нравственная испорченность становятся фактомъ внѣ всякаго сомнѣнія. Убійство товарища [1]), обманъ отца и мошенническое пособничество въ этомъ безчестномъ поступкѣ [2]), соблазнъ дѣвушки [3]), ограбленіе кассы [4]), обманъ, при помощи подлоговъ, цѣлаго населенія темныхъ людей [5])—таковы главнѣйшія изъ проявленій глубокой нравственной испорченности, свидѣтельствующія не только о полнѣйшемъ неуваженіи личныхъ правъ, присущихъ каждому человѣку по самой его природѣ, но и о полнѣйшемъ забвеніи чувства собственнаго достоинства. Такія отличительныя черты внутренняго содержанія нашихъ агитаторовъ послѣдняго десятилѣтія вообще неизбѣжны, коль скоро революціонное движеніе выходитъ изъ области мышленія и переносится на реальную почву вопреки народному духу, становясь, такимъ образомъ, прямымъ

[1]) Дѣло Нечаева и сообщниковъ.

[2]) Боломезъ и Чубаровъ, въ процессѣ 28, судившихся Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ.

[3]) Факты, приводимые въ „Кружковщинѣ“ Дьякова.

[4]) Дѣло объ ограбленіи херсонскаго казначейства.

[5]) Чигиринское дѣло.

насиліемъ, а не выраженіемъ народной воли. Это движеніе всецѣло принадлежитъ мыслящему пролетаріату и ни на шагъ не ушло отъ его идей, привычекъ и нуждъ, а русскій народъ— не пролетарій.

Помимо кружка своихъ людей авторъ романа «Что дѣлать?» могъ найти матеріалъ, годный для пропаганды, только между петербургскими швеями, организаціей которыхъ въ коммуну и занялась Вѣра Павловна, а ея мужъ принялъ на себя обязанности наставника и чтеца во время ихъ ручной работы въ общей мастерской.

На дѣятельность Рахметова наброшенъ покровъ таинственности; но упомянуто, однако, что онъ болѣе заправлялъ дѣятельностью другихъ, изъѣздилъ всю Россію и для сближенія съ народомъ самъ тянулъ лямку, вмѣстѣ съ бурлаками, отъ Дубовки до Рыбинска. Это типъ новообращеннаго изъ круга людей, по самому своему положенію чуждыхъ принципамъ «мыслящаго пролетаріата». Авторъ романа выводитъ его изъ богатой помѣщичьей семьи стариннаго рода. 16 лѣтъ отъ роду, оставшись послѣ смерти родителей на попеченіи опекуна—слабаго человѣка, юноша поступаетъ въ университетъ, черезъ полгода встрѣчается съ студентомъ, а впослѣдствіи профессоромъ, медико-хирургической академіи—Кирсановымъ, который изложеніемъ новыхъ идей приводитъ его въ экстазъ и совращаетъ въ одинъ вечеръ. Трое сутокъ не отрываясь проводитъ юноша за чтеніемъ книгъ, рекомендованныхъ тѣмъ же Кирсановымъ, а на четвертыя становится готовымъ фанатикомъ.

Если Чернышевскій не писалъ своего Рахметова съ натуры, то необходимыя условія и самый процессъ совращенія идеями «мыслящаго пролетаріата» лучшихъ людей университетскаго юношества, гото-

выхъ на всевозможныя самопожертвованія, но болѣе нервныхъ, нежели мыслящихъ, предусмотрѣны имъ съ поразительною вѣрностью. Наши политическіе процессы шестидесятыхъ годовъ и текущаго десятилѣтія представляютъ не одинъ образчикъ Рахметова, особенно среди лицъ женскаго пола, наиболѣе впечатлительныхъ по самой своей природѣ и потому наиболѣе способныхъ стать фанатическими исполнителями чужой воли [1]).

Въ нѣкоторыхъ подпольныхъ кружкахъ женщины занимали далеко не послѣднее мѣсто, и по численности, и по дѣятельности. Такъ, въ обнаруженномъ въ 1873 году обществѣ московскихъ пропагандистовъ изъ числа преданныхъ суду 50 лицъ, 15 принадлежали къ женскому полу и 11 изъ нихъ, во время арестованія, не имѣли 20 лѣтъ отъ роду. Развившееся въ средѣ женской молодежи, подъ вліяніемъ литературы и случайныхъ встрѣчъ съ «новыми людьми», стремленіе къ «эмансипаціи» и къ высшему образованію сблизило молодыхъ дѣвушекъ съ студентскими кружками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увлекло эти, по преимуществу впечатлительныя, натуры на гибельный путь нигилизма и кружковой пропаганды, съ теченіемъ времени распространявшейся все шире и шире и все ниже спускавшейся по степенямъ образованія, такъ что въ рядахъ «мыслящаго пролетаріата» появились недоучки изъ среднихъ учебныхъ заведеній и даже изъ народныхъ школъ.

---

[1]) Таковы ближайшіе сотрудники Нечаева по убіенію студента Иванова (проц. 1869 г.), Софья Бардина и Бетя Каминская—въ высшей степени впечатлительныя и самоотверженныя натуры (процессъ 1875 г., 50 т. наз. московскихъ соціалистовъ или бунтовщиковъ-пропагандистовъ), Вѣра Засуличъ и др.

Эмиграціи и наша заграничная соціалистическая пресса, въ свою очередь, внесли новый элементъ въ нигилистическую кружковщину, выработали опредѣленную программу дѣйствія и много способствовали самой организаціи подпольнаго движенія.

III.

Развитіе революціонной агитаціи: женевскій журналъ „Народное дѣло“, Нечаевъ и общество „Народной расправы“; прокламаціи и разрушительная программа дѣйствія; списокъ лицъ, подлежавшихъ умерщвленію и истязанію; убійство товарища.—Лавровъ и учитель Ковальскаго.—Послѣдствія устава духовн. семинарій и училищъ 1867 года.—Студенческія учрежденія самопомощи и причины ихъ вызывающія.—Стипендіальный капиталъ.—Программа классическаго образованія усиливаетъ затрудненія.—Взглядъ мыслящаго пролетаріата на правительство и на положеніе народа.—Вліяніе литературы.—Личный составъ ишутинцевъ, нечаевцевъ и подсудимыхъ процесса 193-хъ.—Сближеніе пролетаріата съ людьми состоятельными на почвѣ преступной агитаціи.—Заграничныя поѣздки молодежи и цюрихская колонія.—Женскій вопросъ въ связи съ участіемъ женщинъ въ соціально-революціонномъ движеніи; свободная любовь.—Тлетворное вліяніе матерей-либералокъ.—Бѣдственное положеніе эмигрантовъ—причина поощренія книжной пропаганды.—Рекрутскій наборъ, подушная подать и акцизъ на соль.—Шѣспи—опасное орудіе пропаганды.—Цензурная литература начала текущаго десятилѣтія по рабочему вопросу; статьи Флеровскаго (Берви); отсутствіе сознанія гражданскаго долга у нашихъ публицистовъ.—Цюрихскій типографскій станокъ и происхожденіе журнала „Впередъ“; отзывъ редакціи газеты „Работникъ“.—Какъ и зачѣмъ идти въ народъ?—Ненависть Бакунина къ семейной патріархальности; родительская власть—могущественный оплотъ противъ соціально-революціоннаго переворота.—Въ чемъ состоитъ призваніе соціально-революціонной молодежи?—„Естественные революціонеры“, или бунтари изъ народа.—Защитительная рѣчь фабричнаго рабочаго Алексѣева; причины неудовольствія, заслуживающія особеннаго вниманія правительства; своевременность и предметы необходимаго для общаго блага вмѣшательства государствен-

ной власти въ отношенія нанимателя-фабриканта къ работнику.—Бакунинскій планъ боевой организаціи и мнѣніе о перманентности бунтовъ въ Россіи; убѣжденія и взгляды солдатскаго сына Мышкина.—Организація революціонныхъ кружковъ на началахъ „коллективизма мысли и воли“ и кружковой автономіи; прокламація анархистовъ.—Подготовленіе революціи по Лаврову.—Навязываніе революціи и якобинскіе планы Ткачева; соблазнъ народа картинами обжорства и лѣни.—Новый фазисъ революціонной организаціи: централисты; общество „Народнаго освобожденія“ и „Набатъ“.—Неуспѣхъ пропаганды; его причины и отзывы пропагандистовъ.—Литература разочарованія; „Новь“ Тургенева.

По усмиреніи польскаго мятежа, изъ распустившаго само себя общества «Земля и воля», образовалась значительная эмиграція въ Лондонѣ и въ Швейцаріи, а именно въ Цюрихѣ и Женевѣ. Оставшіеся въ Россіи многіе перемѣнили свое направленіе, другіе съ затаеннымъ чувствомъ злобы ждали болѣе благопріятной минуты. Злодѣйскій выстрѣлъ 4 апрѣля и обнаруженное вслѣдъ затѣмъ ишутинское тайное общество показали, что стремленіе къ заговорамъ не было вполнѣ оставлено нѣкоторыми безпокойными умами, полагавшими достигнуть осуществленія соціалистическихъ задачъ именно этимъ путемъ. Нѣсколько успокоившееся было за два года [1]) общество снова пришло въ тревожное состояніе, чѣмъ и воспользовался Нечаевъ, разсчитавши, что при такомъ настроеніи молодежь, по крайней мѣрѣ, повѣритъ въ существованіе сильной и хорошо организованной конспираціи, руководимой никогда не существовавшимъ «русскимъ революціоннымъ комитетомъ». Швейцарская эмиграція, состоявшая почти цѣликомъ изъ молодежи дурно воспитанной и съ тѣми дикими предубѣжде-

[1]) Съ конца 1864 г. по апрѣль 1866 г. въ имперіи не было политическихъ процессовъ.

ніями противъ цивилизаціи, которыя своею непривлекательною внѣшностью оттолкнули, какъ было изложено выше, снисходительнаго къ людямъ революціоннаго пошиба Герцена, а своимъ внутреннимъ содержаніемъ привели въ смущеніе Лигу Мира и Свободы на бернскомъ конгрессѣ, повѣрила Нечаеву на слово, какъ и большинство вовлеченнаго имъ въ преступное сообщество юношества Петровской земледѣльческой академіи. Соціалистическая программа нечаевцевъ была опубликована въ № 1 «Народнаго дѣла», издававшагося съ 1868 г. въ Женевѣ Элпидинымъ и служившаго какъ бы органомъ такъ называемой русской секціи въ Женевѣ. Эта секція, также какъ и славянская въ Цюрихѣ, причисляла себя къ юрской федераціи интернаціонала, но была скорѣе отдѣломъ тайнаго бакунинскаго союза соціальной демократіи, названнаго изъ тщеславія всемірнымъ. Однако, упомянутая программа была редактирована такъ рѣзко, что, несмотря на все свое сочувствіе высказаннымъ въ ней разрушительнымъ началамъ, Бакунинъ не рѣшился оставить себя подъ сомнѣніемъ въ редактированіи этой программы. Онъ гласно заявилъ о своей непричастности на бернскомъ конгрессѣ, а въ октябрѣ 1868 г. передалъ на имя М. Элпидина, для напечатанія, слѣдующую записку: «Во избѣжаніе неосновательныхъ слуховъ прошу васъ извѣстить читателей печатаемаго вами журнала «Народное дѣло», что я никакого участія въ этомъ журналѣ не принимаю»[1]). Затѣмъ отъ «Народнаго дѣла» отказался и Нечаевъ, но по причинѣ противуположной, а именно вслѣдствіе принятаго журналомъ болѣе умѣреннаго направленія,

---

[1]) Женева, 13 октября 1868 г. Октябрьская тетрадь журнала „Народное дѣло".

и сталъ агитировать распространеніемъ тайно отпечатанныхъ листковъ внутри Россіи; таковы имъ составленныя: «Постановка революціонныхъ вопросовъ», «Начала революціи» и «Прокламація къ студенчеству». Съ полною же опредѣленностью его программа дѣйствій высказана въ № 1 изданія общества «Народной расправы», тайно отпечатаннаго въ Москвѣ лѣтомъ 1869 г. Съ тяжелымъ чувствомъ читается этотъ документъ звѣроподобнаго неистовства «Народной расправы». Вотъ въ буквальномъ извлеченіи наиболѣе выдающіяся мѣста:

«По нашему нѣтъ теперь въ Россіи литературы, а есть печатная лесть и доносы».

«Нѣтъ науки, а есть софистика, искажающая прошлое и возводящая въ непремѣнный законъ страданія народныхъ массъ, какъ неизбѣжную основу развитія господствующаго меньшинства».

«Нѣтъ просвѣщенія и воспитанія народнаго, а есть выработка шпіоновъ и чиновниковъ».

«Нѣтъ прогресса и цивилизаціи, а есть громадная государственная эксплуатація, обхватывающая со всѣхъ сторонъ русскій народъ, сосущая его грудь, удушающая и подавляющая всякое проявленіе жизни въ немъ».

«Мы хотимъ, чтобы наши задавленные государствомъ отцы, братья и сестры сбросили съ своихъ плечъ праздное, тунеядствующее меньшинство, чтобы русскій мужикъ широко, свободно вздохнулъ мощной, вольной грудью».

«Мы хотимъ народной, мужицкой революціи».

«Для насъ мысль дорога только, по скольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго всеразрушенія. Но ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится

революціонному дѣлу по книгамъ будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ. Мысль, способная служить революціи народной, вырабатывается лишь изъ народнаго революціоннаго дѣла, должна быть результатомъ ряда практическихъ опытовъ и проявленій, стремящихся всѣми средствами и всегда неуклонно къ одной и той же цѣли безпощаднаго разрушенія... Скромная и черезъ-чуръ осторожная организація тайныхъ обществъ, безъ всякихъ внѣшнихъ практическихъ проявленій, въ нашихъ глазахъ не болѣе какъ мальчишество, игра смѣшная и отвратительная. Фактическими же проявленіями мы называемъ только рядъ дѣйствій, разрушающихъ положительно что нибудь: лицо, вещь, отношеніе, мѣшающія народному освобожденію».

«Не щадя живота и не останавливаясь ни передъ какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны рядомъ личныхъ дѣйствій и жертвъ, слѣдующихъ одни за другими, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядомъ смѣлыхъ и дерзкихъ попытокъ ворваться въ народную жизнь и, возбудивъ въ народѣ вѣру въ насъ и себя, вѣру въ его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его къ торжественному совершенію его же собственнаго дѣла...» [1]).

«Начинаніе нашего святаго дѣла было положено утромъ 4 апрѣля 1866 г.» [2]).

«Дѣло Каракозова надо разсматривать какъ прологъ».

«Да, это былъ прологъ! Постараемся друзья, чтобы поскорѣе наступила и самая драма».

---

[1]) Стр. 1 и 2.

[2]) Стр. 12.

«Такъ какъ окончательное разрѣшеніе нашего жизненнаго вопроса (т. е. окончательное разрушеніе государственности) можетъ быть совершено только сообща всею поднявшейся народной силой, то мы, т. е. часть молодежи, получившей развитіе, что́ вышла изъ народа и вполнѣ прочувствовала боли, которыя онъ терпитъ, должны въ виду близкаго, общаго, народнаго возстанія обратить теперь все наше вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и задруднять его ходъ».

«Главнѣйшія изъ этихъ препятствующихъ условій суть:

1) Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ военными силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2) Люди обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія, или для пособій государству.

3) Люди разсуждающіе и пишущіе по найму, т. е. публицисты, подкупленные правительствомъ и литераторы, лестью и доносами надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ».

«Первыхъ надо положительно истреблять, безо всякихъ разсужденій» [1]).

---

[1]) Такой участи должны были подвергнуться въ слѣдующей послѣдовательности:

Адлербергъ (министръ Двора).

Мезенцевъ (тогда Начальникъ Штаба Корпуса Жандармовъ и Управляющій 3-мъ Отдѣленіемъ).

Треповъ (тогда Оберъ-Полиціймейстеръ).

Затѣмъ, какъ сказано въ декретѣ Русскаго революціоннаго комитета (стр.

«У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употреблять для дѣла народнаго освобожденія, а въ случаѣ невозможности отобранія, слѣдуетъ уничтожить эти силы и средства».

«Третьихъ заставить молчать тѣмъ или другимъ способомъ, хотя лишеніемъ языка» [1]).

Но этимъ перечнемъ не заканчивается списокъ гнусныхъ убійствъ и звѣрскихъ истязаній. Въ безуміи своей злобы они простираютъ дико-неистовые помыслы на священную Особу Монарха.

«Мы, говорятъ они [2]), не будемъ трогать Царя, если насъ къ этому не вызоветъ преждевременно какая либо безумно-нелѣпая мѣра или фактъ, въ которомъ замѣтна будетъ Его инициатива. Мы убережемъ Его для казни мучительной, торжественной, предъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства».

«А теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Аракчеевыхъ».

Но эти предполагаемыя сатурналіи начались и окончились убійствомъ товарища—студента Иванова. Общество «Народной расправы» этимъ неосторожнымъ злодѣйствомъ само навело на свой слѣдъ полицію и и было быстро обнаружено. Къ сожалѣнію не всѣ нечаевцы могли быть подвергнуты законному преслѣ-

---

16), „Шуваловы, Тимашевы, Валуевы, Потаповы, Обуховы, Зеленые, Толстые, Долгорукіе, Апраксины и пр.“

[1]) Такая варварская расправа должна была постигнуть:

Каткова (редактора „Московскихъ вѣдомостей“).

Градовскаго (профессора).

Якова Ламанскаго (директора Технологическаго Института).

Краевскаго, Скарятина, Погодина Въ декретѣ сказано, что всѣ лица этой категоріи взяты „на удачу изъ первыхъ попавшихся подъ руку.“

[2]) Стр. 15.

дованію. Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ за границу, другіе по недостаточности уликъ для обвиненія гласнымъ судомъ, обязаннымъ на основаніи 735 уст. угол. судопр. основывать свои сужденія о виновности подсудимыхъ единственно на томъ, что судьи увидятъ или услышатъ на судѣ, оставлены были подъ надзоромъ полиціи, не на столько хорошо организованной, особенно въ то время, въ провинціи, чтобы дѣйствительно не упускать изъ виду поведенія поднадзорныхъ. Эти обстоятельства дали возможность нѣкоторымъ изъ нечаевцевъ продолжать преступную агитацію въ средѣ провинціальной молодежи [1]), а быть можетъ и столичной, въ виду вѣроятной неизвѣстности всего личнаго состава «Народной расправы» [2]).

Одновременно съ этими преступными дѣятелями, случайно, по неосмотрительности или по необходимости оставленными на свободѣ, агитація не только поддерживалась, но и прямо возбуждалась среди молодежи нѣкоторыми преподавателями въ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ брошюрѣ, озаглавленной «Русской соціально-революціонной молодежи» [3]), бывшій профессоръ Михайловскаго артиллерійскаго училища, полковникъ Лавровъ, ставитъ себѣ въ заслугу, что вкоренилъ соціально-революціонныя идеи «въ памяти ряда поколѣній, разсыпáвшихся ежегодно изъ (его) скромной аудиторіи». Разстрѣлянный въ прошломъ году по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда государственный пре-

---

[1]) Напр., Волховской, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ Одесскаго кружка, причастнаго къ дѣлу о пропагандѣ въ Имперіи (пр. 193).

[2]) Это рѣшительно утверждаетъ Ткачевъ во вступительной статьѣ «Набата“ (книжка за 1878 г.).

[3]) Издана въ Лондонѣ въ 1874 году.

ступникъ Ковальскій разсказывалъ объ одномъ изъ своихъ семинарскихъ учителей: «учитель былъ горькій пьяница и всегда въ классѣ давалъ совѣтъ семинаристамъ бросать духовное званіе и идти въ университетъ, чтобы не сдѣлаться такими негодными людьми, какъ онъ самъ. Какъ начнетъ, бывало, учитель ругать всѣхъ и вся и себя самого, то у учениковъ даже слезы на глазахъ выступаютъ. Доставалось отъ учителя и барамъ, и Царямъ. Ученики очень любили учителя и брали у него читать Бѣлинскаго, Писарева, Помяловскаго, Рѣшетникова, Чернышевскаго». Про тогдашній семинарскій нигилизмъ тотъ же Ковальскій разсказывалъ, что семинаристы радовались, «когда отъ неумыванья и неперемѣны бѣлья на тѣлѣ заводилось столько паразитовъ, что куда не ткни пальцемъ, тамъ и найдешь». По увѣренію передающаго эти разсказы, «Ковальскій еще въ семинаріи додумался до кое-чего такого, что́ творилось уже давно въ университетскихъ городахъ и эту его думку поддерживалъ и развивалъ сказанный учитель» [1]). Въ такой грубой и грязной формѣ пропагандировался нигилизмъ въ семинаріяхъ, со времени устава духовныхъ семинарій и училищъ 1867 года, когда семинаристамъ предоставлено было право поступать въ высшія учебныя заведенія изъ 4-го класса, или, какъ тогда говорили, «изъ философіи». Семинаристы толпами покидали духовныя училища и шли въ университеты [2]), но, успѣвая наводнять

[1]) „Кілька слів про І. М. Ковальского". Громада. 1879 г. № 4. стр. 232.

[2]) Наполненіе университетовъ семинаристами годъ отъ году увеличивалось. Изъ университетскихъ отчетовъ за 1877 годъ видно, что семинаристы рѣшительно преобладаютъ въ числѣ поступившихъ въ Новороссійскій университетъ, превышая вдвое контингентъ изъ воспитанниковъ гимназій; наравнѣ съ послѣдними и даже нѣсколько въ большемъ числѣ фигурируютъ въ Харьковскомъ университетѣ и составляютъ весьма значительную часть поступившихъ въ студенты

послѣдніе своими правами, оставались въ нихъ недолго. Нѣкоторые выходили черезъ полгода, однако продолжали вращаться среди университетской молодежи, въ качествѣ распорядителей столовыхъ, студенческихъ кассъ, библіотекъ и т. п. учрежденій, существовавшихъ обыкновенно безъ разрѣшенія начальства. Такое положеніе какъ нельзя болѣе подходило къ ихъ агитаторскимъ цѣлямъ и совращеніе новичковъ шло этимъ путемъ безпрерывно и преемственно. Упомянутый Ковальскій былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей этого сорта.

Различныя учрежденія взаимопощи, какъ-то: кассы, столовыя, общія квартиры на началахъ коммунистическаго хозяйства и т. п., при извѣстномъ настроеніи учащейся молодежи, дѣлаются настоящими питомниками соціально-революціонной пропаганды: въ Кіевѣ и въ Одессѣ онѣ служили притономъ и школою для агитаторовъ; но несправедливо было бы смотрѣть на нихъ исключительно съ этой точки зрѣнія. Прежде всего онѣ вызываются крайне бѣдственнымъ положеніемъ большинства воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, поставленныхъ въ необходимость жить группами, кружками, для соблюденія возможной экономіи въ расходахъ. Обнаруженные слѣд-

---

университетовъ Казанскаго и С.-Петербургскаго. Въ старѣйшемъ изъ нашихъ университетовъ и наибольшемъ по численности учащихся въ немъ, въ университетѣ Московскомъ, по отчету на 1 января 1878 г., сословный составъ студентовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

духовнаго званія. . . .	446	или	28,50%	общаго	числа.
дворянъ личныхъ . . .	410	„	26,15	„	„ „
„ потомственныхъ .	311	„	19,85	„	„ „
мѣщанъ и цѣховыхъ. . .	158	„	10,08	„	„ „
купцовъ	142	„	9,05	„	„ „
иностранцевъ.	39	„	2,42	„	„ „
крестьянъ.	33	„	2,10	„	„ „
солдатскихъ дѣтей . . .	29	„	1,85	„	„ „
	1,568		100		

ствіемъ эпизоды изъ жизни студентовъ Коринфскаго (духовнаго званія) и Гончарова (изъ дворянъ) показываютъ, что крайняя нужда не только служитъ рѣшительнымъ препятствіемъ къ достиженію высшаго образованія, но заставляетъ молодыхъ людей, вполнѣ подготовленныхъ къ воспріятію высшихъ научныхъ познаній, приниматься за занятія вовсе имъ несвойственныя [1]), а въ исключительныхъ обстоятельствахъ даже наталкиваетъ на преступленія [2]). Бо́льшая заботливость о матеріальномъ обезпеченіи учащейся молодежи со стороны общества и предусмотрительность лицъ близко стоящихъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія могли бы во многомъ предупредить нравственное паденіе задавленныхъ непосильнымъ бременемъ нужды молодыхъ силъ. Необходимыя для предупрежденія этого зла матеріальныя жертвы [3]), каза-

[1]) Студентъ Коринфскій (причастный къ нечаевскому дѣлу) добывалъ себѣ средства къ существованію тѣмъ, что таскалъ кули на биржѣ.

[2]) Студентъ Гончаровъ, вслѣдствіе крайняго недостатка въ средствахъ къ существованію, вынужденъ былъ оставить ученіе и поступить въ простые рабочіе на клеенчатую фабрику. Когда же по независящимъ отъ него обстоятельствамъ остался безъ работы, то рѣшился на составленіе преступныхъ прокламацій, желая этимъ обратить на себя вниманіе правительства.

[3]) Нынѣшній стипендіальный капиталъ, при постоянно-увеличивающейся бѣдности студентовъ, оказывается недостаточнымъ, несмотря на значительное его развитіе въ теченіе 13 лѣтъ со времени дѣйствія новаго университетскаго устава (1863 г.), на что наглядно указываетъ слѣдующая сравнительная таблица:

Годы.	Число стипендій.	Стипендіальная сумма, выданная студентамъ въ теченіе года. Рубли.	Общее число студентовъ.	Средній размѣръ стипендіи. Въ годъ. Руб	К.	Въ мѣсяцъ. Руб.	К.	Процентное отношеніе числа пользовавшихся стипендіями къ общему числу студентовъ. Выраженное въ десятичной дроби.	Выраженное въ простой дроби.
1863	847	168.078	4.909	198	20	16	50	0,18	менѣе $^1/_5$
1876	1731	375.701	5.629	216	67	18	5	0,30	около $^1/_3$

лось бы, могутъ быть приносимы тѣмъ съ бо́льшею готовностью, что безъ нихъ невозможно правильное направленіе юношества, а слѣдовательно и прогрессъ будущаго, всецѣло принадлежащаго молодому поколѣнію. Между тѣмъ учащаяся молодежь въ теченіе реформъ нынѣшняго царствованія, сказавшихся весьма тяжелыми послѣдствіями для нѣкоторой части нашего мыслящаго общества, болѣе чѣмъ когда нибудь была оставлена на произволъ судьбы. Постоянно повышая образовательный цензъ по всѣмъ отраслямъ государственной службы, составляющей въ нашемъ отечествѣ профессію цѣлыхъ классовъ наиболѣе развитаго населенія, перенося то же требованіе и въ область службы по выборамъ, реформы какъ бы игнорировали произведенное ими ослабленіе матеріальной возможности къ достиженію требуемыхъ знаній. Также вопреки этой возможности увеличенъ срокъ для прохожденія полнаго цикла наукъ, по программѣ новой системы образованія, предложенной министерствомъ народнаго просвѣщенія [1]). Что же касается до спеціально-богословскаго образованія, то кромѣ развившагося подъ вліяніемъ современныхъ ученій охлажденія къ обязанностямъ священническаго сана, это образованіе для многихъ изъ молодыхъ людей духовнаго званія становилось безцѣльнымъ, т. е. не открывало имъ пути къ непосредственному удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ каждаго, вслѣдствіе сокращенія штатовъ приходскаго духовенства [2]) и уничтоженія вѣками укоренившагося обычая наслѣдова-

[1]) На несоотвѣтствіе условій гимназическаго образованія средствамъ учащихся или ихъ родителей указываютъ многочисленныя исключенія за неплатежъ денегъ за ученіе, превосходящія ежегодно болѣе 1000 случаевъ, а также преждевременный выходъ изъ заведеній ежегодно нѣсколькихъ тысячъ учащихся.

[2]) Реформа 1869 года.

нія приходовъ. Конечно, это послѣднее преобразованіе, какъ и всѣ великія реформы нынѣшняго царствованія, имѣло въ виду болѣе совершенную организацію государственнаго управленія, но оно въ свою очередь дало опасный для общественнаго спокойствія контингентъ недовольныхъ и усилило численный составъ мыслящаго пролетаріата.

При жалкой обстановкѣ матеріальной жизни въ настоящемъ и въ перспективѣ будущаго, свойственная юношеству мечтательность естественно направлялась въ область экономическихъ отношеній. Броженіе неустановившихся умовъ должно было совершаться именно въ этой сферѣ и ихъ самонадѣянность, проистекающая отъ неяснаго еще сознанія собственныхъ силъ, увлекала на борьбу ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ существующими условіями экономическаго быта.

Программа, предложенная Чернышевскимъ для «обыкновенныхъ» людей въ романѣ «Что дѣлать?», оказывалась неудобоосуществимою, хотя и дѣлались попытки къ занятію «любимымъ» трудомъ. Любимый трудъ учащейся молодежи—былъ трудъ умственный; но чтобы стать производительнымъ онъ требовалъ предварительной подготовки, а послѣдняя—значительнаго запаса денежныхъ средствъ или пособій, со стороны правительства и общества, въ количествѣ достаточномъ для содержанія желающихъ посвятить себя научнымъ занятіямъ, хотя бы только въ рамкѣ учебныхъ курсовъ. Далеко не единичные случаи необходимости прибѣгать къ тяжелому физическому труду, какъ къ средству поддерживать свое существованіе въ періодъ школьнаго ученія, не только не согласовались съ цѣлями высшаго и даже гимназическаго образованія, но указывали на нѣкоторую безучастность зажиточныхъ классовъ къ судьбѣ лучшихъ

людей изъ молодаго поколѣнія и нѣкоторую безпечность учебнаго начальства, которое по этому самому молодые люди склонны были считать равнодушнымъ къ дѣлу народнаго образованія. Проистекающую отсюда нелюбовь къ своему непосредственному начальству они перенесли далѣе «по табели о рангахъ», какъ выражается Герценъ, и правительство въ цѣломъ своемъ составѣ представилось имъ, за одно съ зажиточными классами, по меньшей мѣрѣ индиферентнымъ къ прогрессу и непроизводительно употребляющимъ налоги и вѣками накопленные капиталы. Такимъ образомъ, борьба съ капиталомъ и государственною властью смутно выступала въ ихъ воображеніи. какъ нѣчто неизбѣжное для улучшенія быта мыслящаго пролетаріата; но свойственной же человѣческому уму склонности обобщать частныя явленія, они полагали, что огромное большинство, т. е. вся многомилліонная масса чернаго народа находится въ такомъ же критическомъ положеніи. Въ этомъ взглядѣ особенно укрѣпляла ихъ наша тенденціозная печать, съ особенною энергіею старавшаяся проводить въ общество убѣжденіе о полной матеріальной необезпеченности нашего крестьянства, о чрезмѣрномъ обремененіи его налогами, оброчными и выкупными платежами, до того, что существованіе милліонныхъ массъ возможно не иначе, какъ при условіи хроническаго голоданія. Она выставляла исключительно на показъ одну страдную сторону народной жизни. Картины безвыходной нищеты, рисуемыя во множествѣ повѣстей, разсказовъ и очерковъ и даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, каковы «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» и «Положеніе работника на сѣверѣ» Флеровскаго (Берви), производили подавляющее впечатлѣніе на читающую молодежь, вообще впечатлительную по

самой своей природѣ и буквально способную нравственно выстрадать чужія боли. Наша молодежь изъ среды мыслящаго пролетаріата тѣмъ съ большею готовностью откликнулась на обращенный къ ней въ 1868 году призывъ Бакунина, повторенный затѣмъ Нечаевымъ, идти въ народъ, что, во первыхъ, отожествляла народное дѣло съ своимъ собственнымъ и, во вторыхъ, многіе изъ этой молодежи, по разнымъ причинамъ лишенные возможности довести свое образованіе до конца, въ усвоеніи себѣ образа жизни простолюдина видѣли единственный исходъ непосильной для нихъ борьбы за лучшее существованіе.

Еще пшутницы, организовавшіеся въ тайное общество въ 1863 году, задумали подойти къ народу путемъ развитія артелей и образомъ жизни, ничѣмъ не отличающимся по наружному виду и по роду занятій отъ жизни простаго крестьянина, т. е. осуществить на дѣлѣ типъ новыхъ людей будущаго, преподанный романомъ «Что дѣлать?» въ образѣ Рахметова. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ успѣли съузить свои потребности до размѣровъ ежедневныхъ нуждъ простолюдина, но за 3 года своей дѣятельности не могли совратить ни одного человѣка изъ народа, что́ видно изъ слѣдующаго перечня лицъ, принявшихъ участіе въ заговорѣ:

дворянъ средней руки и безземельныхъ . . .	13
студентовъ изъ дворянъ и духовнаго званія . .	8
чиновниковъ	5
учителей	2
дѣтей лицъ духовнаго званія	2
мѣщанъ, почетн. гражданъ и купеческихъ сыновей.	3
приписанныхъ къ сельскому состоянію, но не занимавшихся сельскими работами	2

По этому нечаевцы въ своемъ нетерпѣніи рѣшили было, по выраженію листка «Народной Расправы,» ворваться въ народную жизнь и рядомъ дѣйствій, «разрушающихъ положительно что нибудь: лицо, вещь, отношеніе», воспитать народъ въ революціонномъ духѣ, произвести народную, «мужицкую» революцію съ цѣлью «радикальнаго и повсюднаго всеразрушенія». Но управляемые тайнымъ комитетомъ, въ сущности состоявшимъ изъ одного лица, преслѣдовавшаго исключительно эгоистическія цѣли, они не сдѣлали даже и попытки пойти въ народъ. По оффиціальнымъ даннымъ, составъ общества «Народной расправы», за исключеніемъ неразысканныхъ 22 лицъ, представился на судѣ въ слѣдующемъ видѣ:

дворянъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій .	5
бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преимущественно студентовъ Петровской земледѣльческой академіи, изъ дворянъ и духовнаго званія	43
студентокъ и акушерокъ	5
чиновниковъ	1
сыновей лицъ духовнаго званія	2
мѣщанъ, почетныхъ гражданъ и купеческихъ дѣтей (въ томъ числѣ 2 женщины).	6

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что лица оффиціально показанныя подъ рубрикою городскихъ сословій разныхъ наименованій, въ большинствѣ суть сыновья священниковъ и причетниковъ, вышедшіе изъ духовнаго званія.

Конечно, по оффиціальнымъ даннымъ невозможно судить о степени развитія противозаконной агитаціи. Могли быть подвергнуты преслѣдованію одни лишь уличенные, многіе же остались абсолютно неизвѣст-

ными правительству; но тѣмъ не менѣе можно сказать съ увѣренностью, что агитація шестидесятыхъ годовъ не переходила за черту тѣснаго круга мыслящаго пролетаріата и не могла проникнуть въ массы по совершенной неумѣлости преступныхъ дѣятелей во имя «народнаго освобожденія». Равно невозможно допустить, чтобы къ концу шестидесятыхъ годовъ цифра готовыхъ вступить въ революціонную армію, согласно хвастливому заявленію Бакунина передъ представителями европейской революціи, достигла 40 или даже 50 тысячъ [1]). Одно несомнѣнно, что подпольная агитація, несмотря на видимое затишье, не прекращалась со времени процесса нечаевцевъ, а такъ какъ породившая ее почва оставалась неизмѣнною, то агитація и не могла быть прекращена одними полицейскими розысками злонамѣренныхъ людей. Но вполнѣ естественно она должна была измѣнить свою программу, ближе согласовать ее съ преступными цѣлями,—что́ она въ дѣйствительности и сдѣлала, доказавъ тѣмъ самымъ свое большее развитіе и живучесть причинъ ее вызывающихъ.

---

[1]) О манерѣ нашихъ революціонеровъ преувеличивать свои силы есть одно мѣсто у Герцена (Сб. посм. ст., „М. Б. и польское дѣло“), гдѣ онъ передаетъ свой разговоръ по поводу пріѣзда въ 1862 году въ Лондонъ уполномоченнаго тайнаго общества „Земля и воля“.

„—А много васъ?—спросилъ я.

— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ.—Ты вѣришь? спросилъ я Б.

— Конечно онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ! и онъ расхохотался.

— Это другое дѣло.

— Въ томъ-то все и состоитъ, чтобы поддержать слабыя начинанія;

Такъ какъ новое направленіе, главнымъ образомъ, обусловливалось степенью развитія, имущественнымъ и общественнымъ положеніемъ агитаторовъ, то нижеслѣдующія данныя, добытыя при разслѣдованіи дѣла о преступной пропагандѣ въ Имперіи, обнаруженной въ первой половинѣ 1874 г., могутъ служить существеннымъ матеріаломъ для выясненія путей, какими шла агитація, совершенствуясь по мѣрѣ своего распространенія въ слояхъ наименѣе устойчивыхъ въ преданности существующему порядку, шаткихъ въ понятіяхъ объ общечеловѣческой нравственности, а потому и наиболѣе воспріимчивыхъ къ революціоннымъ лжеученіямъ.

По означенному дѣлу, прокурорскимъ надзоромъ предполагалось предать суду 265 [1]) лицъ обоего пола. Но изъ этого числа: скрылись и бѣжали за границу. 17
умерли естественною смертью 14
лишили себя жизни 3
обнаружили признаки умственнаго разстройства 7
Итого . . . 41 чел.

Такимъ образомъ, могли подлежать дальнѣйшему преслѣдованію по законамъ только 224 человѣка; но изъ нихъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената преданы суду всего 198 чел., изъ коихъ во время судебнаго процесса, длившагося слиш-

---

если бъ они были крѣпки, они и не нуждались бы въ насъ,—замѣтилъ Огаревъ, въ этихъ случаяхъ всегда недовольный моимъ скептицизмомъ".

[1]) Всѣхъ привлеченныхъ къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ было 770; изъ нихъ мужчинъ 612, женщинъ 158; подъ стражею 265, на свободѣ, съ принятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ, 452, разыскиваемыхъ 53. (Записка Министра Юстиціи гр. Палена, экспед. шифа жанд. № 101, 1875 г).

комъ 3 мѣсяца, умерло [1]) и освобождено Сенатомъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія еще 8 челов.; такъ что приговоръ особаго присутствія, послѣдовавшій 23 января 1878 г., состоялся только относительно 190 лицъ [2]).

Для полноты характеристики лицъ причастныхъ къ дѣлу, было бы неосновательно ограничивать анализъ этимъ послѣднимъ числомъ, очевидно явившимся вслѣдствіе разныхъ случайностей; а потому, казалось бы, правильнѣе остановиться на вышеприведенномъ числѣ 265, какъ могущемъ пролить болѣе истиннаго свѣта на дѣйствительное положеніе дѣла.

При такомъ условіи, личный составъ агитаторовъ, по образованію и ихъ общественному положенію, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) Студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній:

1. Медико-хирургической академіи . . . 24
2. Технологическаго института 23
   въ томъ числѣ: 1 окончившій курсъ.
   1 вольнослушатель.
3. Университетовъ:
   С.-Петербургскаго 10
   въ томъ числѣ 2 оконч. курсъ.

---

[1]) Одинъ (Богомоловъ) повѣсился въ тюрьмѣ.

[2]) 100 челов. осуждено, 90 оправдано. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣла Министромъ Юстиціи и сообщеннымъ Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ отношеніи Министра Юстиціи отъ 22 мая 1878 г. за № 516, Всемилостивѣйше освобождены отъ наказанія еще 2 лица, нѣкоторымъ изъ главныхъ виновныхъ наказаніе усилено по закону. Къ открытію засѣданій Особаго Присутствія состояло на лицо 193 человѣка, почему и самый процессъ въ публикѣ носитъ названіе 193-хъ.

Кіевскаго 7
Московскаго 6
Харьковскаго 3
Новороссійскаго 2
Казанскаго. 2

30

4. Харьковскаго ветерин. института. . . 2
5. Московскаго учительск. » . . . 1
6. Петровской земледѣл. академіи . . . 8
7. Земледѣльческаго института 1
8. Института путей сообщенія. 1
9. Михайловскаго артилл. училища . . . 10
въ томъ числѣ 4 оконч. курсъ.
10. Слушательницъ женскихъ акушерскихъ курсовъ 9
11. Цюрихскихъ и Вѣнскихъ студентокъ . 4

113

(Въ томъ числѣ 13 женщинъ).

б) Воспитанниковъ и воспитанницъ среднихъ учебныхъ заведеній:

1. Мужскихъ гимназій. 22
2. Семинарій 15
въ томъ числѣ 1 оконч. курсъ.
3. Техническаго желѣзно-дорожнаго училища въ Харьковѣ 2
4. Женскихъ гимназій. 3

42

(Въ томъ числѣ 3 женщ).

в) дворянъ ремесленниковъ по профессіи, неполучившихъ образованія въ учебныхъ заведеніяхъ 3

г) воспитателей и воспитательницъ:

1. Профессоръ Ярославскаго лицея (Духовской—оправданъ) 1
2. Учитель уѣзднаго училища 1
3. Домашній учитель 1
4. Учительница въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1
5. Сельскихъ учителей 9
   въ томъ числѣ 1 австрійскій подданный.
6. Сельскихъ учительницъ 3

16

(въ томъ числѣ 4 женщ.).

д) Состоящихъ на государственной и общественной службѣ:

1. Гражданскихъ чиновниковъ 2
2. Врачей (земскихъ) 4
   изъ коихъ 3 окончили курсъ въ медико-хирургической академіи, одинъ готовился на доктора.
3. Фельдшеръ (студ. 5-го курса) 1
   также одна земская акушерка изъ числа вышепоименованныхъ цюрихскихъ студентокъ.
4. Мировыхъ судей. 3
   изъ коихъ одинъ былъ даже предсѣдателемъ Съѣзда.
5. Секретарь съѣзда мировыхъ судей. . . 1
6. Стенографъ при окружномъ судѣ . . . 1
7. Волостныхъ и сельскихъ писарей . . . 2
   изъ нихъ одинъ дворянинъ [1]), а другой,

[1]) Окончившій курсъ въ университетѣ и ѣздившій въ Америку, именно Рѣчицкій-Логиновъ. Застрѣлился.

высланный изъ столицы за неимѣніе средствъ къ жизни и опредѣленныхъ занятій, почетный гражданинъ.

9. Военный (Забайкальскій казакъ) . . . 1

17

е) Неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій:

1. Отставныхъ чиновниковъ. 3
2. Отставныхъ офицеровъ, кромѣ вышеименованныхъ 4-хъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. 2
3. Разныхъ лицъ 31

въ томъ числѣ 23 женщины, большею частью жены и дочери штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, а также 2 дочери дѣйств. ст. совѣтн. и 1 дочь генералъ-маіора.

36

(въ томъ числѣ 23 женщ.).

ж) Состоящихъ на частной службѣ:

писецъ изъ дворянъ 1
библіотекарь изъ крестьянъ 1
лакей 1

3

з) мѣщанъ не получившихъ никакого образованія 5

и) крестьянъ, большею частью фабричныхъ рабочихъ въ Петербургѣ, обучавшихся грамотѣ и разнымъ наукамъ у студентовъ . . 19

і) помѣщиковъ, изъ которыхъ два лица (дворянка Субботина и незаконный сынъ дворянина, бывш. мир. судья Войнаральскій) принадлежатъ къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, за исключеніемъ 5 лицъ, отнесенныхъ къ предъидущимъ категоріямъ . . . 7
(въ томъ числѣ 3 женщ.).

к) контрабандистовъ по профессіи,—евреевъ занимавшихся тайнымъ провозомъ черезъ границу, по порученію агитаторовъ, книгъ возмутительнаго содержанія. . . . 3
въ томъ числѣ одна женщина (по суду оправданная).

л) лишенный всѣхъ правъ состоянія государственный преступникъ. 1

Итого мужчинъ. . . 218
» женщинъ. . . 47

Всего 265

Изъ числа бывшихъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также продолжавшихъ еще ученіе въ гимназіяхъ, были молодые люди, компрометированные въ нечаевскомъ заговорѣ, въ университетскихъ безпорядкахъ 1869 г. и въ отдѣльныхъ случаяхъ возбужденія товарищей къ неповиновенію начальству (всего 9 человѣкъ); кромѣ того одно лицо было выслано въ восточныя губерніи за участіе въ польскомъ мятежѣ. Всѣ они состояли подъ надзоромъ полиціи.

Здѣсь также учащаяся молодежь, и преимущественно высшихъ учебныхъ заведеній, играетъ первенствующую роль. Но этотъ школьный пролетаріатъ уже не стоитъ особнякомъ. Съ одной стороны онъ проникъ въ среду рабочихъ, съ другой — нашелъ под-

держку въ людяхъ, имѣющихъ денежныя средства и нѣкоторое общественное положеніе, наиболѣе способствующее сближенію съ народомъ и прикрытію преступной пропаганды.

Сближеніе пролетаріата съ людьми состоятельными произошло частью на школьной скамьѣ [1]), частью же вслѣдствіе родства и черезъ посредство общихъ знакомыхъ. При этомъ нельзя сказать, чтобы это сближеніе было выполнено по какому либо заранѣе составленному и обдуманному плану. Въ большинствѣ случаевъ оно завязывалось при случайныхъ встрѣчахъ на родинѣ и въ революціонныхъ вертепахъ Швейцаріи, куда стали ѣздить молодыя дѣвушки, первоначально съ цѣлью усовершенствованія въ образованіи, и молодые землевладѣльцы, желавшіе ознакомиться съ заграничными способами веденія хозяйства [2]); но, сталкиваясь здѣсь съ нашею эмиграціей, быстро поддавались чрезвычайно оживленному въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ увлеченію идеями интернаціонала, находившагося тогда въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности. Утопія всемірнаго союза рабочихъ не могла представляться неосуществимою мечтою въ глазахъ юношества, незнакомаго съ практическою жизнью вообще, съ политико-соціальною же жизнью народовъ въ особенности, тѣмъ болѣе, что, по внѣшнимъ признакамъ, эта утопія казалась близкою къ осуществленію. Строгій анализъ совершавшагося движенія не могъ имѣть мѣста въ умахъ, не пріученныхъ къ анализу серьезною научною подготовкою и привычкою относиться

---

[1]) Напр., сближеніе нѣкоторыхъ членовъ Кіевской коммуны съ состоятельнымъ студентомъ—дворяниномъ Волькенштейномъ.

[2]) Напр., братья Жебуневы (засѣд. Особ. Присут. 12 ноября 1877 года, стеногр. отч., т. I, стр. 446).

съ недовѣріемъ къ попыткамъ общественнаго переворота, привычкою, которая является единственно при условіи уваженія къ законному порядку и къ выработаннымъ цивилизаціей формуламъ соціальной жизни. Но выше сего были изложены тѣ многоразличныя обстоятельства, въ силу которыхъ это уваженіе было поколеблено не только въ молодежи, но и въ зрѣлыхъ возрастахъ нашего интеллигентнаго общества, въ цѣломъ его составѣ. Тѣмъ съ большею легкостью, на чужой сторонѣ, вдали отъ конкретныхъ явленій національной жизни, мысль молодаго человѣка освобождалась отъ соображенія условій историческаго быта народа, т. е. отъ его національной сущности, и блуждала въ области идей и стремленій, совершенно чуждыхъ народному идеалу. Такіе люди, какъ эмигранты Бакунинъ и Лавровъ и бѣжавшій изъ мѣста ссылки государственный преступникъ Ткачевъ, для которыхъ революціонная агитація стала профессіей, охотно содѣйствовали воспитанію юношества въ соціалистическомъ направленіи и, какъ болѣе сильные, естественно не могли не вліять на образъ мыслей русской колоніи, уклонившейся отъ первоначальной цѣли своего пребыванія заграницей.

Женщины, играющія весьма видную роль въ нашихъ политическихъ процессахъ текущаго десятилѣтія, усвоивали себѣ революціонное ученіе съ наибольшею пылкостью—и этому были и есть свои причины. Въ соціалистической агитаціи онѣ видятъ непосредственное разрѣшеніе женскаго вопроса не только потому, что соціалистическая программа новѣйшаго времени устанавливаетъ полное равенство правъ мужчины и женщины, не дѣлая никакой разницы въ воспитаніи и содержаніи дѣтей обоего пола и не допуская никакихъ общественныхъ службъ, въ кото-

рыхъ оба пола не могли бы принять равнаго участія; но потому, въ особенности, что, становясь въ ряды агитаторовъ, женщина фактически становится равноправнымъ съ мущиною дѣятелемъ, хотя и въ антисоціальномъ смыслѣ. Только на почвѣ отрицанія въ современномъ обществѣ она достигаетъ того положенія, къ которому уже издавна стремятся наши нигилистки, порожденныя сотрудниками «Современника» и имъ подобными публицистами [1]). Свободная любовь служитъ также немаловажнымъ стимуломъ къ отрицательной дѣятельности, потому что прежде всего требуетъ себѣ оправданія, едва ли возможнаго въ сферѣ общепринятыхъ понятій о нравственности. Процессъ 193 изобилуетъ разоблаченіями свободы отношеній между агитаторами обоего пола; одна изъ подсудимыхъ— молодая дѣвушка, во время самаго разбирательства дѣла на судѣ, была въ положеніи, не оставляющемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея неправильномъ образѣ жизни.

Движимыя не столько сознаніемъ полезности дѣла, сколько жаждою публичной дѣятельности, польщенныя въ своемъ самолюбіи и болѣе мужчинъ способныя на самоотверженное увлеченіе, женщины агитировали тѣмъ съ большею энергіею, чѣмъ сильнѣе связывали ихъ съ мужчинами узы половыхъ страстей [2]). Усиліе правительства разъединить оба пола по крайней мѣрѣ на скамьяхъ университетскихъ ауди-

[1]) Эти совратители общественнаго мнѣнія по разнымъ причинамъ замолкли у насъ и въ Германіи, но возвышаютъ въ настоящее время голосъ во Франціи, гдѣ съ возвращеніемъ коммунаровъ основанъ даже журналъ („La Femme de France"), издаваемый и редактируемый комитетомъ женщинъ съ спеціальною цѣлью проложить прекрасному полу дорогу къ занятію правительственныхъ мѣстъ.

[2]) Вообще замѣчено, что эпоха наибольшей плодопроизводительности женщинъ отмѣчается наивысшимъ процентомъ ихъ криминальности. Wappäus, Vorles. 2 Th., 1861.

торій не повело къ желанному результату; равно не имѣло существеннаго значенія и понужденіе нашихъ студентокъ въ Цюрихѣ выѣхать изъ этого вертепа подъ угрозою воспрещенія акушерской практики въ Россіи, такъ какъ именно покинувшія Цюрихъ студентки и оказались наиболѣе энергичными пропагандистками, въ родѣ сестеръ Субботиныхъ, Камнской и др., фигурирующихъ въ процессѣ 50-ти.

Нѣтъ основанія придавать русскимъ эмигрантамъ въ Швейцаріи значеніе совратителей нашего юношества. Послѣдніе и въ предѣлахъ отечества—въ обломкахъ прежнихъ революціонныхъ обществъ и въ школьныхъ традиціяхъ, даже въ лицѣ своихъ матерей (болѣе нежели отцовъ), какъ удостовѣрено слѣдствіемъ по дѣлу «о революціонной пропагандѣ въ Имперіи» [1]), находило неизсякаемый источникъ революціоннаго

[1]) Мать подсудимаго Щиголева писала своему сыну 25 іюня 1874 г.: „по сію пору я и отецъ проводимъ ночи безъ сна, все черныя думы тѣснятся въ нашихъ головахъ въ отношеніи твоего ложнаго направленія, развитаго у тебя, какъ мы только теперь догадываемся, еще въ Оренбургѣ г-жею Г. (Голоушевою—женою полковника, начальника мѣстнаго Губернскаго Жандармскаго Управленія). Эта барыня съ перваго взгляда, пожалуй, покажется замѣчательнаго ума, но на дѣлѣ она не болѣе какъ фразерка, это можетъ подмѣтить здравый и опытный умъ, а слѣпо вѣрующему и несмыслящему фразерство можно доказать наглядными фактами, каковые и привожу: Сережа ея, окончивши курсъ гимназіи съ золотой медалью, проводитъ въ академіи годъ осломъ, въ 19 лѣтъ женится, подогрѣтый чужою, ложною, возмутительною, по принципу, идеей, готовится или поступаетъ въ сельскіе учители, запасается для пропаганды тамъ преглупыми и возмутительными книженками. Все перечисленное доказываетъ, что малый безъ ума, не имѣлъ и не имѣетъ ничего собственнаго, городитъ чушь по чужой идеѣ, а самъ не замѣчаетъ того, что онъ стучится въ дверь тюрьмы. А что же мать, высоко тобою чтимая, какъ смотритъ она на заблужденія сына, воспитаннаго ею по собственной своей идеѣ? Она все знаетъ и одобряетъ подвиги Сережи".—Вещественныя доказательства по дѣлу „о революціонной пропагандѣ въ Имперіи", Обв. актъ, стр. 86 (печ. экз.).

броженія и подстрекательства къ подпольной агитаціи. Тѣмъ не менѣе, однако, эмиграціонные кружки, нищенствующіе, голодные и озабоченные изысканіемъ средствъ къ пропитанію своихъ членовъ, не могли не прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ для пріобрѣтенія новыхъ адептовъ революціоннаго дѣла, не могли не искать сближенія съ пріѣзжими состоятельными людьми и не стараться «конспирировать», какъ выражался Бакунинъ, не только маменькиныхъ сынковъ, но и самихъ маменекъ, что и достигалось путемъ совращенія ихъ несчастныхъ дочерей [1]). Субботины (дочери) содержали на свой счетъ несостоятельныхъ студентокъ въ Цюрихѣ, а послѣ правительственнаго распоряженія 1872 г.—въ Парижѣ, и. по всей вѣроятности, впослѣдствіи болѣе вліяли на свою мать,—богатую Орловскую помѣщицу, — чѣмъ поддались ея вліянію вначалѣ, т. е. до своей заграничной поѣздки, предпринятой по внушенію матери. Послѣдняя, повидимому, была воспитана въ идеяхъ «Современника» конца пятидесятыхъ годовъ и не переставала интересоваться еще тогда поднятыми вопросами объ эмансипаціи женщинъ, крестьянскомъ самоуправленіи и развитіи учрежденій самопомощи [2]).

---

[1]) Въ „Кружковщинѣ“ Дьякова (подъ псевдонимомъ Незлобина), основательно знакомаго съ образомъ жизни эмиграціонныхъ кружковъ, указывается именно этотъ безнравственный способъ эмигрантовъ добывать себѣ средства къ существованію.—По агентурнымъ свѣдѣніямъ, одною изъ жертвъ была и сестра литератора Писарева, по мужу Гребницкая, отдавшая эмигранту Александрову на т. наз. „народное дѣло“ все свое небольшое состояніе въ 5000 р., а по растратѣ этихъ денегъ Александровымъ въ ресторанахъ и публичныхъ мѣстахъ, по его же наущенію рѣшившаяся продать себя одному старику за нѣсколько тысячъ, отданныхъ ею тому же Александрову. Зараженная послѣднимъ ужасною болѣзнію, эта несчастная окончила жизнь самоубійствомъ.

[2]) Софія Субботина (мать) посѣщала мірскіе сходы, волостные суды, была попечительницею нѣсколькихъ сельскихъ школъ и предлагала крестьянамъ на

По заявленію комитета «Общества пособія политическимъ изгнанникамъ изъ Россіи» [1]), для русскаго заграницей всегда была затруднена возможность существовать работой. «Бо́льшая часть изгнанниковъ является изъ Россіи безъ ремесленныхъ знаній, и самое пріобрѣтеніе этихъ знаній заграницей, за которое многіе и принялись, требуетъ на первыхъ порахъ издержекъ... Главный заработокъ изгнанниковъ состоитъ изъ такъ называемыхъ уроковъ въ русскихъ семействахъ, живущихъ заграницей, и относительно которыхъ слѣдуетъ замѣтить, что многія семейства, изъ страха предъ правительствомъ, отказываютъ отъ работы лицамъ, заподозрѣннымъ предъ послѣднимъ». Хотя причина отказа лежитъ не въ страхѣ передъ правительствомъ, а въ боязни допустить къ дѣтямъ людей дурно воспитанныхъ и не брезгающихъ средствами для пропаганды своихъ заблужденій, но отъ этого, конечно, не измѣняется отношеніе пребывающихъ заграницею, т. е. собственно въ Швейцаріи, русскихъ семействъ къ эмигрантамъ, для которыхъ, такимъ образомъ, педагогическая профессія въ ихъ домахъ остается закрытою. Способъ же добыванія денегъ «нахрапомъ», какъ выражается Герценъ, тоже не всегда оказывался удачнымъ. Оставалось одно только средство, чтобы не умереть съ голоду: «про-

своп средства открыть ссудо-сберегательную кассу, но „старики не дали рукъ“ на устройство кассы; „а то она занесла бы въ книгу, что все село на царя воевать пойдетъ (показаніе на судѣ свидѣт. Замараевъ, стеногр. отч., стр. 443)“.

[1]) Общество пособія учреждено $2^1/_2$ года тому назадъ, но, какъ видно изъ отчетовъ его кассы о движеніи суммъ, доброхотныя пожертвованія на содержаніе эмигрантовъ дѣлались въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. Со дня основанія общества по 1 февраля 1879 г. поступило въ его кассу всего 1450 фр. 60 сант. („Громада“, № 4, 1879 г., стр. 384).

бавляться» составленіемъ и изданіемъ брошюръ, направленныхъ къ цѣлямъ преступной пропаганды, а если возможно, то и журналовъ для просвѣщенія и направленія революціонной молодежи. Такое занятіе могло сдѣлаться прибыльнымъ для нѣкоторыхъ и дать работу не одному десятку лицъ, въ случаѣ спроса или заказовъ изъ Россіи, сопровождаемыхъ, конечно, денежными субсидіями. Поэтому, въ личныхъ интересахъ нашей эмиграціи было поддерживать въ средѣ революціонныхъ дѣятелей на отечественной почвѣ систему агитаціи путемъ книжной пропаганды въ народѣ и въ кружкахъ учащейся молодежи.

Еще въ 1868 году издана заграницей для народнаго чтенія «Сказка о четырехъ братьяхъ», рисующая бѣдственное положеніе рабочаго класса, угнетаемаго барами, крупными капиталистами, кулаками и полиціей, взыскивающей недоимки раззорительнымъ, будто бы, для крестьянскаго хозяйства способомъ. Затѣмъ появляется брошюра подъ заглавіемъ «О мученикѣ Николаѣ» [1]), очевидно написанная однимъ изъ учени-

---

[1]) Въ этой брошюрѣ, которая въ свою очередь послужила основаніемъ для воззваній „къ русскому народу“ и „какъ должно жить по закону природы и правды“, составленныхъ Долгушинымъ и Дмоховскимъ и ими отпечатанныхъ въ тайной типографіи въ Москвѣ и въ подмосковной деревнѣ Сареево, между прочимъ, проводятся слѣдующія мысли, въ крайне нелогичномъ построеніи:

„Для того люди рождаются на свѣтъ одинаково голыми, слабыми и глупыми для того они дѣлаются одинаково образованными, если ихъ учить одинаково, чтобы всякій умный и не умный, и ученый и не ученый могли сразу понять, что всякому при рожденіи должно давать одинаково, всѣхъ дѣтей воспитать, содержать и учить одинаково (стр. 3 и 4)“.

„Помните люди, вы всѣ равны, вы всѣ братья, вы всѣ рождены голыми и земля вамъ всѣмъ одинаково мать (стр. 5)“.

„Поистинѣ мы вамъ говоримъ и на вѣки утверждаемъ, пока между вами будутъ жить злодѣи нечестивые, которые не стыдятся своею матерью, зем-

ковъ Чернышевскаго (имя котораго и поставлено въ заголовкѣ), задавшагося мыслью популяризовать экономическія идеи своего учителя и во имя любви къ ближнему возбуждающаго народъ къ бунту съ оружіемъ въ рукахъ и къ истребленію имущихъ классовъ, ни чужаго, ни «своего живота не жалѣючи». Позднѣе составлена тоже въ бунтовскомъ духѣ «Исторія одного французскаго крестьянина» [1]), какъ бы съ

лею, какъ рабыней торговать, до тѣхъ поръ не познаютъ люди закона истиннаго, не будетъ между ними любви братской (стр. 7)".

„Кто же служителемъ сдѣлаетъ имѣющаго образъ человѣческій—брата себѣ подобнаго— тотъ развратитель души человѣческой, хуже гада, зломъ порожденнаго, въ грязи и тинѣ извивающагося, мерзостью питающагося (стр. 9)".

„Спросили ученики учителя:—какъ узнать намъ законныхъ правителей, какъ отличить ихъ отъ беззаконниковъ, отъ злодѣевъ власть имѣющихъ?—И отвѣтилъ имъ учитель: Ой, не трудно законныхъ правителей отличить отъ беззаконниковъ, какъ не трудно хлѣбъ питающій отличить отъ плевелъ мерзостныхъ. Кто живетъ въ дворцахъ и въ роскоши, тотъ исчадіе зла поганаго, поощритель онъ беззаконія" и проч.

Брошюра заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ:

„Знайте и помните, люди добрые: пока чистый законъ не царствуетъ, до тѣхъ поръ у васъ всѣхъ одно дѣло есть, это съ оружіемъ съ гордыми битися, своего живота не жалѣючи за святой законъ и за равенство. Только тотъ, кто въ битвѣ свою кровь прольетъ, землевладѣльцевъ уничтожаючи, богачей гордыхъ смиряючи, только надъ тѣмъ будетъ благословеніе: не устрашился онъ, чего боятся всѣ, не убоялся онъ брать оружіе и съ кичливой силой сражатися (стр. 27)".

[1]) Исторія одного (французскаго) крестьянина „есть передѣлка брошюры Шатріана подъ тѣмъ же заглавіемъ. Она написана неуклюжимъ слогомъ съ видимымъ намѣреніемъ поддѣлаться подъ народную рѣчь. Исполненіе этой работы принялъ на себя Клеменсъ, изъ кружка чайковцевъ (Обв. актъ стр. 15), бывшій редакторъ листка „Земля и воля". Оканчивается эта брошюра приглашеніемъ крестьянъ и фабричныхъ отобрать у баръ всю землю въ свое распоряженіе и всѣ фабрики и заводы, владѣть же отобраннымъ имуществомъ сообща и никогда не дѣлиться. Если же бары да купцы станутъ противиться, то „вали ихъ чѣмъ попало на право и на лѣво". Для этого необходимо всѣмъ дѣйствовать вмѣстѣ и за одно: „Потому,—поучаетъ авторъ,—ежели вы не

цѣлью выяснить причины и значеніе народной революціи.

Около половины 1873 г. нашей эмиграціей овладѣваетъ настоящая литературная лихорадка. Отпечатано въ большомъ количествѣ экземпляровъ воззваніе къ народу, начинающееся словами: «Чтой-то братцы, какъ тяжко живется нашему брату на русской землѣ!» Въ немъ разсказывается побасенка, какъ, не спросясь овецъ, въ овечьемъ государствѣ посаженъ былъ въ овчарню старостою волкъ, и внушается мысль, что крестьяне уже сто разъ выкупили свои надѣлы «податями, оброками да барщиной, еще коли въ кабалѣ стояли помѣщичьей». Крестьяне де долго молчали, много терпѣли, думая «можетъ полегчаетъ», а оказывается, что ждать имъ нечего: «пока ими будутъ управлять цари, бояре, да чиновники, не будетъ у нихъ ни земли, ни воли, ни хлѣбушка». «Что прежде съ нихъ брали кнутомъ, теперь берутъ голодомъ», т. е. голодомъ гонятъ на барщину. Непосильныя для нихъ подати накладываются еще и въ томъ разсчетѣ, что «съ голоду-то да съ холоду не очень разбунтуешься». «А съ сытыми-то съ вами, молъ, и не справишься». До того невѣжественно понятіе о народѣ, что нищета считается одною изъ главныхъ причинъ спокойствія массъ, а сытость чѣмъ-то враждебнымъ государственному порядку. Тѣмъ не менѣе воззваніе «чтой-то братцы», какъ видно изъ дѣла о революціонной пропагандѣ, пользовалось особымъ рас-

---

всѣ за разъ за дѣло приметесь, такъ васъ баре по одиночкѣ живо передушатъ". Солдатъ бояться нечего, потому что на каждаго изъ нихъ приходится, будто бы, по 100.000 челов. рабочаго населенія. „Да вы ихъ одними шапками закидаете", увѣряетъ брошюра. Она была перепечатана въ типографіи Мышкина въ Москвѣ подъ измѣненнымъ заглавіемъ „Исторіи одного изъ многострадальныхъ".

положеніемъ агитаторовъ и весьма дѣятельно ими распространялось [1]). Не менѣе видное мѣсто занимаетъ и брошюра, извѣстная подъ заглавіями: «Хитрая механика», или «Откуда и куда идутъ мужицкія денежки». Въ ней, въ формѣ разговора за трактирнымъ столикомъ между двумя фабричными, доказывается примѣрами изъ обыденной жизни, что косвенные налоги на предметы потребленія всею своею тяжестью ложатся на рабочихъ, которые, неся въ то же время и прямые налоги, въ сущности являются единственными плательщиками податей въ государствѣ; даже налогъ на землю не составляетъ исключенія, такъ какъ уплачивается, будто бы, посредствомъ соразмѣрнаго уменьшенія заработной платы. Такимъ образомъ, въ простой разговорной формѣ передаются главныя основанія ученія Лассаля. Брошюра заканчивается указаніемъ на пользу сближенія съ молодежью, оставившею школьную скамью и пошедшею въ народъ, съ цѣлью выяснить темному люду безнадежность его положенія и причины его угнетающія. Лекарствомъ противу пынѣшняго соціальнаго зла, «до тла искореняющимъ всю неправду», предлагается братство. «Надо—говоритъ брошюра, — чтобы весь людъ православный жилъ между собой, что братья родные; чтобы не было твоего али моего, а все было бы общее—братское; чтобы и трудился-то всякій не такъ, какъ теперь, только для себя одного, а со всѣми

[1]) Оно выдержало нѣсколько перепечатокъ и распространялось впослѣдствіи подъ разными названіями; такъ третье изданіе (1875 г). извѣстно подъ заглавіемъ: „Храбрый воинъ“, соч. Ф*** Москва. Типографія Харламова.

Указывая извѣстныя типографіи, наша подпольная печать позволяла себѣ злыя шутки на счетъ лицъ наиболѣе ненавистныхъ агитаторамъ; такъ, напр., возмутительный разсказъ „Работникъ“ помѣченъ изданнымъ въ университетской типографіи Каткова въ Москвѣ.

сообща, каждый по своей силушкѣ, а бралъ бы сколько каждому нужно, ни больше, ни меньше; чтобы ни у кого ни излишества, ни недостатка не было... тогда... никто у другаго воровать не станетъ. А безъ воровства ни барином̀ъ не сдѣлаешься, ни кулакомъ не будешь... Одно слово, коли мы мужики, установимъ промежъ себя братство, то будетъ правда между нами и не будетъ той правдѣ конца». Чиновники, бары и купцы въ это братство не попадутъ, потому что всѣ они «лежебоки, да дармоѣды, какіе же они братья?..» «Когда придетъ часъ и подымется нашъ народъ православный, пошлетъ противъ насъ царь войска, станутъ бары съ чиновниками да съ богачами послѣдній рубль ребромъ ставить, чтобы насъ одолѣть да раздавить. Ну тогда пусть и отъ насъ пощады не ждутъ... Одолѣютъ они, можетъ быть, и разъ, и другой. Но напослѣдокъ мы таки возьмемъ свое, потому нѣтъ такой силы, чтобы могла всему народу противиться. А когда нашъ верхъ возьметъ, то очистимъ мы Русь-матушку отъ всѣхъ ея мучителей» [1]).

Во всѣхъ этихъ брошюрахъ проглядываетъ одинъ общій планъ: возбудить въ рабочемъ населеніи недовѣріе къ заботамъ правительства объ улучшеніи его быта; выставить, что взимаемые въ казну подати и

[1]) „Хитрая механика", также какъ и прокламація „чтой-то братцы", выдержала нѣсколько изданій и переведена на малороссійскій языкъ Драгомановымъ для распространенія въ южныхъ губерніяхъ и между галиційскими русинами Одно изданіе (3-е 1875 г.), подъ заглавіемъ: „Разсказы бывалаго человѣка", имѣетъ всю внѣшность изданія народныхъ чтеній въ соляномъ городкѣ, т е. „трудовъ Коммиссіи педагогическаго отдѣла музея прикладныхъ знаній по составленію чтеній для народа". При этомъ не только точно обозначенъ адресъ типографіи (О. А. Меркулова), но и сдѣлана обычная помѣтка о дозволеніи къ печати цензурою.

налоги, во первыхъ, цѣликомъ уплачиваются рабочими классами, во вторыхъ, не идутъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, а непроизводительно растрачиваются Царствующимъ Домомъ и служилыми людьми; что самый способъ взиманія податей и размѣры обложенія налогами, оброками и выкупными платежами раззорительны для народнаго хозяйства и несправедливы въ своемъ основаніи; затѣмъ внушить народу, что довести его до нищеты выгодно для привиллегированныхъ классовъ (нуждающихся въ пролетаріяхъ-поденьщикахъ, въ личныхъ услугахъ) и входитъ въ разсчеты правительства, опасающагося, будто бы, какъ бы народъ не возвысилъ голоса когда станетъ сытымъ,— не потребовалъ бы отчета за все время, прожитое имъ въ нуждѣ; что, поэтому, народу слѣдуетъ разсчитывать только на свои собственныя силы, несокрушимыя имѣющимися въ распоряженіи правительства средствами, коль скоро эти силы организованы и соединены во всеобщее возстаніе для достиженія дружно преслѣдуемыхъ цѣлей.

Изложенный планъ, въ главныхъ своихъ чертахъ, передавъ въ пѣснѣ, извѣстной подъ названіемъ «ослушной» [1]). Ее выучивали наизусть и легко проводили въ народъ, всегда охотно перенимающій всякую новую пѣсню. Такой способъ пропаганды едва ли не

[1]) Вотъ текстъ этой пѣсни:

Часъ ослушный пробилъ для насъ,
Освободимъ себя со славой!
Злодѣи вынудили насъ
Къ расправѣ дружной и кровавой!
Пусть какъ единый человѣкъ
Вся Русь замученная встанетъ!
Освободимъ себя на вѣкъ!
Земли родной на всѣхъ достанетъ!

самый удачный. По крайней мѣрѣ, изъ процесса 193 видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ удерживаться довольно продолжительное время случайно занесенныя туда пѣсни революціоннаго содержанія; такъ, по показанію одного свидѣтеля Черниговской губерніи, вызваннаго въ судъ по означенному дѣлу, уже лѣтъ десять или двадцать распѣвается мѣстнымъ населеніемъ пѣсня, начинающаяся словами:

«Долго насъ помѣщики душили» [1])

Довольно нѣмцамъ пировать,
Довольно тѣшиться надъ нами!
Солдатъ, да земство угнетать
Съ кнутомъ, плетьми и кандалами!
Насъ грабежами до сумы
Они довольно доводили!
Крестьянской кровью вдосталь мы
Родныя нивы напоили!
Довольно насъ терзали зря,
Довольно стригли насъ, какъ стадо...
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи—не надо!
Безъ полицейскихъ и дворянъ
Съ собой управимся мы сами;
Разсудимъ всѣ дѣла мірянъ,
Какъ въ старь—землей, да волостями!
Сходись со всѣхъ сторонъ народъ,
Всякъ что за волю—будетъ съ нами.
Солдаты къ намъ! насталъ чередъ—
Свободу отстоять штыками.
Къ оружію друзья!
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ! впередъ!—насъ ждетъ земля
Да воля за труды (припѣвъ послѣ каждаго куплета).
(„Пѣсенникъ“, изд. 1873 г.).

[1]) Она также вошла въ „пѣсенникъ“, какъ и сочиненная Рылѣевымъ: „Ужь какъ шелъ кузнецъ да изъ кузницы“, 4 другихъ, новѣйшаго произведенія, на голоса: „Комаринской, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, „Ѣздилъ русскій

«Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ» въ короткій промежутокъ времени выдержалъ 5 изданій (послѣднее въ 1873 году). Одна изъ нихъ, наиболѣе дерзко составленная, именно «Барка» [1]), написана отставнымъ подпоручикомъ Ярцевымъ, изъ помѣщиковъ Тверской губерніи, по всей вѣроятности находившимся въ сношеніи съ нерозыскаными шутниками, остальныя же большею частію принадлежатъ перу вышеупомянутаго Клеменса [2]), автора передѣлки брошюры Шатріана. Всѣ онѣ проникнуты духомъ ненависти къ Государю и привиллегированнымъ сословіямъ, угнетающимъ, будто бы, трудъ въ его многоразличныхъ видахъ, что можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ выдержекъ:

изъ „Ночи послѣ праздника“:

Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди стоятъ три дольщика:
Царь, попъ и господинъ.

бѣлый Царь“, „Василиса, Василиса“ и 2 пѣсни—одна безъ названія, начинающаяся словами „То не на небѣ туча черная собиралася“, а другая подъ названіемъ „Воля матушка“ посвящены восхваленію Стеньки Разина, какъ провозвѣстника воли и мстителя за народъ. Обѣ послѣднія пѣсни не лишены эстетическаго достоинства и неподдѣльнаго воодушевленія.

[1]) Ярцевъ распѣвалъ эту пѣсню въ присутствіи крестьянъ своей деревни и даже въ волостномъ правленіи, въ помѣщеніи для школы, которой онъ состоялъ попечителемъ. Пѣсня изображаетъ тащимую крестьянами противъ теченія барку, нагруженную гуляющими дворянами съ Царемъ у руля:

Нашей баркой заправляли,
Намъ же пикнуть не давали,
Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ.
Отъ такого управленья
Стала барка безъ движенья
Ой и пр.

По припѣву эта пѣсня носитъ еще названіе „дубинушки“.

[2]) По показанію подсудимаго Низовкина.

изъ „Пѣсни кузнеца“:

Именитый купецъ,
Да царь бѣлый-отецъ,
Раззорили въ конецъ:
Вотъ рекрутскій наборъ,
Да подушный поборъ,
Да акцизы на соль,
Поперегъ насъ и вдоль
Доканали.

изъ пѣсни на мотивъ: „Когда я былъ аркадскимъ принцемъ:“

Когда я былъ Царемъ Россійскимъ,
Съ крестьянствомъ лихо подшутилъ:
Далъ въ февралѣ я имъ свободу,
А къ маю по міру пустилъ.

„Дума ткача“ заканчивается слѣдующимъ нетерпѣливымъ возгласомъ:

Долго ли будетъ житье горемычное,
Скоро ль мученью конецъ?!

Нельзя не замѣтить, что рекрутская повинность и подушная подать, которыя «пѣсня кузнеца» считаетъ особенно обременительными для народнаго хозяйства, на столько видоизмѣнены закономъ 1 января 1874 г. и послѣдовавшимъ въ нынѣшнемъ году Высочайшимъ повелѣніемъ, что могутъ быть отнесены къ области несовершенствъ государственнаго устройства прошлаго времени; судя же по отвѣтнымъ рѣчамъ министра финансовъ на обращенные къ нему нынѣшнимъ лѣтомъ ходатайства объ отмѣнѣ акциза на соль, есть основаніе предполагать, что и этотъ косвенный налогъ можетъ быть видоизмѣненъ безъ ущерба для государственной казны.

Кромѣ составленія брошюръ прямо возмутительнаго характера, революціонная молодежь начала семидесятыхъ годовъ тратила свои силы на изготовленіе раз-

сказовъ тенденціознаго содержанія, въ которыхъ старалась возможно черными красками изобразить житье-бытье крестьянина и фабричнаго рабочаго и ихъ отношеній къ предпринимателямъ. Къ такимъ разсказамъ принадлежитъ, напримѣръ, составленный готовившимся къ поступленію въ Технологическій институтъ 19 лѣтнимъ дворяниномъ Щиголевымъ разсказъ «Дѣдушка Егоръ», затѣмъ «Митюха», «Сказка Кота Мурлыки», «У перевоза», «Степные очерки» Лисовскаго и т. п. Съ цѣлью показать, что рабочіе всего міра находятся не въ лучшемъ положеніи и что повсюду живутъ въ довольствѣ одни только капиталисты да собственники, эксплуатирующіе трудъ ближняго, составлена сказка «Говоруха», извѣстная еще подъ заглавіемъ «Мудрицы Наумовны». Въ ней, между прочимъ, проводится такая мысль: «Ни одинъ бунтъ не погубитъ столько народу, сколько гибнетъ каждый годъ отъ каторжной работы (т. е. отъ работы на фабрикахъ) на нашихъ злодѣевъ. Такъ нечего же намъ бояться бунта! Лучше бунтъ, чѣмъ покой»[1])!

Всѣ эти плоды фантазіи, омраченной à outrance одною неприглядною стороною бытовой жизни рабочаго, не были результатомъ непосредственнаго наблюденія, а были порождены на свѣтъ подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго въ книгахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе изъ агитаторовъ на отечественной почвѣ были знакомы въ оригиналѣ съ трудами Карла Маркса, тщательно разоблачавшаго до мельчайшихъ подробностей невыгодныя стороны положенія рабочаго класса на Западѣ. Но такія же свѣдѣнія они могли почерпнуть и у себя дома изъ ори-

[1]) Стр. 73 изд. 1875 г., будто бы дозволеннаго цензурою. Москва. Типографія Бахметева, на Стрѣтенкѣ (sic), въ д. Карлони.

гинальныхъ сочиненій А. Михайлова и переводныхъ, каковы, напр., защитительныя рѣчи и брошюры Фердинанда Лассаля [1]). У насъ были и свои Марксы. Мрачныя картины безвыходнаго положенія рабочаго люда въ Россіи, въ убѣдительной формѣ цифровыхъ данныхъ изображенныя Флеровскимъ (Берви), повидимому не безъ умысла умалчивавшимъ объ источникахъ добытыхъ имъ свѣдѣній, производили потрясающее впечатлѣніе на учащуюся молодежь. Въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія показаніе на судѣ подсудимаго Городецкаго, дворянина, б. воспитанника гимназіи изъ самарскаго «кружка саморазвитія». «Между многими книгами — говорилъ онъ—я прочелъ «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Въ этомъ сочиненіи, вѣроятно, всѣмъ извѣстномъ, Флеровскій рисуетъ яркую картину бѣдности и невѣжества русскаго рабочаго класса. На меня эта картина произвела сильное впечатлѣніе. Провѣрить вѣрность фактовъ я не могъ, но впечатлѣніе было на столько сильно, что у меня зародилась масса вопросовъ, а между тѣмъ мнѣ казалось, что общество слишкомъ индиферентно относится къ положенію рабочаго класса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что общество потому такъ относится, что не наблюдаетъ, не всматривается въ это положеніе. Я думалъ, что если обратить его вниманіе на положеніе у насъ рабочихъ, то оно въ состояніи будетъ оказать вліяніе на правительство и, такимъ образомъ, мѣры, которыя могутъ быть приняты противъ этого, будутъ болѣе цѣлесообразны и

[1]) Сочиненія Лассаля, изданныя на русскомъ языкѣ въ 2 томахъ еще въ 1870 году, были изъяты изъ обращенія только въ 1872 году, т. е. безпрепятственно циркулировали среди молодежи въ теченіе 2 лѣтъ.

ихъ будетъ болѣе» [1]). Если даже и не считать вполнѣ искреннимъ показаніе подсудимаго на судѣ, то и тогда изъ этихъ немногихъ словъ само собою вытекаетъ, что главный и, быть можетъ, единственный толчекъ преступной дѣятельности юноши, не лишеннаго хорошихъ душевныхъ побужденій, былъ данъ не самою жизнью, а изображеніемъ ея непривлекательныхъ сторонъ перомъ талантливаго писателя, справедливость словъ котораго не могла быть провѣрена молодымъ и неопытнымъ читателемъ. Съ другой стороны нельзя не прійти къ заключенію, что если бы сообщеніе фактовъ, подобныхъ изложеннымъ въ бѣглыхъ очеркахъ Флеровскаго, имѣло у насъ мѣсто единственно въ спеціальныхъ изданіяхъ научнаго характера, а потому и доступныхъ только спеціалистамъ и правительственнымъ лицамъ, или если бы наши публицисты, обладая бо́льшимъ развитіемъ чувства гражданскаго долга и уваженія къ порядку, не столько старались разоблачать общественныя язвы, какъ употребляли свой досугъ и свои мыслительныя способности на изысканіе средствъ къ развитію народнаго благосостоянія, то дѣятельность чувствительныхъ къ чужому горю молодыхъ людей, подобныхъ Городецкому, едва ли бы приняла преступное направленіе. А въ средѣ нашей молодежи такихъ впечатлительныхъ юношей было и есть не мало. Вмѣсто того, чтобы серьезными изысканіями и спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу умѣрять неумѣстные порывы слишкомъ нетерпѣливыхъ доброжелателей народа, наши писатели по рабочему вопросу, побуждаемые ложнымъ демократизмомъ, подняли вопль негодованія, разожгли

[1]) Стенограф. отчетъ засѣд. Особ. Присут. Сената 2 ноября 1878 г., стр. 180.

страсти и своими цензурными, или, вѣрнѣе сказать, пропущенными цензурою статьями только заготовили матеріалъ для тѣхъ нущенныхъ въ народъ книженокъ, которыя не одну сотню интеллигентныхъ, но очаженныхъ головъ привели на скамью подсудимыхъ.

При чрезвычайномъ обиліи упомянутаго матеріала, который, вслѣдствіе пробужденія энергіи Главнаго Управленія по дѣламъ печати въ 1872 году, сталъ уходить въ подпольную литературу, открылась возможность учредить заграницею типографскій станокъ.

Послѣдній не только отпечатывалъ по заказу изъ Россіи вышеприведенныя брошюры, предназначенныя для распространенія въ народѣ, но и далъ жизнь самостоятельному органу соціальныхъ революціонеровъ, редактированіе котораго поручено было полковнику Лаврову, бывшему профессору Михайловской артиллерійской академіи, писателю, извѣстному прежде русской публикѣ подъ псевдонимомъ Миртова [1]). Денежныя средства, конечно, шли изъ Россіи и повидимому доставлялись первоначально черезъ посредство петербургскаго кружка такъ называемыхъ чайковцевъ, по преимуществу занимавшихся книжною пропагандою [2]). При такихъ обстоятельствахъ въ половинѣ 1873 г. возникъ періодическій журналъ «Впередъ», издаваемый сначала въ Цюрихѣ, но потомъ вскорѣ перенесенный въ Лондонъ. По заявленію издателей женевской газеты «Работникъ», вполнѣ, конечно, знакомыхъ съ тайнами нашей швейцарской прессы, русская революціонная

---

[1]) Наиболѣе извѣстное сочиненіе Миртова: „Историческія письма“.

[2]) Главными дѣятелями кружка были, кромѣ самого Чайковскаго, Клеменсъ, кн. Кропоткинъ, студенты Чарушинъ и Синегубъ и отставные артиллерійскіе поручики Шишко и Кравчинскій.

молодежь вытащила Лаврова изъ міра трансцедентальной метафизики, въ изученіи которой онъ до того времени мирно проводилъ дни свои [1]). Только подъ вліяніемъ и подъ давленіемъ этой молодежи принялъ Лавровъ ту программу, которая ошибочно зовется его программой и на которую отъ согласился даже не безъ сопротивленія [2]). Онъ самъ говоритъ, что редакція журнала ему была предложена и принять ее онъ счелъ для себя честью и обязанностью [3]). Являясь простымъ исполнителемъ чужаго плана, онъ естественно не могъ ни руководить движеніемъ, ни сколько нибудь рѣшительно вліять на организацію революціонныхъ кружковъ. Журналъ «Впередъ» и позднѣйшіе лондонскіе труды его редактора, — какъ по составленію оригинальныхъ брошюръ [4]), такъ и по изданію цѣлой серіи соціалистическихъ сочиненій и мемуаровъ Международнаго Общества Рабочихъ [5]),— безспорно оказавшіе давленіе на революціонное воспитаніе нашего мыслящаго пролетаріата, не могли имѣть того же значенія во время дѣятельной работы станка по исполненію заказовъ въ Цюрихѣ. Люди сформировались и движеніе началось прежде, чѣмъ появились на свѣтъ цюрихскія изданія 1873 года; на-

[1]) „Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“ изд. 2, Женева, 1875 г., стр. 21.

[2]) Тамъ-же. [3]) „Русской соціально-революціонной молодежи“, стр. 4.

[4]) Таковы были, напр., брошюры: «Русской соціально-революціонной молодежи“ (по поводу брошюры Ткачева: „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“), Лондонъ, 1874 г. и „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“. Лондонъ, 1875 г.

[5]) Особеннаго вниманія по нелѣпости комментаріевъ издателя и ихъ рѣзкаго анархическаго направленія, заслуживаютъ двѣ записки, представленныя на Брюссельскій конгрессъ въ 1875 году секціею Брюссельскою и Женевскою секціей пропаганды. Изданіе озаглавлено: „Общественная служба въ будущемъ обществѣ“. Лондонъ, 1875 г.

конецъ, послѣднія были непосредственнымъ продуктомъ этого движенія, а не причиною его вызвавшею. Движеніе вышло непосредственно изъ отечественной почвы и развилось подъ вліяніемъ причинъ болѣе могущественныхъ, чѣмъ дѣятельность заграничнаго станка, всецѣло обязаннаго своимъ существованіемъ прискорбнымъ обстоятельствамъ, не зависившимъ отъ доброй воли господъ Лавровыхъ и К°.

Даже Бакунинъ, въ извѣстныхъ прибавленіяхъ (подъ литерами А и Б) къ своей «Государственности и анархіи», получившихъ значеніе революціоннаго катехизиса въ средѣ нашихъ агитаторовъ, главнымъ образомъ только опредѣляетъ и критикуетъ различныя направленія уже вполнѣ выяснившагося движенія, хотя и скрытаго еще отъ глазъ полиціи.

Послѣ неудачнаго исхода «нечаевскаго предпріятія», какъ онъ называетъ заговоръ общества «Народной Расправы», мнѣнія на счетъ того, *какъ* и *зачѣмъ* идти въ народъ, чрезвычайно раздѣлились; «но изъ общей неурядицы мыслей выдѣляются уже теперь два главныя и противоположныя направленія. Одно болѣе миролюбиваго и подготовительнаго свойства; другое — бунтовское и стремящееся прямо къ организаціи народной обороны».

«Поборники перваго направленія — продолжаетъ Бакунинъ,—въ настоящую возможность этой революціи не вѣрятъ. Но такъ какъ они не хотятъ и не могутъ оставаться покойными зрителями народныхъ бѣдъ, то они рѣшаются идти въ народъ для того, чтобы братски раздѣлить съ нимъ эти бѣды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы его научить, подготовить, не теоретически, а на практикѣ, своимъ живымъ примѣромъ. Одни пойдутъ въ фабричные работники, и работая наравнѣ, вмѣстѣ съ ними, будутъ

стараться распространять между ними духъ общенія». Такова именно была дѣятельность московскихъ пропагандистовъ на фабрикахъ въ окрестностяхъ Москвы и въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, обнаруженная два года спустя (въ 1875 г., процессъ 50-ти $\frac{21\ \text{февраля}}{14\ \text{марта}}$ 1877 г.), послѣ того какъ были написаны эти строки и въ которой принимали участіе также и лица, судившіяся по дѣлу «о преступной пропагандѣ въ Имперіи», что̀ доказано по отношенію къ подсудимому Лукашевичу.

«Другіе постараются основать сельскія колоніи, въ которыхъ кромѣ общаго пользованія землею, столь извѣстнаго нашимъ крестьянамъ, проведутъ и примѣнятъ начало имъ совсѣмъ незнакомое, но экономически необходимое, начало коллективнаго обработыванія общей земли и ровнаго раздѣленія продуктовъ или цѣны продуктовъ между собою на основаніи самой строгой справедливости, не юридической, а человѣческой, т. е. требуя больше работы отъ способныхъ, и сильныхъ, меньше отъ неспособныхъ и слабыхъ и распредѣляя заработки не въ мѣру работы, а въ мѣру потребностей каждаго». Совершенно тѣ же идеи проводитъ сказка о «Мученикѣ Николаѣ» и таковы въ дѣйствительности были намѣренія братьевъ Жебуневыхъ, еще въ 1872 году, и впослѣдствіи Фишера и другихъ изъ Кіевской коммуны (процессъ 193-хъ). Въ иныхъ случаяхъ они не осуществлялись единственно по недостатку средствъ [1]). Бакунинъ находитъ ихъ прекрасными, чрезвычайно великодушными и благородными, особенно потому, что въ устрой-

[1]) Это явствуетъ, между прочимъ, изъ письма Арапзона къ своему товарищу Голоушеву (Обвинит. актъ по дѣлу о революц. пропагандѣ въ Имперіи, стр. 82—83).

ствѣ домашней жизни новыхъ людей на началахъ полной свободы (т. е. полной нравственной распущенности) лица видѣлъ противодѣйствіе «той гнусной патріархальности, которая лежитъ въ основѣ всего нашего русскаго рабства»; но результаты отъ такой дѣятельности считалъ слишкомъ ничтожными. «Тѣ— говоритъ онъ,— которые рисуютъ себѣ такіе планы и искренно намѣрены осуществить ихъ, дѣлаютъ это, безъ сомнѣнія, закрывши глаза для того, чтобы не видѣть, во всемъ ея безобразіи, нашей русской дѣйствительности. Можно напередъ предсказать имъ всѣ страшныя, тяжкія разочарованія, которыя постигнутъ ихъ при самомъ началѣ исполненія, потому что за исключеніемъ развѣ только немногихъ, весьма немногихъ счастливыхъ случаевъ, большинство между ними дальше начала не пойдетъ, не будетъ въ силахъ идти» [1]). Предсказаніе сбылось: Кіевская коммуна просуществовала не долго и едва только ея члены появились въ имѣніи Филиппъ и Брешковскій въ Ковенской губерніи, какъ ихъ своеобразный образъ жизни обратилъ на себя вниманіе мѣстной полиціи, еще ничего не знавшей о ихъ противозаконныхъ цѣляхъ [2]), такъ что, по показанію Филиппъ на судѣ, «жить было нельзя въ имѣніи» и она вынуждена была его продать.

Бакунинъ потому, въ особенности, придавалъ нѣкоторое значеніе устройству домашней жизни по шаблону романа «Что дѣлать?» и нигилистическихъ бредней Писарева, что ограничивающую свободу лич-

[1]) Прилож. подъ лит. А, стр. 17—19.

[2]) Первоначальнымъ поводомъ къ особенному вниманію полиціи было недоразумѣніе: въ университетскомъ свидѣтельствѣ, выданномъ Фишеру, вмѣсто словъ „своекоштный студентъ“, кто-то прочелъ „своевольный студентъ.“

ности патріархальность считалъ кореннымъ, историческимъ и «къ несчастію» совершенно народнымъ зломъ. По его мнѣнію, «деспотизмъ мужа, отца, а потомъ старшаго брата, обратилъ семью, уже безнравственную по своему юридическо-экономическому началу, въ школу торжествующаго насилія и самодурства, домашней ежедневной пошлости и разврата [1]). Гробъ убѣленный, выраженіе отличное для опредѣленія русской семьи. Добрый русскій семьянинъ, если онъ человѣкъ дѣйствительно добрый, но безхарактерный, значитъ просто добродушная свинья, невинная и безотвѣтная, существо, ничего ясно не сознающее, ничего опредѣленно не хотящее и дѣлающее безразличпо, и тѣмъ, будто бы, непарочно, почти въ одно и то же время, добро и зло. Его дѣйствія гораздо менѣе опредѣляются цѣлью, чѣмъ обстоятельствами, минутнымъ расположеніемъ и, главное, средою. Привыкши повиноваться въ семьѣ, онъ продолжаетъ повиноваться и гнуться по направленію вѣтра и въ обществѣ, онъ созданъ быть и оставаться рабомъ, но деспотомъ не будетъ. На это у него не хватитъ силы. Онъ самъ сѣчь поэтому не будетъ, но непремѣнно подержитъ того несчастнаго, виновнаго или невиноватаго, котораго начальство высѣчь захочетъ, начальство же является ему въ трехъ главныхъ и священныхъ видахъ: какъ отецъ, какъ міръ и какъ царь».

«Если же онъ человѣкъ съ поровомъ и съ огнемъ, онъ будетъ въ одно и то же время и рабомъ, и дес-

[1]) Будто нравственны эмансипированныя женщины и дѣвушки процесса 193-хъ въ родѣ Идаліи Польгеймъ, Брешковской, Филипиъ и Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ (приговорена къ разстрѣлянію Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ, но по конфирмаціи приговора сослана въ каторжныя работы весною нынѣшняго 1879 года).

потомъ, деспотомъ, самодурствующимъ надъ всякимъ, кто будетъ стоять ниже его и будетъ зависѣть отъ его произвола. Господа же его міръ и царь. Если онъ самъ глава семьи, онъ будетъ деспотомъ безграничнымъ у себя дома, но слугою міра и рабомъ царя» [1]).

Очевидна натяжка во всей этой тирадѣ противъ историческаго строя народной русской семьи, представленной въ двухъ крайнихъ типахъ семьянина: человѣка безхарактернаго и деспота; но ужасъ передъ несокрушимымъ оплотомъ семейнаго начала противъ юридическаго и нравственнаго разложенія общества такъ великъ у Бакунина, что беретъ верхъ надъ справедливостью, въ разсчетѣ, разумѣется, что молодежь, для которой были писаны эти строки, по своей жизненной неопытности, не додумается до истины. Онъ призывалъ на борьбу «всѣми силами» съ этимъ историческимъ зломъ—не народной жизни, а соціальной революціи, и, конечно, хорошо зналъ натуру тѣхъ, къ кому обращался. Увлечь юношу изъ консервативной семьи [2]) на путь противозаконной агитаціи можно было только подорвавъ въ его глазахъ авторитетъ родительской власти. Непокорный сынъ изъ народа—обыкновенный типъ бунтаря на мірскомъ сходѣ. Приготовить же бунтарей изъ народа и *для* народа есть именно, по мнѣнію Бакунина, задача интеллигентнаго пролетаріата. «Классъ — говоритъ онъ,—который мы называемъ нашимъ умственнымъ пролетаріатомъ, и который у насъ уже въ положеніи соціально-революціонномъ, т. е. просто на просто

---

[1]) Прил. подъ лит. А.

[2]) Таковъ, напр., изъ процесса 193 подсудимый Щиголевъ, родители котораго здраво относились къ современному движенію молодежи и всѣми силами старались удержать отъ него своего сына.—Идалія Польгеймъ бѣжала изъ родительскаго дома.

отчаянномъ и невозможномъ, долженъ теперь проникнуться сознательною страстью соціально-революціоннаго дѣла, если онъ не хочетъ погибнуть постыдно и въ тинѣ; этотъ классъ призванъ нынѣ быть пріуготовителемъ, т. е. организаторомъ, народной революціи». Бакунинъ очень хорошо зналъ, что для пролетаріевъ изъ интеллигенціи есть еще выходъ въ государственную, общественную или, наконецъ, въ частную службу, а потому и постарался тутъ же запереть этотъ выходъ замѣчаніемъ, что свободныхъ мѣстъ среди «негостепріимныхъ грабителей, эксплуататоровъ и притѣснителей народа» остается все меньше и меньше, такъ что большинство желающихъ получить какое нибудь мѣсто «останется только со срамомъ измѣны и погибнетъ въ нуждѣ, въ пошлости и подлости» [1]).

Послѣднее слово знаменитаго прибавленія подъ литерою А состоитъ въ слѣдующемъ взглядѣ на обязанности интеллигентныхъ пролетаріевъ:

«Порвавши безвозвратно всѣ связи съ міромъ эксплуататоровъ, губителей и враговъ русскаго народа, они должны смотрѣть на себя, какъ на капиталъ драгоцѣнный, принадлежащій исключительно дѣлу народнаго освобожденія, какъ на такой капиталъ, который долженъ тратить себя лишь на пропаганду народную, на постепенное возбужденіе и на организацію всенароднаго бунта» [2]).

Въ отговариваніи молодежи отъ поступленія на службу не было ничего новаго. Выше сего упомянуто, что еще Чернышевскій успѣлъ уговорить нѣсколькихъ чиновниковъ выйти въ отставку для пріисканія занятій, «болѣе соотвѣтствующихъ человѣче-

[1]) Прил. подъ лит. А, стр. 22.

[2]) Тамъ-же.

скому достоинству». Равно ничего новаго не было и въ указаніи на необходимость подготовки бунтарей изъ народа. Извѣстно, напр., что еще въ 1872 году студентъ Технологическаго института Лисовскій пользовался большою популярностью въ средѣ студенческаго міра за то именно, что посвятилъ всю свою жизнь на сближеніе съ рабочими съ цѣлью распространенія между ними противуправительственныхъ идей и тогда уже имѣлъ многихъ подражателей [1]). На чердакахъ, въ глухихъ мѣстностяхъ Петербурга [2]), шла дѣятельная подготовка бунтарей изъ народа съ самаго начала нынѣшняго десятилѣтія и изъ этихъ скрытыхъ отъ глазъ начальства аудиторій выходили болѣе упорные, болѣе энергичные и болѣе опасные, именно вслѣдствіе ничтожества своего общественнаго положенія, агитаторы, чѣмъ изъ доступныхъ надзору правительства аудиторій артиллерійскаго училища и разныхъ семинарій, воспитывавшихъ такихъ неистовыхъ ненавистниковъ всякаго порядка, какъ Ковальскій—ученикъ оставшагося неизвѣстнымъ пьяницы учителя, поклонника государственнаго преступника Чернышевскаго. Простые рабочіе Виноградовъ и Орловъ, фабричные Петръ Алексѣевъ и Семенъ Агановъ, быстро усвоившій себѣ соціалистическое ученіе крестьянинъ Емельяновъ, мечтавшій, между прочимъ, о замѣнѣ этимъ ученіемъ Евангелія, и мног. др. изъ процессовъ 193 и 50 представляютъ собою выдающіеся образчики работы подпольныхъ школъ. Первые два ѣздили заграницу, присматривались къ быту швейцарскихъ рабочихъ и работали вмѣстѣ съ ними. Рѣчи,

---

[1]) Показаніе подсудимаго Низовкина (проц. 193) „обв. актъ по дѣлу о революц. проп. въ Имп.", стр. 9.

[2]) Напр., въ Киновеѣ, у Невской заставы, на Петербургской и Выборгской сторонахъ.

произнесенныя на судѣ Алексѣевымъ и Агаповымъ, показываютъ, что эти люди закалены въ соціально-революціонномъ ученіи, а первый изъ нихъ проникнутъ сознательною ненавистью къ классу капиталистовъ и ничѣмъ неисправимыми заблужденіями на счетъ отношеній правительства къ народнымъ нуждамъ [1]). Онъ объясняетъ свою ненависть слѣдующею обстановкою жизни фабричнаго рабочаго:

«Девяти лѣтъ—мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же тамъ насъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками пріучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ!..

«Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются, всевозможными способами, отнимать у рабочихъ послѣднюю трудовую копѣйку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе, для рабочихъ, изъ московскихъ фабрикантовъ (упомянуты имена Бабкина, Гучкова, Бутикова и Морозова) и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную

---

[1]) Эти рѣчи помѣщены въ V томѣ журнала „Впередъ“ 1877 г.

работу, безпрекословно и съ точностью исполнять всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и безплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ... 17-ти часовой дневной трудъ—и едва можно заработать 40 копѣекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого скуднаго заработка, на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! при настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимѣйшимъ потребностямъ человѣка... Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратьевъ—западниковъ. Они во многомъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много безсонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ и полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова Королевичъ», «Еруланъ Лазаревичъ», «Ванька Каинъ», «Женихъ въ чернилахъ и невѣста во щахъ» и т. д. Оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно -забавное, а другое —божественное. Я думаю, каждому

извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а въ особенности если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи—тогда ужь держись! Ему прямо говорятъ: «ты братъ не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и прочіи не замѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походить на рабочаго то же, что́ походить на животное. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это, какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного разнообразія ворочающую все съ лица на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно... выведетъ насъ изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получимъ полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный день для русскаго народа, день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ Царя и правительство,— 19-го февраля. И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ. Эта крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., реформа дарованная, хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы по прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда не годной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту... Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ

Сибирь, —значитъ мы крѣпостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать разсчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края, —значитъ мы крѣпостные! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу и первый же встрѣчный квартальный бьетъ насъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ, значитъ, мы крѣпостные» [1])!

Нѣкоторая ненормальность въ отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ предпринимателямъ, препятствія къ полученію начальнаго образованія дѣтьми, работающими на фабрикахъ, и неудовлетворительность устройства послѣднихъ въ санитарномъ отношеніи, конечно, безъ особенныхъ затрудненій могутъ быть устранены административною властью и нѣкоторыми дополненіями къ фабричному уставу, вызываемыми естественнымъ развитіемъ крупной промышленности и возрастающею численностью фабричнаго населенія [2]). Относительно наблюденія за фабриками въ санитарномъ отношеніи вообще, и въ частности по устройству въ нихъ помѣщеній для рабочихъ, уже довольно

---

[1]) Алексѣевъ—простой рабочій изъ крестьянъ Смоленской губерніи Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской, не получилъ никакого школьнаго образованія, но много читалъ, выучившись грамотѣ самоучкою. Приведенная въ текстѣ, въ выдержкахъ, рѣчь была оттиснута тайнымъ станкомъ въ Россіи и затѣмъ перепечатана въ V томѣ журнала „Впередъ“ (статья: „Къ процессу пятидесяти“, стр. 29—35).

[2]) Для Европейской Россіи Янсонъ (Сравнит. Статист. 1878 г.) полагаетъ число рабочаго населенія въ 575,000 рабочихъ въ крупной промышленности, не считая заводовъ горныхъ и всего горнозаводскаго дѣла.

много сдѣлано въ текущемъ году обязательными по этому предмету постановленіями Московскаго и С.-Петербургскаго генералъ-губернаторовъ. Нельзя не замѣтить, что вопросъ о количествѣ рабочихъ часовъ въ сутки, особенно въ отношеніи малолѣтнихъ работниковъ, не можетъ быть оставленъ на разрѣшеніе самой практикѣ, такъ какъ стремленіе къ эксплуатаціи, съ одной стороны, и нужда, съ другой—могутъ привести къ разрѣшенію, не согласному съ физіологическими условіями роста и крѣпости тѣла фабричныхъ рабочихъ, послѣдствіемъ чего явятся слабосильность молодыхъ поколѣній значительной части населенія, уменьшеніе средней продолжительности жизни рабочихъ классовъ и много другихъ явленій, прямо противорѣчащихъ заботамъ правительства о благосостояніи подданныхъ и процвѣтаніи государства. Политическіе процессы, на сколько они выясняютъ степень воспріимчивости рабочаго населенія къ соціалистическимъ ученіямъ или тенденціямъ, сами иногда служатъ указаніемъ на своевременность правительственнаго посредничества въ разрѣшеніи вопросовъ, которые прежде или не возникали вовсе, не будучи вызваны самою жизнью, или, по своей маловажности и мѣстной исключительности, не могли стать предметомъ болѣе или менѣе общихъ правительственныхъ мѣръ. Процессы же послѣдняго трехлѣтія показываютъ, что соціалистическая пропаганда находитъ для себя нѣкоторую почву въ средѣ фабричныхъ рабочихъ и развивается безъ исключительнаго участія въ ней интеллигентныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ агитаторы, вышедшіе изъ народа, самоучки, отличаются наибольшимъ упорствомъ, неукротимою энергіей и по непосредственности своихъ отношеній къ товарищамъ-рабочимъ могутъ дѣйствовать на нихъ

живымъ словомъ несравненно сильнѣе и убѣдительнѣе всякихъ подпольныхъ изданій нашей внутренней и заграничной прессы.

Въ такихъ людяхъ вся сила массоваго движенія, если бы это движеніе когда-либо началось. Поэтому Бакунинъ единственнымъ дѣломъ революціонной пропаганды ставитъ сближеніе съ этими «естественными революціонерами» изъ русскаго крестьянскаго міра. «Надо—говоритъ онъ—убѣдить прежде всего этихъ передовыхъ людей изъ крестьянства, а черезъ нихъ, если не весь народъ, то, по крайней мѣрѣ, значительную и наиболѣе энергичную часть его, что для цѣлаго народа, для всѣхъ деревень, волостей и областей въ цѣлой Россіи, да также и внѣ Россіи, существуетъ одна общая бѣда, а потому и одно общее дѣло. Надо ихъ убѣдить въ томъ, что въ народѣ живетъ несокрушимая сила, противъ которой ничто и никто устоять не можетъ... Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и съ единою цѣлью всенароднаго освобожденія» [1]).

По мнѣнію Бакунина, во всякой деревнѣ живутъ «естественные революціонеры», обойденные, озлобленные и «страстно ненавидящіе» всякое начальство, такъ какъ во всякой деревнѣ крестьянская бѣда не выводится. Нужно, слѣдовательно, показать только, что вездѣ, во всей Россіи, въ цѣломъ мірѣ, бѣда чернаго народа одна и та же, что она есть бѣда общая и что изъ нея нѣтъ другаго выхода, какъ поголовное возстаніе. Интеллигентная молодежь должна только организовать это возстаніе. Но, чтобы стать организаторомъ «дѣла народнаго освобожденія», необходимо

---

[1]) Прилож. подъ лит. А, стр. 21.

пріобрѣсти къ себѣ довѣріе народа. Русскій же народъ тогда только признаетъ нашу образованную молодежь «своею молодежью», когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ дѣлѣ. А потому образованная молодежь должна присутствовать отнынѣ повсюду и всегда во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, которые подразумѣваются сами собою, «не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница» [1]).

Закланіе молодежи въ жертву идолу всероссійскаго, а буде возможно и всемірнаго бунта откровенно проповѣдывалось Бакунинымъ. Масса молодыхъ силъ должна была погибнуть прежде, чѣмъ частные, изолированные другъ отъ друга, а потому и легко усмиряемые бунты разростутся въ цѣльное и несокрушимое всенародное возстаніе. Чтобы этого достигнуть вся революціонная молодежь должна дѣйствовать по строго обдуманному плану, подчиняя всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, иначе единодушіе невозможно. Только такая ея организація, сѣтью раскинутая по всей Россіи и связанная въ одно цѣлое однимъ центральнымъ узломъ— не управленія, а пропаганды—въ состояніи воспитать народъ не къ одному «отчаянному сопротивленію, но также и къ смѣлому нападенію» [2]). Такимъ образомъ, Бакунинъ имѣлъ въ виду не дѣлать или приготовлять революцію, а только организовать соціально-революціонное движеніе, которое онъ предполагалъ уже существующимъ и никогда не прекращавшимся въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, что́, по его мнѣнію, доказывается бунтами Стеньки Разина и Пугачева и постоянными разбоями.

[1]) Прилож. подъ лит. А, стр. 21.

[2]) Тамъ-же, стр. 22.

Въ головѣ наиболѣе энергичнаго, по духу, агитатора изъ процесса 193, солдатскаго сына Мышкина, сложилось такое же воззрѣніе на нынѣшнее состояніе русскаго народа. Въ засѣданіи Особаго Присутствія Сената, 15 ноября 1877 г., онъ, между прочимъ, высказывалъ такіе взгляды:

«Начиная съ 60-хъ годовъ, мы натолкнулись на тотъ фактъ, что каждое революціонное движеніе интеллигенціи соотвѣтствуетъ параллельному движенію въ народѣ и составляетъ только отголосокъ послѣдняго, такъ что движеніе въ народѣ является потокомъ параллельнымъ, стремящимся слиться позади той плотины, которая создана вѣковою рознью сословій, вѣковою отчужденностью другъ отъ друга. Такое движеніе среди интеллигенціи въ 60-хъ годахъ было отголоскомъ движенія народа послѣ того, какъ народъ не могъ удовлетвориться мнимымъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Ко времени истеченія 10 лѣтъ, со времени уничтоженія крѣпостнаго права, въ народѣ стали ходить настойчивые слухи о сокращеніи или совершенномъ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Эти слухи поддерживали сильное волненіе въ народѣ и отголоскомъ его было новое движеніе въ средѣ интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ нечаевскимъ дѣломъ. Наконецъ, страшно тягостное положеніе народа, вслѣдствіе огромныхъ платежей, породило въ немъ ропотъ и отвѣтомъ на этотъ ропотъ послужило движеніе 1874 года... Не говоря уже о сильномъ волненіи между уральскими казаками, о которомъ общество имѣло весьма скудныя свѣдѣнія, въ 1874 г. не разъ приходилось прибѣгать къ помощи войска для усмиренія нѣсколькихъ татарскихъ селеній... Я указалъ только на одинъ фактъ, но есть другіе, не менѣе уясняющіе революо-

ціонное движеніе, какъ, напр., распространенность такихъ религіозныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ, гдѣ источникъ государственной власти именуется антихристомъ; далѣе образованіе обществъ съ цѣлью неплатежа податей; исчезновеніе цѣлыхъ деревень съ цѣлью уклоненія отъ поборовъ... Я говорю, что отголоскомъ народнаго движенія было движеніе въ средѣ интеллигенціи и образованіе соціально-революціонной партіи» [1]).

По словамъ Мышкина, взглядъ на реформу 19 февраля, какъ на неудовлетворяющую дѣйствительнымъ нуждамъ крестьянства, и образованіе Международнаго Общества Рабочихъ были главными мотивами движенія въ средѣ молодежи 1874 года.

«Когда крестьяне увидѣли, что ихъ надѣлили пескомъ и болотами и какими-то разбросанными клочками земли, на которыхъ невозможно вести хозяйство, хотя сколько нибудь обезпечивающее крестьянскую семью; когда увидѣли, что это сдѣлано съ соизволенія государственной власти: когда увидѣли, что нѣтъ той таинственной статьи закона, которую они предполагали, какъ охраняющую народные интересы, и которую, какъ думали, отъ нихъ скрывали, когда увидѣли это,—то убѣдились, что имъ нечего разсчитывать на государственную власть, что они могутъ разсчитывать только на самихъ себя. Рядомъ съ этимъ крестьяне, сдѣлавшись орудіемъ экономическаго процесса, поняли всю прелесть договора между голоднымъ рабочимъ и сытымъ капиталистомъ; они поняли еще болѣе потому, что во всѣхъ столкновеніяхъ рабочихъ съ капиталистами государственная власть становится на сторону капиталистовъ» [2]).

---

[1]) Стенограф. отч., т. I, стр. 486—489.

[2]) Стенограф. отч., т. I, стр. 489.

Очевидна невѣрность изображенія какъ фактической стороны дѣла, такъ и настроенія крестьянъ, которые, будто бы, стали разсчитывать только на самихъ себя и потеряли всякую вѣру въ правительство. Броженіе въ Чигиринскомъ уѣздѣ удостовѣряетъ, что крестьяне и теперь еще склонны отыскивать таинственную статью закона, составленную исключительно въ интересахъ крестьянскаго землевладѣнія, но оно въ то же время служитъ лучшимъ доказательствомъ, что волненіе среди крестьянъ можно вызвать только именемъ верховной власти, а не побужденіями ей враждебными. Ниже это будетъ выяснено изъ самаго хода соціально-революціонной пропаганды.

Международному Обществу Рабочихъ потому придавалось особенное значеніе, что весьма многіе видѣли въ немъ не только «крупнѣйшее проявленіе революціонной мысли» [1]), но и воплощеніе этой мысли въ революціонную организацію громадныхъ размѣровъ.

Во вступленіи къ настоящему труду были изложены тѣ дѣйствія Бакунина и совѣта Юрской федераціи, которыя прямо стремились революціонировать Международное Общество. Хотя эти попытки не имѣли успѣха и окончились исключеніемъ изъ общества нарушителей его основныхъ статутовъ, тѣмъ не менѣе многія секціи не оставляли мысли добиться осуществленія соціалистическихъ плановъ путемъ исключительно революціоннымъ. Къ ихъ числу принадлежала и славянская секція въ Цюрихѣ, которая рѣзко выдѣлялась своимъ бунтовскимъ настроеніемъ. Газета «Работникъ»—органъ Женевской секціи была также изъ крайнихъ. Поэтому рѣшившаяся идти въ народъ молодежь, окончательно наэлектризованная въ

) Выраженіе Мышкина. Тамъ-же.

Женевѣ и Цюрихѣ и считавшая свое дѣло не исключительно національнымъ, а міровымъ, находила для себя наиболѣе удобнымъ организоваться по типу интернаціональныхъ отщепенцевъ, такъ называемыхъ федералистовъ. Планъ боевой организаціи, предложенный Бакунинымъ, не могъ пользоваться сочувствіемъ большинства, потому что требовалъ объединенія и строгой дисциплины во всѣхъ революціонныхъ дѣйствіяхъ. Мнѣнія же на счетъ послѣднихъ были различны, а дисциплина не была въ обычаяхъ революціонныхъ кружковъ нашей молодежи. По этимъ причинамъ вниманіе большинства остановилось на программѣ славянской секціи въ Цюрихѣ, принявшей за основаніе организаціи дѣйствія полную самостоятельность кружковъ или фракцій и полную равноправность членовъ каждаго кружка во взаимныхъ отношеніяхъ между собою.

Изданная въ сентябрѣ 1873 г. «Революціонною общиной русскихъ анархистовъ» прокламація, за № 1, «къ русскимъ революціонерамъ» объявляетъ, во 1-хъ: «У насъ нѣтъ отечества, наше отечество всемірная революція» [1]); во 2-хъ, отрицая всякую опеку, «всякое руководженіе народа» [2]), объясняетъ:

«Всякій изъ насъ долженъ понять, что время выдающихся личностей прошло.

«Владычество личностей было совершенно естественнымъ и логичнымъ въ политическихъ революціяхъ, такъ какъ всякая такая революція имѣла цѣлью замѣну одного правительства другимъ. Оно совершенно неумѣстно и невозможно въ соціальной революціи; которая, имѣя единственною цѣлью дѣй-

[1]) I, стр. 4.

[2]) V, стр. 14.

ствительное освобожденіе массъ, должна уничтожить самый принципъ власти. Въ соціальной революціи можетъ быть мѣсто только для коллективной мысли, воли и дѣятельности» [1]).

Приглашая, такимъ образомъ, всѣхъ желающихъ принять участіе въ революціонномъ движеніи, организоваться на началахъ чистой анархіи (по Прудону) и коллективизма (по ученію Юрской федераціи), агитаторы придаютъ себѣ значеніе дѣятелей, способныхъ лишь приблизить время разрушенія всѣхъ религіозныхъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій настоящаго міра буржуазіи [2]). Прокламація приглашаетъ революціонеровъ къ терпѣнію и энергичной работѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Будемъ терпѣливы въ ожиданіи того времени, когда русскій народъ обратитъ въ развалины царство баръ и холоповъ; каждый день, каждый часъ станемъ честно и энергично работать, чтобы приблизить завѣтное время» [3]).

Программа журнала «Впередъ», изданная около того же времени, трактуетъ не о приближеніи, а о самомъ подготовленіи «переворота, долженствующаго осуществить лучшее будущее Россіи». Въ увѣренности, что этотъ переворотъ можетъ и долженъ быть совершенъ самимъ народомъ и что трудность сблизиться съ послѣднимъ вызываетъ разнообразные взгляды на возможность и цѣлесообразность тѣхъ или другихъ пріемовъ, программа находитъ, что каковы бы ни были эти взгляды, существенными и неизмѣнными въ нихъ должны быть слѣдующіе пункты:

---

[1]) V, стр. 13—14.
[2]) I, 1, стр. 4—5.
[3]) IV, стр. 12

«Лишь строгою и усиленною личною подготовкою можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

«Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

«Лишь уясняя народу его потребности и подготовляя его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія ясно понятыхъ цѣлей, можно считать себя дѣйствительно полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи.

«Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя въ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого переворота»[1]).

Такой длинный путь пришелся не по душѣ бѣжавшему изъ мѣста ссылки и пріютившемуся въ Швейцаріи государственному преступнику Ткачеву. По его мнѣнію, «революціонеръ всегда считаетъ и всегда долженъ считать себя въ правѣ призывать народъ къ возстанію... Онъ признаетъ народъ всегда готовымъ къ революціи... Всякій народъ, задавленный произволомъ и т. д. (а въ такомъ положеніи находятся всѣ народы)... всегда можетъ, всегда хочетъ сдѣлать революцію,—онъ всегда готовъ къ ней». Къ такимъ нелѣпостямъ, высказаннымъ въ брошюрѣ «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи» [2]), не могъ остаться равнодушнымъ даже Лавровъ, тѣмъ болѣе, что брошюра имѣла характеръ протеста противъ направленія, проводимаго редакціей журнала

---

[1]) Отдѣльное изданіе, стр. 14.

[2]) Издана въ началѣ 1874 г.

«Впередъ». Завязалась полемика, которая разоблачила безнравственныя средства такъ называемыхъ якобинцевъ, т. е. революціонеровъ, полагавшихъ, подобно Ткачеву, возможнымъ, возмутивъ народъ, захватить власть въ свои руки и декретировать соціальный переворотъ. «Развратъ стараго общества—говоритъ Лавровъ—отрыгнулся и въ иныхъ представителяхъ новой революціи, рѣшившихся проповѣдывать, что можно вести агитацію, опираясь на ложь, обманывая народъ, обманывая товарищей по дѣлу, возбуждая страсти стараго хищничества, стараго наслажденія безъ труда» [1]). Далѣе приводится слѣдующее обстоятельство:

«Передо мною лежитъ рукопись, хорошо знакомая автору «Задачъ», рукопись, заключающая часть книжки, назначенной для распространенія среди народа русскаго. Авторъ читалъ эту рукопись при нѣсколькихъ лицахъ, онъ имѣлъ въ виду, что его слова будутъ напечатаны [2]); слѣдовательно они составляютъ не частный фактъ, не частную переписку. На нихъ можно ссылаться. Въ этой рукописи авторъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, что было бы послѣ народной революціи въ Россіи: «И зажилъ бы мужичекъ припѣваючи, зажилъ бы жизнью развеселою... не мѣдными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столомъ у него мяса всякія, да пироги имяшинные, да вина сладкія отъ зари до зари не снимались бы. И ѣлъ бы и пилъ бы онъ—сколько въ брюхо влѣзетъ, а работалъ бы столько, сколько самъ захочетъ. И никто бы

[1]) „Русской соціально-революціонной молодежи".

[2]) И дѣйствительно напечатаны и распространены въ народѣ.

и ни въ чемъ неволить его не смѣлъ: хошь — ѣшь, хошь — на печи лежи. Распречудесное житье!» «Автору—замѣчаетъ Лавровъ,—способному рисовать русскому народу, какъ цѣль соціальной революціи подобную картину обжорства, бездѣльничества и концентрировки имущества; автору, на минуту воображающему, что, разжигая эти животныя страсти къ золотымъ червонцамъ, къ именинными пирогамъ, къ сладкимъ винамъ и къ лежанію на печи, онъ содѣйствуетъ соціальной революціи, созданію болѣе справедливаго общественнаго строя,—нельзя предоставить «существеннаго вліянія» и права дѣлать «поправки и измѣненія» въ изданіи, цѣль котораго есть именно подготовленіе соціальнаго переворота» [1]).

Это, однако, нисколько не помѣшало Ткачеву завести впослѣдствіи свой самостоятельный журналъ—«Набатъ», который онъ, два года спустя, т. е. въ 1878 году, объявилъ органомъ Общества Народнаго Освобожденія, образовавшагося, по его словамъ, въ Россіи, «на принципахъ боевой централистической организаціи». Тогда же комитетъ этого общества заявлялъ:

«Конечно, для пропагандистовъ, которые болтовней о федерализмѣ и автономизмѣ и иными пріятными разговорами предполагаютъ облегчить участь нашего задавленнаго и обобраннаго народа, которые не чувствуютъ всего позорнаго положенія постыднаго рабства русскаго человѣка, конечно, для нихъ вопросъ о соединеніи революціонныхъ силъ и о революціонной пропагандѣ не имѣетъ смысла, но для насъ, революціонеровъ, не желающихъ далѣе сносить несчастій народа, не могущихъ далѣе терпѣть своего по-

[1]) „Русск. соц.-револ. молодежи", стр. 47.

зорнаго рабскаго состоянія, для насъ, не затуманенныхъ метафизическими бреднями и глубоко убѣжденныхъ, что русская революція, какъ и всякая другая революція, не можетъ обойтись безъ вѣшанія и разстрѣла жандармовъ, прокуроровъ, министровъ, купцовъ, поповъ, словомъ, не можетъ обойтись «безъ насильственнаго переворота», для насъ матеріалистовъ-революціонеровъ весь вопросъ сводится къ пріобрѣтенію силы власти, которая теперь направлена противъ насъ» [1]).

Тотъ же комитетъ упрекалъ въ непослѣдовательности еще не подпавшихъ его вліянію анархистовъ: «они говорятъ: «никакой власти мы не признаемъ», а между тѣмъ, когда жандармы вторгаются въ ихъ жилища, они спокойно даютъ взять себя и, какъ овцы, покорно идутъ въ тюрьму» [2]). Такое подстрекательство, какъ извѣстно, не замедлило принести должные плоды на почвѣ, систематически напитываемой тлетворными ученіями въ теченіе многихъ лѣтъ. Но наиболѣе острыя проявленія злобы сконцентрированныхъ по нечаевскому образцу и съ нечаевскими тенденціями шаекъ агитаторовъ принадлежатъ уже къ той эпохѣ подпольнаго движенія, когда, пройдя почти всю Россію, агитаторы убѣдились въ невозможности имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами произвести хотя малѣйшее движеніе въ массахъ и пришли къ заключенію, что не по волѣ народа государственная власть можетъ быть потрясена въ своемъ могуществѣ, а вмѣстѣ съ нею и поколебленъ охраняемый ея органами соціальный строй общества.

Экономическія затрудненія народа, особенно въ не-

---

[1]) „Набатъ“, 1878, стр. Ь.

[2]) „Набатъ“, 1878, стр. XLVIII.

черноземной полосѣ Россіи, могутъ быть тягостны и не только временно, крестьянинъ можетъ стремиться къ пріобрѣтенію (а не захвату) земли въ количествѣ, болѣе обезпечивающемъ существованіе его семьи, можетъ желать избавиться отъ своихъ міроѣдовъ, въ большинствѣ случаевъ заводящихся по винѣ самихъ же крестьянъ; но отсюда до сопротивленія властямъ, до бунта съ цѣлью достиженія соціалистическаго идеала — захвата всей земли въ общинное владѣніе, на коммунистическихъ началахъ — который признавался Бакунинымъ за идеалъ русскаго народа,—еще далеко.

Конечно, нельзя не удержать въ памяти и не вникнуть съ строгимъ и безпристрастнымъ анализомъ въ причины, обусловливающія появленіе самородковъ-революціонеровъ, изъ среды фабричнаго населенія, уже вышедшихъ изъ юношескаго возраста [1]), почти исключительно склоннаго къ усвоенію безпочвенныхъ мечтаній; но было бы большою ошибкою упускать изъ виду, что безъ предварительнаго развращенія мысли, безъ экзальтацій душевнаго настроенія, даже и въ этой средѣ простонародія не можетъ зародиться страсть къ пропагандѣ анархическихъ началъ.

Говоря о крестьянахъ, сами пропагандисты удостовѣряютъ, «что слушаютъ-то слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, а въ другое вышло» [2]). Изъ свидѣтельскихъ показаній на судѣ [3]) видно, что многіе изъ

---

[1]) Какъ это показано ниже, въ статистическихъ данныхъ.

[2]) Письмо подсудимаго Аранзона къ Голоушеву (Обв. актъ, стр. 83).

[3]) Въ показаніяхъ, записанныхъ производившими предварительное слѣдствіе, замѣчены были и доказаны на судѣ нѣкоторыя натяжки съ цѣлью выставить пропаганду въ болѣе опасномъ видѣ.

слушателей сказокъ цюрихскаго изданія не составили себѣ ни малѣйшаго понятія о ихъ преступности и не усвоили ни одной мысли противуправительственнаго содержанія: слушали сказку, какъ забавное чтеніе. Одному, напр., любителю звѣриной охоты очень нравился разсказъ о томъ, какъ четыре брата охотились на медвѣдя (начало сказки «о четырехъ братьяхъ»), болѣе ничего изъ этой сказки онъ не удержалъ въ памяти.

Даже на многихъ изъ интеллигентныхъ юношей чтеніе цюрихскихъ изданій производило хотя и сильное, но вполнѣ поверхностное впечатлѣніе, не проникавшее глубоко въ сознаніе. Подсудимый Даниловъ (изъ процесса 193) писалъ учителю Острогожскаго уѣзднаго училища лѣтомъ 1874 года: «Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще всѣхъ измѣнился къ лучшему, всѣ интересуются крайне подпольной литературой. Дѣло Долгушина не сходитъ съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются цюрихскихъ изданій. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, временной экзальтаціей, а не продуманными убѣжденіями» [1]).

Одни изъ подсудимыхъ увлекались болѣе романическою стороною дѣла—ролью агитатора, чѣмъ сущностью соціалистическихъ ученій [2]) Другіе пристава ли къ революціоннымъ кружкамъ, по ограниченности ума желая порисоваться своими революціонными тенденціями. Исаакъ Павловскій показывалъ, что подсудимая «Андреева, съ которою онъ познакомился

---

[1]) Обв. актъ, стр. 116.

[2]) Показаніе свидѣтеля Богданова о подсудимомъ Любавскомъ (Стен. отч., стр. 66).

случайно въ вагонѣ, постоянно заводила съ нимъ серьезные разговоры, желая показать, что она не изъ послѣднихъ, но при этомъ всегда обнаруживала такое невѣжество, что онъ сталъ надъ нею смѣяться» [1]). Воспитанница гимназіи Боголюбова принялась за чтеніе книгъ революціоннаго содержанія и вышла изъ гимназіи потому, что ей сильно надоѣли нѣмецкіе переводы [2]).

Нѣкоторые, вслѣдствіе запущенности воспитанія и подъ гнетомъ нужды, усвоили себѣ, еще до поступленія въ революціонные кружки, своеобразныя понятія о чужой собственности. Такъ, исключенный изъ гимназіи подсудимый Фаресовъ, по примѣру Волохова («Обрывъ» Гончарова), безъ стѣсненія бралъ чужое платье и, занимая деньги, не признавалъ нужнымъ возвращать таковыя, а напоминанія о долгѣ находилъ странными [3]). Двое изъ подсудимыхъ, изъ которыхъ одинъ — мировой судья, признаны виновными въ растратѣ довѣренныхъ имъ денегъ [4]).

Вообще бѣдность многихъ агитаторовъ изъ интеллигентной молодежи была крайняя. Судебнымъ слѣдствіемъ удостовѣрено, что весь кружокъ такъ называемыхъ самарцевъ, въ Петербургѣ, по недостатку средствъ, питался кониною. Въ другомъ мѣстѣ, 3 рубля, высланные на партію ушедшихъ въ народъ пропагандистовъ, были деньги, за которыя благодарили съ признательностью.

---

[1]) Обв. актъ, стр. 98.

[2]) Тамъ-же, стр. 262.

[3]) Тамъ-же, стр. 240.

[4]) Для добыванія денегъ предполагалось даже ограбить на дорогѣ одну состоятельную женщину; предлагали одному изъ своихъ поступить въ почтальоны для ограбленія почты и обдумывался планъ организаціи отдѣльныхъ шаекъ для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій.

При такой обстановкѣ и нравственной несостоятельности большинства, пропаганда не могла утвердиться на сколько нибудь цѣлесообразныхъ началахъ, если даже и предположить, что ея программа не во всемъ была чужда духу и цѣлямъ русскаго народа.

Чтобы проводить въ народъ извѣстныя идеи, заручиться его довѣріемъ, нужно стать въ селѣ своимъ человѣкомъ. Для этого необходимо вести жизнь осѣдлую, трудовую, а не бродить изъ села въ село «въ образѣ офени», по выраженію одного изъ преступниковъ, и зря читать или разбрасывать въ сущности ничего не значащія книженки или вести разговоры, до того непривычные для крестьянскаго слуха, что крестьяне немедленно доводили о нихъ до свѣдѣнія начальства или сами непосредственно принимали мѣры къ задержанію подозрительной личности, какъ случилось съ Войнаральскимъ, арестованнымъ самими крестьянами. Вотъ образъ современнаго офени, написанный досужимъ перомъ одного изъ пропагандистовъ:

„Паспортъ [1]), котомка,
„Дюжина съ лишнимъ „изданій“...
„Крѣпкія ноги...
„Множество плановъ, мечтаній.
„Нивы, покосъ,
„Свѣтлые виды, приволье
„Тракты глухіе“ [2]).

Одного внѣшняго вида достаточно, чтобы обратить вниманіе перваго встрѣчнаго урядника, особенно на глухихъ трактахъ.

---

[1]) Обыкновенно фальшивый и поддѣланный самими же пропагандистами. Были соціалисты, вытравлявшіе паспорты, и печатники, т. е. рѣзчики фальшивыхъ печатей.

[2]) Стихотвореніе, озаглавленное „изъ 1874 года.“ Сборникъ стихотвореній „Изъ-за рѣшетки.“ Женева 1877 г. Типографія газеты „Работникъ.“

Были, конечно, попытки устраивать осѣдлую жизнь, изучать ремесло, заводить мастерскія, но онѣ продолжались не долго. Для такой жизни, для такой работы не хватило выдержки характера и денежныхъ средствъ, едва достававшихъ на скудное пропитаніе большинства слабо или даже и вовсе неорганизованныхъ кружковъ, на покрытіе издержекъ на поѣздки для устройства «очаговъ» пропаганды въ 39 губерніяхъ, восточныхъ, центральныхъ и южныхъ [1]), на отпечатаніе, контрабадный провозъ и распространеніе заграничныхъ изданій [2]) и, наконецъ, на хожденіе въ народъ, для чего требовалось пріобрѣтеніе костюмовъ, паспортныхъ бланокъ, инструментовъ для мастерскихъ и т. п.

Причастная къ дѣлу «о революціонной пропагандѣ въ Имперіи» Ободовская, по истеченіи года безплодной дѣятельности въ разбродъ разношерстной толпы анархистовъ, писала одному изъ своихъ единомышленниковъ:

«Грустно то, что большинство личностей, несмотря на единичныя и серьезныя ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ, никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я, тѣмъ не менѣе, на-

---

[1]) Подробности приведены ниже въ 1-ой главѣ 2-ой части настоящаго труда.

[2]) Подробности тамъ-же.

блюдала и переживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло, и вижу я: живаго намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ, даже въ живомъ зародышѣ... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому, вишь, что все имъ мѣстности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что нибудь путное... И не выходили они себѣ ничего съ своими особыми несвоевременными требованіями. Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованія, анархисты же, главнымъ образомъ, занялись организаціею провинціальнаго юношества для немедленнаго поднятія революціи. Теперь же народа не знаютъ и a priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ не знаютъ... они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которые болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начнется старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ. Провалъ прокламаціонистовъ, провалъ съ рабочими, фабричными и заводскими, провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи ничего не указали» [1]).

Нѣкоторыхъ, впрочемъ, постигло полное разочарованіе, переданное даже въ поэтической формѣ въ

---

[1]) Обв. актъ по дѣлу о революц. проп. въ Имперіи стр. 11—12.

одномъ изъ стихотвореній, въ большомъ числѣ созданныхъ эпохою революціоннаго броженія 1872—1877 гг. и принадлежащихъ большею частью перу непосредственныхъ участниковъ въ этомъ броженіи:

Не разрѣшивъ своихъ задачъ,
Растративъ силы безвозвратно,
Разбитъ онъ рядомъ неудачъ,
Изломанъ жизнью безпощадно.

Въ комъ сердца пѣтъ, — быть можетъ, тотъ
Съ укоромъ на него укажетъ,
Его безумцемъ назоветъ,
„Виновенъ самъ“, сурово скажетъ...

Онъ увлекался какъ дитя,
Онъ ошибался,—да, конечно!
Но онъ такъ вѣрилъ безконечно
И такъ измученъ не шутя [1]).

Даже нашъ маститый романистъ, И. С. Тургеневъ, откликнулся на небывалое прежде движеніе, сильно привлекавшее вниманіе всего образованнаго общества, романомъ «Новь», въ которомъ выведены типы агитаторовъ и либераловъ, съ довольно виднымъ положеніемъ въ провинціи, ищущихъ сближенія съ революціонною молодежью и ей покровительствующихъ, на сколько это покровительство остается домашнимъ дѣломъ, скрытымъ отъ глазъ высшаго начальства.

[1]) „Изъ-за рѣшетки“, стр. 11—12.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Статистика и географія соціально-революціоннаго движенія.

Наиболѣе оживленный періодъ хожденія въ народъ. — Внѣшнее затишье въ 1877 году; отзывъ журнала „Впередъ". — Дѣла, подлежавшія сужденію Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. — Численность причастныхъ къ соціально-революціонному движенію по дѣламъ, оконченнымъ дознаніями къ 1 января 1877 г. — Распредѣленіе по возрастамъ, по званію, по мѣсту образованія, по занятіямъ, по мѣсту рожденія. — Районъ и характеръ соціально-революціоннаго движенія въ различныхъ мѣстностяхъ. — Пункты контрабаднаго провоза изъ-заграницы сочиненій преступнаго содержанія.

Движеніе въ народъ, фактически предпринятое въ 1874 году, продолжалось и въ послѣдующіе годы, достигнувъ наибольшей напряженности въ 1875 году и значительно ослабѣвъ послѣ ареста участниковъ въ демонстраціи на Казанской площади, 6-го декабря 1876 г. Въ теченіе 1877 года наступило внѣшнее затишье. По заявленію редактора журнала «Впередъ», кипучая заграничная литература, еще недавно насчитывавшая по нѣсколько одновременно выходящихъ въ Лондонѣ и Швейцаріи органовъ и выпускавшая въ свѣтъ десятки тысячъ книгъ, брошюръ, памфлетовъ и пр..., почти замерла [1]).

[1]) Статья: „Къ злобѣ дня", стр. 129, журн. „Впередъ", Т. V, 1877 г.

Хотя судебное преслѣдованіе виновныхъ выразилось въ рядѣ отдѣльныхъ процессовъ, закончившихся только полтора года тому назадъ, но въ сущности подпольная агитація всего разсмотрѣннаго времени была какъ бы однимъ дѣломъ, производилась одними и тѣми же пріемами и даже лицами, только случайно раздѣленными на скамьѣ подсудимыхъ. Все это время отличается слабостью организаціи, вслѣдствіе положеннаго въ основаніе послѣдней начала полной автономіи кружковъ и самовольности дѣйствій каждаго отдѣльнаго лица; во всей дѣятельности господствовала невыдержанность, полная неурядица, безграничная анархія, и съ каждымъ годомъ все слабѣе и слабѣе обуздывался разгулъ страстей, не замедлившій сказаться въ уличныхъ демонстраціяхъ (казанское дѣло) и въ различныхъ актахъ насилія, составляющихъ прискорбныя явленія послѣдняго времени, начиная съ 1878 года.

Всѣхъ дѣлъ, возбужденныхъ по соціально-революціонной пропагандѣ (кромѣ разбиравшихся въ послѣднее время военно-окружными судами и верховнымъ судомъ), т. е. составлявшихъ предметъ сужденія Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по политическимъ дѣламъ, на основаніи закона 7 іюня 1872 г., было 16; а именно:

1. Дѣло Долгушина и Дмоховскаго съ соучастниками, въ числѣ 10 челов.

2. Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи (проц. 193-хъ).

3. Дѣло московскихъ пропагандистовъ (процессъ 50-ти).

4. Дѣло Мураевнинское (Сергѣевъ и еще 4 подсудимыхъ).

5. Дѣло южно-русскаго рабочаго союза (Заславскій и еще 14 подсудимыхъ).

6. Дѣло о пропагандѣ въ войскахъ Петербургскаго военнаго округа (Семяновскій и еще 6 подсудимыхъ).

7. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади (21 лицо).

8. Дѣло Екатеринославское (Быдаринъ и еще 7 подсудимыхъ).

9. Дѣло Державина, Воронова и Панкратьева.
10. » Іонова, Павлова и Ивановскаго.
11. » Бредихина [1]).
12. » Лебедева [2]).
13. » Калашникова [3]).
14. » Малиновскаго.
15. » Бузовской.
16. » таксатора Альбова.

По всѣмъ этимъ дѣламъ дознанія окончены къ 1 января 1877 года.

Къ нимъ, начиная съ дѣла Долгушина, т. е. съ момента, когда собственно было обнаружено соціалистическое направленіе подпольной агитаціи, привлекалось 1611 челов., изъ коихъ 85% мужчинъ и 15% женщинъ.

Изъ этого числа 557 челов. освобождены отъ преслѣдованія безъ всякихъ послѣдствій, а остальные 1054 распредѣлены на три группы.

Къ первой группѣ отнесены 525 челов. ($49\frac{1}{2}\%$ общаго числа), компрометированныхъ и болѣе или менѣе уличенныхъ въ участіи въ противозаконныхъ

---

[1]) Оправданъ. Бредихинъ—отставной подпоручикъ.

[2]) Признанъ виновнымъ лишь въ имѣніи у себя запрещенныхъ книгъ, за что присужденъ къ двухнедѣльному аресту. Лебедевъ—сынъ священника.

[3]) Оправданъ. Калашниковъ—сынъ священника.

сообществахъ или въ преступной пропагандѣ. Вторую группу составили 79 челов. ($7^1/_2$%) такихъ, которые вполнѣ усвоили себѣ вредное направленіе, но относительно участія коихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ не могли быть собраны формальныя доказательства для убѣжденія суда въ ихъ виновности. Наконецъ, въ третью группу, состоящую изъ 450 лицъ, вошли по большей части молодые люди, съ совращеннымъ образомъ мыслей, но не принимавшіе активнаго участія въ преступной агитаціи.

Послѣдніе отданы подъ надзоръ полиціи; принадлежащіе ко второй группѣ высланы административнымъ порядкомъ; а отнесенные къ первой группѣ подвергнуты судебному преслѣдованію.

По всѣмъ тремъ группамъ, въ отдѣльности и вмѣстѣ взятымъ, женщины также составляютъ 15% общаго числа.

Входящіе въ составъ этого послѣдняго 1054 челов., въ процентномъ къ нему отношеніи, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) По возрастамъ:

Менѣе 21 года	26%
Отъ 21 до 25 лѣтъ [1]) . . .	35 »
» 25 » 30 » [2]) . . .	18 »
Свыше 30 » [2]) . . .	10 »
Неизвѣстнаго возраста [3]) . .	11 »

[1]) Періодъ наивысшей преступности во всѣхъ безъ исключенія государствахъ Европы

[2]) Большинство крестьянъ и мѣщанъ принадлежитъ къ старшимъ возрастамъ.

[3]) Неизвѣстность возраста и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, служащихъ для характеристики личности, происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ заподозрѣнныхъ не розысканы или бѣжали отъ преслѣдованія.

2) По званію:

Дворянъ потомственныхъ и личныхъ . . .		26 %
Дѣтей лицъ духовнаго званія.		19 »
Крестьянъ [1]).		13 »
Оберъ-офицерскихъ дѣтей.		11 »
Мѣщанъ.		9 »
Дѣтей купцовъ и почетныхъ гражданъ . .		3 »
Разночинцевъ		2½ »
Военныхъ	болѣе.	1 »
Лишенныхъ правъ состоянія и неизвѣстныхъ званій.		4½ »

Сверхъ того:

Евреевъ [2])		6½ %
Иностранныхъ подданныхъ [3]). . .	болѣе.	1½ »
Кавказскихъ уроженцевъ	»	1½ »
Цараъ [4])	»	1½ »

3) По мѣсту образованія:

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	32½ %
» среднихъ и низшихъ учебн. заведеніяхъ.	20½ »
Грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ	18 »
Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	6 »
Домашняго образованія	3½ »

---

[1]) Большею частью фабричные рабочіе; но есть и воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній.

[2]) Изъ нихъ нѣкоторые занимались контрабаднымъ провозомъ лондонскихъ и швейцарскихъ изданій за плату отъ агитаторовъ; другіе организовали контрабандный провозъ, принимая сами дѣятельное участіе въ преступной агитаціи; наконецъ, въ Вильно образовался изъ еврейской молодежи особый революціонный кружокъ.

[3]) Учителя, служащіе въ акціонерныхъ компаніяхъ и воспитанники учебныхъ заведеній, а также ремесленники и др.

[4]) Исключительно занимавшихся контрабандою по профессіи.

Неграмотныхъ . . . . . 1 %
Неизвѣстно гдѣ получившихъ образованіе . 18½ »

Изъ всего числа (579 чел.) получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ приходится:

а) на высшія учебныя заведенія (342 челов.), именно:

	% общаго числа компрометированныхъ.	% всего числа компрометированныхъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній.
Медико-хирургическую академію	7½	32
Технологическій институтъ.	4½	14
Петровскую земледѣльческую академію	4	13½
Петербургскій университетъ	около 4	11½
Кіевскій » . .	2	6
Харьковскій » . .	2	6
Московскій » .	около 2	почти 6
Михайловское артиллерійское училище [1]) . .	около 2	5½
Харьковскій ветеринарный институтъ	около 1½	3½
Новороссійскій университетъ	около 1	2½
Земледѣльческій институтъ.	болѣе ½	1⅔
Горный » .	½	1½
Казанскій университетъ .	⅓	около 1
Институтъ инженеровъ путей сообщенія . . .	⅓	1

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ единичные случаи.

---

[1]) Оно дало нѣсколько выдающихся и крайне упорныхъ агитаторовъ, каковы отставные поручики Рогачевъ, Кравчинскій и Шишко По словамъ Лаврова, молодежь этого училища систематически совращалась въ ложныя ученія (см. выше).

б) на средшя и низшія учебныя заведенія (237 чел.), именно:

	% общаго числа компрометированныхъ.	% всего числа компрометированныхъ воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.
Гимназіи	8½	38
Духовныя семинаріи. .	8	около 36
Остальныя заведенія .	около 6	26

Изъ числа воспитанницъ (63 лицъ) женскихъ учебныхъ заведеній приходится:

	% общаго числа компрометированныхъ.	% всего числа компрометированныхъ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній.
Воспитанницъ гимназій.	2½	39
Слушательницъ акушерскихъ курсовъ . .	1½	25
Слушат. женскаго курса при медико-хирург. академіи и воспитанницъ институтовъ .	1	17
Воспитанницъ другихъ заведеній	болѣе 1	19

4) По занятіямъ:

Неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ необладающихъ самостоятельными средствами къ жизни [1]). . . .	20%
Студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній (184 чел.)	17½%
Гимназистовъ.	4%

[1]) Въ этой категоріи: бывшихъ воспитанниковъ высшихъ учебн. завед. 7%
" " гимназій. . болѣе . 2%
" " семинарій 2%

Семинаристовъ		4%
Обучающихся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ		2%
Сельскихъ учителей и учительницъ[1]) около		7%
Рабочихъ		14½%
Неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій евреевъ		3%
Земледѣльцевъ	по каждой категоріи болѣе.	1½%
Занятыхъ частною службою.		
Женъ при мужьяхъ, занимающихся письмоводствомъ .		
Живущихъ на собственные капиталы и доходы. . .		
Акушерокъ [2])	по каждой категоріи . .	1%
Слушательницъ женскихъ курсовъ.		
Военно-служащихъ. . . .		
Волостныхъ и сельск. писарей.		
Занимающихся частнымъ преподаваніемъ		
Контрабандистовъ		
Врачей (по преимуществу земскихъ) и провизоровъ [3]) .	по каждой категоріи менѣе. . . .	1%
Служащихъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ [4]).		
Разныхъ другихъ профессій[5]).		

---

[1]) Всѣхъ компрометированныхъ по 1877 г. сельскихъ учителей 34 и учительницъ 8, т. е. 8% общаго числа, такъ какъ въ преступной пропагандѣ принимали участіе и прежде бывшіе учители, оставившіе учительскую профессію, которая, какъ видно изъ переписки подсудимыхъ процесса 193, не всегда оказывалась удобною для пропаганды.

[2]) Всѣхъ акушерокъ 7. Они агитировали самостоятельно или совмѣстно съ врачами.

[3]) Изъ 5 врачей ни одинъ не состоялъ на государственной службѣ; 4 окончили курсъ въ медико-хирургич. академіи. Между ними были особенно энергичные дѣятели, какъ Казачекъ, Иваповскій (бѣжалъ) и Покрышкинъ.

[4]) Мировые судьи отличались большою энергіей, напр., Войнаральскій и

5) По мѣсту рожденія:

За исключеніемъ 291 челов. (27½% общаго числа), мѣсторожденіе коихъ не могло быть опредѣлено съ точностью, изъ остальныхъ 763 агитаторовъ родились и достигли юношескаго возраста

въ губерніяхъ:		
	Самарской . .	49 челов.
	Виленской . .	40 »
	Пензенской . .	35 »
	Тульской . . .	32 »
	Петербургской .	31 »
	Подольской . .	29 »
въ области войска Донскаго.		27 »
въ губерніяхъ:		
	Саратовской. .	25 »
	Тверской . . .	25 »
	Черниговской .	25 »
	Вятской . . .	24 »
	Московской . .	24 »
	Херсонской . .	23 »
	Орловской . .	22 »
	Харьковской. .	20 »
въ области Бессарабской .		18 »
въ губерніяхъ:		
	Могилевской, .	18 »
	Вологодской . .	17 »

Коваликъ. Поименованныя лица не были утверждены въ должностяхъ Правительствующимъ Сенатомъ.

[5]) Въ числѣ лицъ, занимавшихся различными профессіями оказалось:

бывшихъ студентовъ (112 чел.)		10½%
» гимназистовъ (46 чел.) . .	болѣе	4%
» семинаристовъ (34 чел.) .	слишк.	3%
» воспитанн. другихъ учебн. заведеній .		3%

въ губерніяхъ:

Пермской. . .	17	»
Тамбовской . .	16	»
Оренбургской .	16	»
Кіевской . . .	15	»
Ярославской. .	14	»
Нижегородской .	14	»
Рязанской . .	13	»
въ Сибири . . .	13	»

въ губерніяхъ:

Смоленской . .	12	»
Воронежской .	11	»
въ Закавказскомъ краѣ.	11	»

въ губерніяхъ:

Костромской. .	10	»
Архангельской .	10	»

Итого . 656 человѣкъ.

Остальные затѣмъ 107 челов.—иностранцы и уроженцы губерній, изъ которыхъ каждая отдала революціонному движенію лишь по нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, въ числѣ меньшемъ 10.

Преступная дѣятельность обнаружена въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Въ С.-Петербургѣ.

Значительное количество революціонныхъ кружковъ въ средѣ учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній и лицъ, принадлежавшихъ къ той же средѣ [1]), или вступившихъ въ нее съ намѣреніемъ вести преступную пропаганду [2]). Эти кружки до нѣкоторой

[1]) Напр., Клеменсъ и отст. артиллер. поручикъ Кравчинскій, Рогачевъ и др.

[2]) Напр., кн. Кропоткинъ и помощн. прис. повѣр. Семянниковъ.

степени служили средоточіемъ подпольной агитаціи и разсадниками пропагандистовъ (проц. 193 и Казанское дѣло).

Пропаганда въ заводскомъ и фабричномъ населеніи, частью въ средѣ войскъ и писарей военнаго вѣдомства (дѣло Семянникова), а также подготовка революціонеровъ изъ народа, подъ видомъ обученія рабочихъ грамотѣ на частныхъ, по преимуществу студенческихъ квартирахъ (проц. 193).

Складъ и библіотека для чтенія книгъ, изъятыхъ изъ обращенія или возмутительнаго содержанія.

Мастерскія (столярная, сапожная [1]) и кузница) для обученія ремеслу готовящихся идти въ народъ.

Тайная типографія революціоннаго листка «Земли и Воли».

2) Въ Москвѣ.

Средоточіе кружка пропагандистовъ на окрестныхъ фабрикахъ, высылавшаго своихъ эмиссаровъ въ другіе промышленные пункты, какъ Ивановъ-Вознесенскъ, и поддерживавшаго связь съ дальними соціалистическими кружками рабочихъ, какъ южно-русскій союзъ рабочихъ въ Одессѣ, организованный Заславскимъ. Московскій кружокъ стоялъ въ связи съ петербургскими кружками (проц. 193, 50, дѣло южно-русск. с. и Казанское дѣло).

Типографія правительственнаго стенографа, содержимая на счетъ бывшаго мироваго судьи и предсѣдателя съѣзда и управляемая чиновникомъ канцеляріи генералъ-губернатора. Въ ней отпечатывались, въ числѣ прочихъ изданій, книжки для народнаго чтенія возмутительнаго содержанія (проц. 193-хъ).

---

[1]) Бо́голюбова.

Революціонные кружки, смѣшанные изъ разныхъ пришлыхъ элементовъ, частью изъ мѣстныхъ студентовъ, преимущественно Петровской земледѣльческой академіи [1]).

Мастерскія (столярная и сапожная), учрежденныя для той же цѣли, какъ и въ Петербургѣ.

Въ подмосковной деревнѣ Сареевѣ тайная типографія, гдѣ отпечатывались прокламаціи возмутительнаго содержанія (Дѣло Долгушина и Дмоховскаго).

3) Въ Новгородской губ.

Пропаганда въ сельской школѣ [2]).

4) Въ Тверской губ.

Кузница, устроенная крестьяниномъ, на средства петербургскихъ кружковъ, съ цѣлью преступной пропаганды въ народѣ.

Пропаганда пѣснями и устными наставленіями одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, попечителя сельской школы.

5) Въ Ярославской губ.

Агитаторская дѣятельность одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, въ средѣ крестьянъ села Потапова, Даниловскаго уѣзда, гдѣ была устроена столярная мастерская, въ которой и шла пропаганда. Такая же дѣятельность земскаго врача и акушерки (изъ цюрихскихъ студентокъ) въ с. Вятскомъ. Были попытки въ с. Троицкомъ и въ Рыбинскѣ, а также въ Яро-

---

[1]) Въ личномъ составѣ компрометированныхъ студентовъ И. З. А. заслуживаетъ вниманія значительный процентъ получившихъ образованіе въ Вологодской духовной семинаріи.

[2]) Дочери генер.-маіора Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ.

славскомъ лицеѣ. Въ послѣднемъ однимъ изъ студентовъ были представлены по начальству нѣкоторыя цюрихскія изданія.

6) Въ Тамбовской губ.

Пропаганда въ разныхъ слояхъ общества и устройство революціонной агентуры подъ видомъ оружейной мастерской [1]).

Пропаганда въ Усманскомъ уѣздѣ и въ селѣ Большомъ-Липовцѣ, веденная учителями: домашнимъ и сельскимъ.

7) Въ Пензенской губ.

Совращеніе учащейся молодежи (гимназистовъ и семинаристовъ) пришлыми агитаторами.

Складъ противозаконныхъ брошюръ въ квартирѣ мѣстнаго акцизнаго надзирателя.

Мелочная лавочка въ 28 верстахъ отъ Пензы въ Степановкѣ, для ближайшаго общенія съ народомъ.

Столярная мастерская [2]).

8) Въ Саратовѣ.

Подъ видомъ сапожной [3]), устроена была мастерская для брошюровки присылаемыхъ изъ Москвы листовъ тамошняго издѣлія сочиненій преступнаго

---

[1]) Мѣщан. Арева (проц. 193-хъ).

[2]) Мѣщан. Ершова.

[3]) При обыскѣ въ комнатѣ, представлявшей сапожную мастерскую, найдена пара дамскихъ башмаковъ—единственное издѣліе мастерской. Въ трубѣ, печкѣ и за обшивкою дома подъ карнизомъ найдены означенные въ текстѣ листы и сочиненія, изданныя въ Цюрихѣ и запрещенныя (проц. 193-хъ, обв. актъ, стр. 206—207).

содержанія. Дѣятели были пріѣзжіе и мѣстные изъ молодежи.

Притоны для агитаторовъ у разныхъ лицъ.

Въ числѣ сочувствующихъ дѣлу пропаганды и укрывателей преступныхъ сочиненій были учителя: уѣздный и приходскій и мѣстный уроженецъ—слушатель Московскаго учительскаго института.

9) Въ Самарской губ.

Два особыхъ кружка изъ мѣстной учащейся молодежи (семинаристы, гимназисты, и даже гимназистки), которые первоначально задались мыслью саморазвитія, независимо отъ школьнаго ученія, которое для этой цѣли считали непригоднымъ; но затѣмъ, подъ вліяніемъ пріѣзжихъ агитаторовъ, быстро совратились и приняли революціонное направленіе.

Пропаганда велась чрезвычайно дѣятельно и дерзко въ разныхъ уѣздахъ губерніи и на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, между крестьянами, мѣщанами и въ средѣ рабочихъ артелей. Въ деревнѣ Грязнухѣ (Ставропольскаго уѣзда) она велась въ домѣ сельскаго учителя передъ цѣлымъ собраніемъ нарочно созванныхъ для того крестьянъ, которые, впрочемъ, не поддались лжеученіямъ и, потолковавъ между собою, рѣшили заявить обо всемъ слышанномъ сельскому старостѣ.

Большое сочувствіе встрѣчено было со стороны сельскихъ учителей изъ низшихъ сословій.

Пропагандисты пѣшкомъ исходили уѣзды Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій. Пѣшіе офени раздавали книги и возмущали народъ, повторяя свои посѣщенія, въ селахъ: Царицынѣ, Семейкино, Буянѣ, Красномъ Яру, Каменкѣ, Вязовѣ, Кандыбанѣ, Березовомъ Гаю, Подгорьѣ и Екатериновкѣ.

Былъ устроенъ притонъ на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, нарочно для этой цѣли нанятомъ.

Пропаганда проникла даже въ Николаевскій тюремный замокъ къ ссыльнымъ.

10) Въ Казанской губ

Обнаружены преступныя сношенія съ студентами мѣстнаго университета пріѣзжихъ агитаторовъ.

Въ губерніяхъ:

11) Оренбургской. 12) Уфимской . . . 13) Пермской . . .

Обнаружена устная и книжная пропаганда въ народѣ, преимущественно въ уѣздахъ Белебеевскомъ и Челябинскомъ. Пропаганда велась мѣстными уроженцами изъ молодыхъ людей высшихъ слоевъ провинціальнаго общества, членовъ петербургскихъ кружковъ, а также однимъ изъ ссыльныхъ, бывшимъ каторжникомъ, осужденнымъ за приготовленіе къ возбужденію бунта и за произнесеніе дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора.

Въ Оренбургѣ былъ организованъ революціонный кружокъ [1]).

14) Вятской губ.

Земскіе дѣятели оказались близко стоящими къ зараженнымъ соціально-революціонными ученіями и служили имъ нравственною поддержкою. Одинъ предсѣдатель управы отданъ даже подъ надзоръ полиціи.

---

[1]) Одна изъ пропагандистокъ была очень хорошо принята населеніемъ деревни, верстахъ въ 20 отъ Уфы, но должна быть отказаться отъ мысли поселиться въ этой деревнѣ, потому что впослѣдствіи ее сочли за колдунью (вещ. доказ. по дѣлу о револ. пропаг. въ Имп., обв. актъ, стр. 76).

15) Въ Нижегородской губ.

Мѣстный кружокъ изъ семинаристовъ, принявшій революціонное направленіе подъ вліяніемъ состоявшаго непродолжительное время студентомъ Технологическаго училища сына священника и др. лицъ, оставившихъ ученіе въ Петербургѣ для того, чтобы идти въ народъ.

Пропаганда въ селѣ Павловѣ между ремесленнымъ населеніемъ и въ Макарьевскомъ уѣздѣ. Нѣкоторые изъ пропагандистовъ (проц. 193) пришли въ Нижній пѣшкомъ изъ Москвы чрезъ Рыбинскъ, Ярославль, Кострому и Кинешму, стараясь по пути, въ разговорахъ съ крестьянами, возстановлять послѣднихъ противъ всеобщей воинской повинности.

16) Въ Воронежской губ.

Книжная пропаганда школьнаго учителя въ Острогожскѣ.

17) Въ Орловской губ.

Агитаторская дѣятельность, среди мѣстнаго населенія, Гатищенскаго (въ Ливенскомъ уѣздѣ) сельскаго учителя.

Сношенія пропагандистовъ съ основателемъ «богочеловѣческой» религіозной секты Маликовымъ въ Орлѣ.

18) Въ Курской губ.

Дѣятельная пропаганда разныхъ лицъ, въ томъ числѣ одной мѣстной богатой помѣщицы (Субботиной).

19) Въ Калужской губ.

Сношенія пропагандистовъ съ религіозною сектою «воздыханцевъ». Пропаганда среди крестьянъ села Ловати, Жиздринскаго уѣзда.

20) Въ Тульской губ.

Устроенная пропагандистами слесарная мастерская въ с. Хотушахъ.

Распространеніе книгъ преступнаго содержанія между крестьянами села Вышнее-Залегощь Новосильскаго уѣзда.

21) Въ Харьковской губ.

Образованіе революціонныхъ кружковъ, преимущественно изъ числа воспитанниковъ ветеринарнаго института, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ.

Совращеніе воспитанниковъ желѣзно-дорожнаго техническаго училища.

Распространеніе книгъ преступнаго содержанія.

22) Въ Полтавской губ.

Броженіе въ средѣ воспитанниковъ Полтавской гимназіи.

Пропаганда между крестьянами на одномъ хуторѣ Кобелякскаго уѣзда.

23) Въ Черниговской губ.

Пропаганда сельскихъ учителей, съ преступною цѣлью поступившихъ въ это званіе.

24) Въ Кіевской [1]) губ.

Центральный революціонный кружокъ съ притономъ для пропагандистовъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ.

---

[1]) Не принято въ разсчетъ волненіе крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, возбужденное распространеніемъ ложныхъ слуховъ, хотя и соціально-революціонною партіею.

25) Въ Екатеринославской губ.

а) Открытая Одесскимъ революціоннымъ кружкомъ бондарная мастерская въ с. Попельнастомъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

б) Складъ книгъ преступнаго содержанія въ Таганрогѣ.

26) Въ Одессѣ.

а) Образованіе южно-русскаго соціально-революціоннаго союза въ средѣ рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ (дѣятельность Заславскаго).

Нѣсколько преемственныхъ революціонныхъ кружковъ въ связи съ дѣйствовавшими въ другихъ мѣстностяхъ.

Депо контрабандою провозимыхъ книгъ преступнаго содержанія.

б) Устроенная агитаторами кузница въ с. Васильевкѣ, на второй отъ Одессы станціи по линіи желѣзной дороги.

в) Уличныя демонстраціи мѣстныхъ революціонныхъ кружковъ и вооруженное сопротивленіе при арестахъ.

27) Въ Херсонской губ.

Сношеніе съ революціонною сектою штундистовъ.

Революціонный кружокъ и совращеніе матросовъ въ Николаевѣ.

28) Въ Каменецъ-Подольской губ.

Революціонная агитація, главнымъ образомъ, въ средѣ воспитанниковъ мѣстной семинаріи.

Пропаганда сельскихъ учителя и учительницы.

29) Въ Виленской губ.

Образованіе революціоннаго кружка еврейской молодежи; бо́льшая часть несовершеннолѣтніе.

30) Въ Могилевской губ.

Революціонное броженіе въ кругу почти исключительно еврейской молодежи.

31) Въ Ковенской губ.

Недостаточно выясненная дѣятельность нѣкоторыхъ членовъ Кіевской «коммуны» [1]).

32) Во Владимірской губ.

Пропаганда между фабричными рабочими, веденная членами т. н. Иваново-Вознесенской общины.

33) Въ Таврической губ.

Недостаточно выясненная дѣятельность одного изъ подсудимыхъ [2]) процесса 193 въ средѣ рабочихъ изъ татаръ Евпаторіи.

34) Въ Тифлисской губ.

а) Совращеніе воспитанницъ мѣстнаго женскаго института одною изъ учительницъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ воспитанницъ по выходѣ изъ заведенія направились въ Цюрихъ.

б) Пропаганда среди молокапъ.

в) Революціонная агитація разныхъ кружковъ изъ мѣстныхъ жителей, большею частью получившихъ образованіе въ Петербургѣ.

---

[1]) Проживавшихъ въ имѣніи Филиппъ и Брешковской.

[2]) Дическуло.

Сверхъ того обнаружено соціально-революціонное броженіе въ губерніяхъ:

35) Смоленской.
37) Архангельской.
38) Костромской.
38) Псковской [1]).

и

39) въ области Войска Донскаго.

Для тайнаго провоза изъ-заграницы недозволенныхъ сочиненій, а также книгъ и брошюръ, предназначенныхъ для соціально-революціонной пропаганды, были устроены агитаторами сношенія съ контрабандистами по профессіи.

Обходнымъ путемъ контрабандные грузы провозились подлѣ мѣстечекъ: Радзивилово, Кейданы и Шаки, а также въ другихъ мѣстахъ и съ моря.

---

[1]) Кузница Торопецкаго уѣзда (Соловьевъ, Богдановичи и др.).

II.

Подпольный бунтъ.

Характеръ демонстраціи 6 декабря 1876 г.—Убѣжденіе въ невозможности произвести экономическій переворотъ путемъ пропаганды.—Порицаніе хожденія въ народѣ.—Современный составъ пропагандистовъ на фабрикахъ и заводахъ. — Осѣдлость пропаганды въ деревняхъ. — Замкнутость революціонной среды и ея бо́льшая сплоченность. — Превращеніе кружковъ въ шайки и агитаціи въ заговоры.—Возстановленіе нечаевской программы дѣйствія.— Признанія исполнительнаго комитета.—Ближайшая и конечная цѣли бунтарей.—Цареубійство есть окончательно избранное средство для достиженія политическаго переворота, а вслѣдъ за нимъ и переворота соціальнаго.

Демонстрація на Казанской площади 6 декабря 1876 года была первою и единственною открытою попыткою соціалистовъ возбудить въ толпѣ чувство негодованія къ правительству. Порицаемая мыслящими людьми того же пошиба, какъ безполезная трата силъ и безразсудное обнаруженіе передъ обществомъ собственной своей несостоятельности [1]), эта попытка, давшая въ результатѣ всего только публичный скандалъ, можетъ быть объяснена единственно упадкомъ до отчаянія духа бунтарей, исходившихъ всю Россію и повсюду встрѣтившихъ равнодушіе или презрительный, а иногда и исполненный негодованія отпоръ своимъ планамъ со стороны крестьянскаго населенія.

[1]) „Впередъ“, т. V, 1877 г., статья: „Къ злобѣ дня“.—Тамъ-же, во второмъ отдѣлѣ, помѣщенъ такой отзывъ петербургскаго корреспондента: „безобразное, тяжелое впечатлѣніе, которое произвела на всѣхъ Казанская трагикомедія (стр. 166)“.

Мало по малу въ средѣ болѣе упорныхъ агитаторовъ стало складываться убѣжденіе въ ошибочности пріемовъ революціонныхъ кружковъ и ихъ разсчетовъ на массовое движеніе. Невосприимчивость народа къ соціалистическимъ ученіямъ они объясняли, конечно, его темнотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинали сознавать свое изолированное положеніе и если не безусловную для себя непосильность, то, по крайней мѣрѣ, несвоевременность затѣяннаго предпріятія. Наконецъ, бродяжеское агитаторство даже въ отдаленныхъ захолустьяхъ, не говоря уже о базарахъ и ярмаркахъ въ центральныхъ селахъ и мѣстечкахъ, сдѣлалось опаснымъ. Попытки бунтарей сблизиться съ народомъ посредствомъ занятія ремеслами въ селахъ и совмѣстныхъ съ поденьщиками полевыхъ работъ не столько способствовали успѣхамъ пропаганды, какъ вели къ обнаруженію злоумышленниковъ. Часто повторявшійся опытъ научилъ уѣздную полицію выслѣживать подозрительныхъ личностей въ крестьянскомъ платьѣ. Къ нимъ присмотрѣлись и крестьяне, и фабричные рабочіе. Къ тому же присутствіе на фабрикахъ и заводахъ пропагандистовъ изъ интеллигенціи оказалось излишнимъ въ послѣдніе годы, такъ какъ по причинамъ, выше сего изложеннымъ, изъ среды рабочихъ появились самостоятельные агитаторы. Противъ системы шатанія въ народѣ «въ образѣ офени» или подъ видомъ простыхъ поденьщиковъ сильно возстала редакція журнала «Впередъ!» По поводу процесса 50-ти Лавровъ говоритъ: «Боевой кличъ современнаго движенія — «въ народъ!»— кружокъ московскихъ соціалистовъ понималъ не иначе, какъ въ буквальномъ смыслѣ, и безусловно требовалъ, чтобы идущій «въ народъ» непремѣнно надѣлъ

«крестьянскія вериги вмѣсто платья...»

«А такое узкое пониманіе формальной стороны дѣла — продолжаетъ онъ—принесло несомнѣнный вредъ дѣятельности пропагандистовъ, исповѣдовавшихъ этотъ «принципъ»... Пропагандисты, такъ узко понимавшіе чисто формальную сторону дѣла, совершили при этомъ еще гораздо бо́льшую ошибку. Они не только «оттолкнули отъ себя» тѣхъ, кто не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для этого «подвига» (подвигъ-то не особенно великъ, особенно, если сравнить съ тѣмъ рискомъ, какому подвергался и подвергается всякій соціалистъ, въ какую одежду онъ ни облачался бы, предъ лицомъ кнуто-полицейской власти), но, главнымъ образомъ, они строгимъ слѣдованіемъ этому «принципу» вредили собственной своей дѣятельности, они отвергали полезность дѣятельности тѣхъ людей, которые, ставя «суть» дѣла выше «формы», считали необходимымъ обставить свою дѣятельность иными внѣшними аксессуарами» [1]). Слѣпое слѣдованіе этому принципу привело къ тому, что многіе изъ пропагандистовъ, «физическія условія которыхъ не допускали возможности легко приспособиться къ внѣшности «простаго рабочаго», напрасно лишь тратили свои силы на эту внѣшнюю, несущественную сторону и добровольно обрекали себя на слишкомъ кратковременную и почти безплодную дѣятельность. Иные изъ нихъ послѣ двухъ недѣль пребыванія на фабрикѣ должны были поспѣшно покидать еще ненасиженное мѣсто, вслѣдствіе того, что «обращали на себя вниманіе неумѣлостью» въ работѣ, неумѣлостью въ самыхъ простыхъ и для рабочаго совершенно обыкновенныхъ житейскихъ случайностяхъ [2]). По мнѣнію Лаврова, «кружокъ Москов-

[1]) „Впередъ", т. V, отд. I стр. 158.

[2]) „Впередъ", т. V, отд. I, стр. 159.

скихъ соціалистовъ погибъ почти цѣликомъ, и если бы русскіе жандармы были болѣе сообразительны, болѣе находчивы, то очень легко могло бы статься, что на скамьѣ подсудимыхъ очутилось бы не 50, а 200 человѣкъ» [1]).

Далѣе высказывается увѣренность, что призывная къ революціонной дѣятельности работа, требовавшая разсѣянія соціалистовъ по всей Россіи и столь необходимая въ началѣ ихъ преступнаго дѣла, можетъ считаться покончennою. Звонъ набатнаго колокола не нуженъ болѣе, такъ какъ правительство своими послѣдними процессами сыграло-молъ послѣдній аккордъ этого набата [2]), т. е. чрезъ посредство открытыхъ засѣданій Особаго Присутствія Правительствующаго Сената и печати распубликовало соціалистическіе принципы по всей Имперіи. Это было писано въ концѣ 77 года, когда, по мнѣнію автора статьи излагаемаго содержанія, для соціалистовъ настала уже пора осѣсться, организовать свои силы и дѣйствовать, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и въ соразмѣрности средствъ съ предстоящею задачею [3]).

Совѣты лондонскаго революціоннаго станка и уроки прошлаго не остались безъ послѣдствій. Соціалисты по возможности осѣлись на мѣстахъ и стали организоваться, поручивъ поддержаніе пропаганды въ деревняхъ своимъ піонерамъ, не возбуждающимъ особаго подозрѣнія по самому роду занятій, каковы, напр., профессіи земскихъ врачей, фельдшеровъ. фельдшерицъ, акушерокъ и учителей начальныхъ училищъ.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 164.

[2]) Тамъ-же, стр. 163.

[3]) Тамъ-же, стр. 161 и 163

Что касается до внутренней организаціи, то изъ чувства самосохраненія они видимо сочли нужнымъ сильнѣе сплотиться и сдѣлать свою среду болѣе замкнутою. Анархическіе порядки уступили мѣсто дисциплинарнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, агентурными свѣдѣніями и до нѣкоторой степени дополняющими ихъ подпольными изданіями выяснено съ достаточной ясностью, что самая программа дѣйствія центральныхъ кружковъ подверглась существенному измѣненію. Эти кружки по прежнему исповѣдуютъ соціалистическій катехизисъ, но направили свои сконцентрированныя силы на борьбу не съ экономическимъ, а съ государственнымъ устройствомъ и на этомъ пути ихъ преступная дѣятельность обострилась до крайности. Революціонная пропаганда среди учащейся молодежи и въ разныхъ слояхъ темнаго люда — не массовая, а отъ лица къ лицу—имѣетъ въ виду не столько пріобрѣтеніе новыхъ адептовъ соціалистическаго ученія, сколько вербовку непосредственныхъ исполнителей замысловъ разрушительнаго характера и преступныхъ мѣръ, клонящихся къ обезпеченію существованія партіи и огражденія отъ опасности ея членовъ [1]). Злодѣйская программа дѣйствія нечаевскаго общества «Народной расправы» видимо установилась [2]). Кружки

[1]) Съ этою цѣлью завербовываются иногда въ соціально-революціонную партію уголовные преступники; напр., Овчинниковъ, приговоренный въ іюлѣ мѣсяцѣ 1879 г. Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію (смертная казнь замѣнена каторгою), судился нѣсколько разъ въ дѣтскомъ возрастѣ и, наконецъ, былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ. По его собственному признанію, онъ былъ завербованъ въ самой тюрьмѣ однимъ изъ содержавшихся тамъ-же политическихъ арестантовъ („Народная воля", № 1, отъ 1 окт. 1879 г., стр. 5).

[2]) Эта программа подробно изложена въ первой части гл. III, настоящ. записки.

преобразовались въ шайки для нападенія на правительственныхъ лицъ, по своему положенію или ревностному исполненію обязанностей наиболѣе препятствующихъ исполненію ихъ преступныхъ плановъ [1]), для ограбленія почтъ [2]) и казначействъ [3]), освобожденія арестованныхъ соучастниковъ [4]), сопротивленія при арестахъ [5]), насильственной расправы съ сотоварищами [6]) и уличныхъ демонстрацій по поводу судебныхъ приговоровъ [7]), съ цѣлью произвести нравственное давленіе на общество и на лицъ, на которыхъ возложена законная обязанность обнаруженія и преслѣдованія злоумышленниковъ. Денежныя средства, время, нравственныя и физическія силы не растрачиваются болѣе на шатаніе въ народѣ, а исклю-

---

[1]) Таковы: покушеніе Вѣры Засуличъ на убійство генералъ-адъютанта Трепова (24 янв. 1878 г.); убійство жандармскаго офицера, барона Гейкинга (въ Кіевѣ, въ ночь на 25 мая 1878 г.); убійство шефа жандармовъ генер.-адъют. Мезенцева (4 августа 1878 г.); убійство князя Крапоткина (въ Харьковѣ, 9 февр. 1879 г.); покушеніе на убійство генер.-адъют. Дрентельна (13 марта 1879 г.).

[2]) Въ Подольской губерніи (дѣло Крыжановскаго и сообщниковъ).

[3]) Въ Херсонѣ

[4]) Таковы: попытка освободить Войнаральскаго изъ Харьковскаго тюремнаго замка (въ концѣ іюня 1878 г.); побѣгъ оттуда же Оомина (29 авг. 1879 г.) посредствомъ подкопа, веденнаго соціалистами изъ сосѣдняго съ тюрьмою дома и побѣгъ изъ Кіевскаго тюремнаго замка государственныхъ преступниковъ (по Чигиринскому дѣлу) Стефановича, Дейча и Бухановскаго. По поводу послѣдняго побѣга, въ особомъ объявленіи отъ исполнительнаго комитета выражена надежда, что „вся лучшая часть общества порадуется“ этому дѣлу рукъ соціалистовъ.

[5]) Шайка Ковальскаго въ Одессѣ; Осинскій, Брандтнеръ и др. въ Кіевѣ.

[6]) Изуродованіе Гориновича (въ Одессѣ въ 1876 г. Дѣло Малинки и сообщниковъ) и убійство Рейнштейна въ Москвѣ (проклам. отъ 1 марта и № 1 листка „Земли и воли“, отъ 12 марта 1879 г).

[7]) Демонстрація у зданія военно-окружнаго суда въ Одессѣ по поводу приговора надъ Ковальскимъ.

чительно употребляются на приготовленіе къ совершенію и на самое совершеніе злодѣйствъ, декретированныхъ исполнительнымъ комитетомъ.

Еще наканунѣ покушенія Мирскаго на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна, сами революціонеры давали слѣдующее объясненіе:

«Среди непроглядной ночи, царящей надъ нашей родиной, подъ непроницаемымъ покровомъ которой уже много лѣтъ кипитъ незамѣтная непривычному глазу подпольная революціонная работа, по временамъ раздаются отдѣльные удары приближающагося землетрясенія.

«Это казни правительственныхъ преступниковъ» (т. е. убійства правительственныхъ лицъ). «Это первые симптомы быстро обостряющейся революціонной борьбы» [1]).

Итакъ, цѣлый рядъ совершенныхъ до 12 марта 1879 г. злодѣйствъ и уголовныхъ преступленій имѣлъ значеніе лишь первыхъ симптомовъ, «отдѣльныхъ ударовъ приближающагося землетрясенія». Преступность замысла шла гораздо далѣе этихъ первыхъ шаговъ. Анархическая агитація, теряя все болѣе и болѣе изъ виду экономическое переустройство общества и пройдя предварительный искусъ чрезъ составленіе и исполненіе отдѣльныхъ заговоровъ противъ личной безопасности правительственныхъ лицъ, переродилась въ организованный и единый заговоръ противъ драгоцѣнной жизни Государя Императора. Если покушеніе 2 апрѣля, глубоко оскорбившее благоговѣйное чувство обожанія Монарха русскимъ народомъ, по своей наружной обстановкѣ не установило еще полной увѣренности въ непосредственной соли-

[1]) № 1 листка „Земли и Воли“, стр. 1.

дарности государственнаго преступника Соловьева со всею шайкою подпольныхъ бунтарей и самая цѣль покушенія осталась невыясненною на судѣ, то послѣ взрыва полотна желѣзной дороги подъ дополнительнымъ къ Императорскому поѣздомъ 19 ноября, по соображеніи приготовительныхъ къ взрыву дѣйствій и данныхъ, доставленныхъ розысками и добытыхъ агентурнымъ путемъ, нѣтъ болѣе основанія допускать дальнѣйшее сомнѣніе въ томъ, что руководители подпольнаго бунта избрали именно цареубійство средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей.

Дерзкое предложеніе сдѣлки съ Верховною властью, изложенное въ выпущенной 22 ноября прокламаціи исполнительнаго комитета, указываетъ, что центральная шайка стремится къ установленію всенароднаго правительства цѣною жизни Государя Императора. «Ниспроверженіе существующихъ нынѣ государственныхъ формъ и подчиненіе государственной власти народу — говорится въ № 2 соціально-революціоннаго обозрѣнія «Народная воля», отъ 15 ноября 1879 г. такъ опредѣляемъ мы главнѣйшую задачу соціально-революціонной партіи въ настоящее время, задачу, къ которой невольно приводятъ насъ современныя русскія условія... Исторія создала у насъ, на Руси, двѣ главныя самостоятельныя силы: народъ и государственную организацію. Другія соціальныя группы и нонынѣ у насъ имѣютъ самое второстепенное значеніе... Непосредственнымъ источникомъ народныхъ бѣдствій, рабства и нищеты является государство» (т. е. современное Россійское государство, какъ это объяснено въ выноскѣ). «Поэтому, какъ только мы задаемся цѣлью освободить народъ, надѣлить его землей, просвѣтить его, ввести въ его жизнь новые принципы» (соціалистическіе) «или возстановить въ

ихъ первобытной чистотѣ старыя традиціонныя основы народной жизни» (вѣроятно, демократическія общины во всей ихъ анархической чистотѣ дорюриковскихъ временъ) — «словомъ какою бы цѣлью мы ни задавались, мы, если только эта цѣль ставится въ интересахъ массы, волей-неволей должны столкнуться съ правительствомъ, которое видитъ въ народѣ своего экономическаго и политическаго раба. Для того, чтобы сдѣлать что нибудь для народа, приходится прежде всего освободить его изъ подъ власти этого правительства, сломить самое правительство, отнять у него его господскую власть надъ мужикомъ. Такимъ образомъ, наша дѣятельность принимаетъ политическій характеръ». Соціалисты очень хорошо понимаютъ, что сломить, какъ они выражаются, правительство Имперіи нападеніями на отдѣльныхъ слугъ престола невозможно; отнятіе отъ организма такихъ его частей, на мѣстѣ которыхъ непосредственно выростаютъ новыя — ни къ чему не ведетъ. Поэтому всѣ удары ихъ подпольной агитаціи направлены на Главу государства, какъ на средоточіе и источникъ всякой власти въ нашемъ отечествѣ, на Самодержца, отъ Котораго они дерзаютъ требовать, въ вышеупомянутой прокламаціи исполнительнаго комитета, полной передачи власти въ руки народа, всего народа, а не сословныхъ представителей. На этомъ единственномъ условіи они соглашаются не посягать болѣе на Священную Особу Государя Императора. Покуда же этого не случится, «а до тѣхъ поръ— прибавляютъ эти безумцы борьба! борьба непримиримая! Пока въ насъ есть хоть капля крови, пока на развалинахъ Самодержавнаго деспотизма не разовьется знамя народной свободы, пока народная воля не сдѣлается закономъ русской жизни!»

Очевидно, что личной ненависти къ Особѣ Государя они не имѣютъ, какъ не имѣютъ и истинно народной любви къ Помазаннику Божію. Охраняемая рукою всеблагаго Провидѣнія драгоцѣнная жизнь Монарха нужна имъ не какъ цѣль, а лишь какъ средство для достиженія цѣли, и притомъ не конечной, а только ближайшей, т. е. для достиженія государственнаго переворота, при помощи котораго они думаютъ совершить соціальную революцію, — экономическое переустройство государства и общества. Въ № 2 своего подпольнаго органа они объясняютъ: «Понятно, что призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, къ политическому перевороту, мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическаго. Мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соціальный переворотъ совершенно сливаются и одинъ безъ другаго немыслимы. Для этого-то политическо-соціальнаго переворота мы лишь намѣчаемъ новый путь, да и то не вполнѣ новый, а только плохо сознаваемый до сихъ поръ партіей» [1]). Окончательно избранный ими, хотя и не новый, злодѣйскій путь цареубійства дѣйствительно можетъ привести къ народному возстанію даже въ томъ случаѣ, если бы преступная рука заговорщиковъ остановилась только на одной жертвѣ своего дикаго неистовства. Русскій народъ въ неподдѣльной искренности своего близкаго къ религіозному чувству обожанія Царя, какъ источника правды, милости и власти, исполненной отеческой о немъ заботливости, склоненъ приписывать крамолу происканъ высшаго въ государствѣ сословія и лицъ, непосредственно стоящихъ у подножія трона. Мнѣніе

[1]) „Народная воля“, № 2, стр. 23.

это поддерживается искусственно адептами нашего революціоннаго движенія и намѣчено уже мѣстными властями. Убивъ высшее сословіе во мнѣніи народа, наши бунтари разсчитываютъ овладѣть движеніемъ массъ и учредить правительство, въ которомъ 90% было бы депутатовъ отъ крестьянъ, или отъ ихъ партіи, если, замѣчаютъ они, эта партія будетъ дѣйствовать съ достаточною ловкостью [1]). Они находятъ, и не безъ основанія, что при современномъ состояніи Россіи паденіе самодержавія, или, что тоже, ограниченіе верховной власти вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, неизбѣжно приведетъ къ торжеству демагогіи, такъ какъ дворянство разрушено, а сколько нибудь сильная организаціей и вліяніемъ на массы буржуазія еще не успѣла народиться [2]). Именно теперь, когда дворянство—это по преимуществу служилое сословіе, дѣйствительная опора трона и самодержавія—находится на пути къ вымиранію, а буржуазія, всегда стремящаяся къ захвату власти въ свои руки, еще не успѣла стать на ноги, сдѣлаться самостоятельнымъ классомъ общества, они и стремятся «сломить» правительство (если бы оно отказалось наложить руки само на себя), какъ единственную организованную силу, мѣшающую осуществленію ихъ анархическихъ плановъ. Нельзя не замѣтить, что верховная власть, въ чемъ либо или почему либо ограниченная, потеряла бы все свое обаяніе въ глазахъ русскаго народа, и не только русскаго изъ числа народовъ, входящихъ въ составъ Имперіи. Это хорошо знаютъ соціалисты и знаютъ также, что коренное населеніе центральной Россіи, наученное тысячелѣтнимъ опытомъ государственной жизни цѣнить

[1]) Тамъ-же, столбецъ 2.

[2]) Та же статья.

блага внутренняго единенія и основаннаго на немъ внѣшняго могущества націи, едва ли когда нибудь согласится съ конституціоннымъ правиломъ: «le roi règne, mais ne gouverne pas».

Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи, съ момента зарожденія этого движенія по настоящую минуту, приводитъ безпристрастнаго изслѣдователя къ тому существенному выводу, что не занесенныя извнѣ ученія и лишенныя всякой почвы мечтанія породили и питаютъ въ нашемъ отечествѣ духъ крамолы и разрушенія. При цѣльности общества, при непоколебимости его консервативныхъ элементовъ, явленія, подобныя переживаемымъ и частью уже пережитымъ нами въ послѣднее десятилѣтіе, никогда не имѣли бы мѣста въ исторіи русскаго народа. На ясно сознанномъ разложеніи общества, потерявшаго свое равновѣсіе, основаны всѣ разсчеты подпольныхъ бунтарей—продукта того же процесса разложенія. Въ такіе моменты силенъ тотъ, чья организація крѣпче. Какъ бы ни было мало твердое тѣло, оно всегда свободно движется въ средѣ, уступающей ему въ силѣ сцѣпленія своихъ частицъ. Коль скоро подпольный бунтъ организовался въ сплоченное цѣлое, дѣйствующее съ тѣмъ бо́льшимъ упорствомъ, чѣмъ дряблѣе духъ окружающей его среды, коль скоро эта среда не только утратила свое нравственное значеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и вліяніе, но и сама поддается на сквозь приникающей ее заразѣ, однимъ словомъ, коль скоро общество не перестаетъ выдѣлять изъ весьма разнообразныхъ слоевъ своихъ контингентъ для пополненія рядовъ преслѣдуемыхъ закономъ враговъ его собственнаго благосостоянія, чего, повидимому, оно не сознаетъ съ полною

ясностью или чему рѣшительно не въ состояніи противиться собственными средствами, тогда борьба съ крамолою всецѣло ложится на одно лишь правительство.

Правительство, такимъ образомъ, является не только охранителемъ порядка, но и силою, отъ которой общество ждетъ своего возрожденія изъ пепла, силою, которая одна только въ состояніи возстановить въ его основѣ незыблемыя консервативныя начала. Когда эти начала прочно положены, тогда нечего опасаться за будущее. Корни крамолы засыхаютъ сами собою, не находя себѣ пищи во всеобщемъ разложеніи той именно среды, которая по самому своему характеру должна быть питомникомъ цивилизаціи, т. е. въ образованномъ обществѣ. Тогда наука приноситъ благо и только благо, потому что *некому* будетъ употреблять ее какъ орудіе разрушенія, во вредъ самой цивилизаціи. А если и возможны были бы единичные случаи такого ложнаго примѣненія знаній, то лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, а не какъ заурядное явленіе.

Что касается до настоящаго, то очевидно, чѣмъ энергичнѣе, быстрѣе и стройнѣе будутъ правительственныя мѣропріятія къ пресѣченію зла, тѣмъ бо́льшаго можно ожидать успѣха; но очевидно также, что, несмотря ни на какую энергію, быстроту и стройность дѣйствія правительственныхъ органовъ, нельзя искоренить крамолу однѣми только репрессивными мѣрами. Подъ внѣшнимъ давленіемъ она можетъ переродиться, какъ и переродилась недавно, можетъ значительно потерять въ теперешней своей интесивности,— погибнетъ же безвозвратно тогда только, когда будетъ обращено серьезное вниманіе на породившія и постоянно питающія ее причины и будетъ положенъ конецъ этимъ причинамъ.

31 декабря 1879 года.

ОПЕЧАТКИ:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
4	6 сверху	вода	года
6	6 снизу	Роттингаузенъ	Риттингаузенъ
7	7 »	Риттенгаузенъ	Риттингаузенъ
18	15 сверху	Бабеера	Бабефа
49	16 »	sicialiste	socialiste
84	6 снизу	нанные	знанные
98	11 сверху	агитаторовъ,	агитаторовъ
118	10 снизу	союзовъ,	союзовъ
137	3 »	к	къ
141	6 сверху	самаго	самого
143	17 »	епособностію	способностію
168	8 снизу	вмѣшательссва	вмѣшательства

2007050479